

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

<i>Волочковская М.А.</i> Элементы конституционно-правового статуса губернатора Санкт-Петербурга	4
<i>Матвеева Е.Ю.</i> Применение договоров в пользу третьего лица в страховой деятельности	7
<i>Пилипенко Е.А.</i> Объективные предпосылки постановки вопроса о частном исполнительном праве как отрасли российской права.....	11
<i>Семенова Д.М.</i> К вопросу о структуре института множественности преступлений.....	17
<i>Сидорова В.Н.</i> К вопросу об актуальности комплексного междисциплинарного экономико-правового направления в науке	22
<i>Соснин А.В.</i> Юридическая хронология о становлении легализации легитимной силы правоприменительного акта в 1818–1822 годах Российской империи	27
<i>Турянская Е.С.</i> Исследование нетипичных форм правления в Античном и Средневековом мире	33
<i>Беденков В.В., Тыщенко Г.В.</i> К вопросу о реализации принципа милосердия в юридическом процессе	36

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Васютин В.В.</i> Социальная обусловленность криминализации деяний, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств	40
<i>Махмудова М.В.</i> Финансовые услуги в публичных закупках.....	46
<i>Новиков А.Б., Дорохова А.Ю.</i> К вопросу об охране здоровья трудоспособного населения.....	51

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Изотова А.Н.</i> Право на тайну связи абонента и пользователя	55
<i>Вершинина Е.С., Николаев В.Б.</i> Оценка качества регламентации области обеспечения безопасности дорожного движения в разные временные периоды.....	59
<i>Исмаилов Р.А.</i> Проблемы защиты авторских прав в цифровой среде	63
<i>Медведев В.Н.</i> Художественно-стилевые особенности как новый объект интеллектуальной собственности в сфере народных художественных промыслов.....	66
<i>Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М.</i> Чат-бот как элемент правовой реальности.....	72

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Евдокимова В.А.</i> Актуальные проблемы использования современных носителей информации в доказывании.....	76
--	----

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 04.10.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

<i>Идрисов Н.Т.</i> Уголовно-правовые запреты на преступления, совершаемые в сфере профессиональной медицинской деятельности	79
<i>Морозов Р.А.</i> Коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок.....	84
<i>Салмина С.Ю.</i> Экономическое положение органов прокуратуры: историко-правовые аспекты.....	88
<i>Смирнов А.И.</i> Правоохранительная деятельность прокуратуры, по обеспечению защиты хозяйствующих субъектов, в делах о несостоятельности (банкротстве).....	93

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Булыгин А.В., Булыгина Ю.Я., Бровина А.В.</i> Стандарты досудебного освобождения обвиняемых в США: значение и основные идеи	97
<i>Миняйленко Н.Н., Зеничев Н.А.</i> Особенности системы источников права, регулирующих принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам, в странах англо-саксонской правовой семьи	101

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Volochkovskaya M.A.</i> Elements of constitutional and legal status governor of Saint Petersburg	4
<i>Matveeva E. Yu.</i> Application of contracts in favor of a third party in insurance activities	7
<i>Pilipenko E.A.</i> Objective principles for stating the question on private executive right as a branch of Russian law	11
<i>Semenova D.M.</i> To question about the structure of the institute of the multiple offences	17
<i>Sidorova V.N.</i> On the relevance of a comprehensive interdisciplinary economic and legal direction in science	22
<i>Sosnin A.V.</i> Legal chronology of the formation of legalizing the legal force of the law enforcement act in 1818–1822 of the Russian Empire	27
<i>Turyanskaya E.S.</i> Study of atypical forms of government in the Ancient and Medieval world	33
<i>Bedenkov V.V., Tyshchenko G.V.</i> On the question of the implementation of the principle of mercy in the legal process	36

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Vasyutin V.V.</i> Social conditionality of criminalization of acts that threaten safe operation of vehicles	40
<i>Makhmudova M.V.</i> Financial services in public procurement	46
<i>Novikov A.B., Dorohova A.Y.</i> To the safeguarding of the working population`s health	51

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

<i>Izotova A.N.</i> The right to privacy of communication the subscriber and his user	55
---	----

<i>Vershinina E.S., Nikolaev V.B.</i> Assessment of the quality of regulation in the field of road safety in different time periods	59
<i>Ismailov R.A.</i> Problems of copyright protection in the digital environment	63
<i>Medvedev V.N.</i> Artistic and stylistic features as a new item of intellectual property in the field of folk-art crafts	66
<i>Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M.</i> Chatbot as an element of legal reality	72

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Evdokimova V.A.</i> Actual problems of using modern data carriers in proof	76
<i>Idrisov N.T.</i> Criminal law prohibitions on crimes committed in the field of professional medical activity	79
<i>Morozov R.A.</i> Corruption offenses in the field of state and municipal procurement	84
<i>Salmina S. Yu.</i> Economic situation of Prosecutor`s offices: historical and legal aspects	88
<i>Smirnov A.I.</i> Law enforcement activities of the prosecutor`s office to ensure the protection of business entities in insolvency (bankruptcy) cases	93

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Bulygin A.V., Bulygina Yu.Y., Brovina A.V.</i> Standards for pretrial release of accused persons in the United States: meaning and basic principles of formation	97
<i>Minyaylenko N.N., Zenichev N.A.</i> Properties of the system of sources of law regulating the compulsory execution of court decisions in civil disputes in the countries of the Anglo-Saxon legal family	101

Элементы конституционно-правового статуса губернатора Санкт-Петербурга

Волочковская Мария Александровна,

аспирант, Северо-Западный Институт управления РАНХиГС
E-mail: mvolochkovskaya@inbox.ru

В настоящей статье рассмотрен особый конституционно – правовой статус губернатора, особенности его элементов. Изучено законодательство Санкт-Петербурга в данной области. Обоснована позиция о том, что статус губернатора является более высоким, чем статус главы коллегиального органа. Проанализированы: Постановление Конституционного Суда РФ, позиции ученых. Рассмотрен отзыв губернатора. По результатам рассмотрения тематики статьи был сделан ряд выводов в части: включения в конституционно – правовой статус губернатора определенных обязательных компонентов. В частности, должно предусматриваться: наличие личного ценза кандидата; наличие образовательного ценза; наличие стажа работы в государственных или общественных организациях (как критерий соответствия должности); наличие иммунитета для уравнивания существующей высокой конституционно-правовой ответственности губернатора как элемента, выполняющего, помимо этого, также и функцию паритетности.

Ключевые слова: губернатор, должностное лицо, субъект РФ, исполнительная власть, глава, отзыв, элементы, права, обязанности.

Наукой конституционного права определено, что высшее должностное лицо в государстве – это глава государства, он юридически занимает высшее место в системе органов власти высшее место. По нашему мнению, статусные признаки, характерные для главы государства, характерны и для высшего должностного лица субъекта РФ.

В Российской Федерации 85 субъектов и у высшего должностного лица субъекта имеется собственная компетенция, которая и реализуется им вне зависимости от иных органов государственной власти. В связи с чем полагаем, что избранная в настоящей статье тема важна и значима в настоящее время. Об этом свидетельствует, в том числе, и состояние нормативной правовой базы, регулирующей существование и функционирование исследуемого государственного института.

Как правило, устанавливая место должностных лиц субъектов РФ в системе разделения властей, высших должностных лиц субъектов РФ относят к исполнительной ветви власти, включают в ее состав. Такого мнения придерживаются М.В. Сидорова [4. С. 39].

Как полагает С.А. Авакьян: «высшее должностное лицо можно считать не только руководителем высшего коллегиального органа, поскольку оно выступает руководителем всей системы исполнительной власти в субъекте» [3. С.828].

Обращаясь к рассмотрению конституционно – правового статуса губернатора Санкт-Петербурга отметим, что рассматриваемое должностное лицо, особенно в городе федерального значения, таком, как Санкт-Петербург, в последнее десятилетие все больше привлекает внимание ученых. Губернатор является высшим должностным лицом города. Он возглавляет исполнительную власть и Правительство Санкт-Петербурга. Вместе с тем, особенности его статуса, полномочия, совокупность прав и обязанностей отличны от аналогичных должностей в иных субъектах РФ.

Процесс становления конституционно-правового статуса губернатора проходил постепенно, в несколько этапов. Первый этап (1991–1993 гг.) характеризуется непосредственно введением должности главы администрации соответствующего региона и наделением его основными исполнительно-распорядительными полномочиями, в том числе правом принятия нормативных

правовых актов. Выделение второго этапа (1994–1999 гг.) обусловлено принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Важность принятой Конституции РФ обуславливается, в том числе, тем, что в первый в Основном законе нашло свое закрепление право административно-территориального образования – субъекта РФ – формировать собственное законодательство. Помимо указанного Конституцией РФ был установлен статус субъектов РФ (ст. ст. 5, 66, ч. 2 ст. 70), основы принципов и отдельных форм нормотворчества, и вопросы, регулируемые их нормативными правовыми актами (ч. 2 ст. 4, ст. ст. 5, 10, 11, 66, 71–73, 76). На третьем этапе (1999–2011 гг.) развития накопленный опыт деятельности высшего должностного лица субъекта в области федерального законодательства был отчасти систематизирован принятием Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ.

Губернатор – это высшее должностное лицо города. Он возглавляет исполнительную власть и Правительство Санкт-Петербурга. Конституционно-правовой статус губернатора, по нашему мнению, произведен от конституционно-правового статуса гражданина. В научной литературе содержатся достаточно разнообразные определения статуса. Так, ранние диссертационные исследования содержали разные суждения об его элементном составе. Вместе с тем, неслучайно в полном объеме согласиться с данными мнениями, поскольку сама конструкция конституционно-правового статуса не должна перегружаться второстепенными элементами (а именно: наименование, характеристика должности).

В качестве обязательных элементов конституционно-правового статуса в параграфе предлагаем выделять:

- функции и компетенцию,
- порядок замещения должности,
- гарантии,
- ответственность.

Предметы ведения губернатора закреплены в ст. 42 Устава.

Рассматривая совокупность прав и обязанностей Губернатора исследуем сначала принадлежащие ему права. Так, согласно закону Санкт-Петербурга от 08.02.2013 № 55–9 «О Губернаторе Санкт-Петербурга» (далее – Закон № 55–9), губернатор имеет право на:

- предоставление ежегодного отпуска с сохранением замещаемой должности и денежного вознаграждения (включает в себя основной оплачиваемый отпуск и дополнительный оплачиваемый отпуск за ненормированный служебный день (ст. 3 Закона № 55–9));
- денежное вознаграждение в виде должностного оклада, в размере 60 расчетных единиц (ст. 4 Закона № 55–9);
- дополнительные выплаты (ст. 4 Закона № 55–9);
- добровольное медицинское страхование, предоставляемое на условиях и в порядке, установ-

ленном законодательством Санкт-Петербурга (п. 6.1. Закона № 55–9) и др.

Полномочия губернатора закреплены в ст. 42 Устава. Они раскрываются по всем направлениям деятельности действующего губернатора, что возможно проследить из его ежегодных отчетных выступлений. Поскольку губернатор является высшим должностным лицом города, его участие во всех сферах жизни города несомненно. Гарантии деятельности губернатора устанавливаются Законом Санкт-Петербурга от 30.05.2005 № 224–28 [2].

Обратимся к рассмотрению конституционно-правовой ответственности губернатора как неотъемлемой составляющей его конституционно-правового статуса. Ст. 29.1. Закона предусматривает возможность привлечения к ответственности должностных лиц органов исполнительной власти субъекта РФ. Принятие такого решения – это право, а не обязанность Президента РФ.

Конституционно-правовая ответственность губернатора является неотъемлемой составляющей его статуса. Причем отзыв не освобождает губернатора от иного вида юридической ответственности.

Наличием вины в действиях губернатора является совокупность двух критериев, а именно:

- наличие возможности в действиях по соблюдению конституционных норм,
- непринятие всех зависящих от него мер по соблюдению данных конституционных норм.

Сама должность губернатора подвержена политическим рискам. В связи с чем, с целью обеспечения наиболее качественного функционирования в своей должности высшее должностное лицо должно обладать определенными гарантиями его деятельности. То есть, как минимум теми, которые имеются у депутатов высшего представительного (законодательного) органа, функционирующим в субъекте РФ.

В завершение сделаем следующие выводы.

1. В России двухтысячные годы ознаменовались началом реформы федеративной модели, имеющей своей целью: укрепление единства страны, борьбу с коррупционными проявлениями, укреплением «вертикали власти», противостоянием терроризму. Федеральный центр предпринял комплекс радикальных мер по реализации выше обозначенных изменений.

Так, был создан институт полномочных представителей Президента, созданы федеральные округа, предусмотрен иной порядок формирования верхней палаты Федерального Собрания России; были приняты изменения к Федеральному закону от 06.10.1999 № 184-ФЗ [1], которые послужили правовым основанием для правомочий Президента РФ отрешать от должности глав регионов.

Как итоги вышеуказанной реформы выделим следующее:

- достижение практически полной «обособленности» главы субъекта РФ (исходя из порядка занятия данной должности) от населения региона;

– губернатор теперь стал находиться в состоянии жесткой субординации с Президентом РФ.

2. В связи с чем предлагаем включить в конституционно-правовой статус губернатора определенные обязательные компоненты. В частности, должно предусматриваться:

- наличие личного ценза кандидата;
- наличие образовательного ценза;
- наличие стажа работы в государственных или общественных организациях (как критерий соответствия должности);
- наличие иммунитета для уравнивания существующей высокой конституционно-правовой ответственности губернатора как элемента, выполняющего, помимо этого, также и функцию паритетности.

Литература

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
2. Закон Санкт-Петербурга от 30.05.2005 № 224–28 (ред. от 24.04.2018) «О гарантиях деятельности лиц, замещающих (замещавших) государственные должности Санкт-Петербурга» (принят ЗС СПб 11.05.2005) // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. № 6. 2005.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: Учебное пособие: В 2 т. М.: Норма, 2015. Т. 2. С. 828.
4. Сидорова М.В. Исполнительная власть Российской Федерации: понятие, структура, административно-правовой статус: Учебное

пособие. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2014. С. 39.

ELEMENTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS GOVERNOR OF SAINT PETERSBURG

Volochkovskaya M.A.

North-West Institute of management of Ranepa

This article discusses the special constitutional and legal status of the governor, the features of its elements. The legislation of Saint Petersburg in this area has been studied. The article substantiates the position that in recent years the status has been significantly strengthened, its competence has been expanded, and that the status of the highest official is higher than the status of the head of a collegial body. Analyzed: Reviewed the governor's review. Based on the results of the review article, a number of conclusions were made regarding the inclusion of certain mandatory components governor. In particular, the following should be provided: the candidate's personal qualification; the educational qualification; the length of service in state or public organizations (as a criterion for matching the position); the presence of immunity to balance the existing high constitutional and legal responsibility of the Governor as an element that also performs the function of parity.

Keywords: governor, official, Executive power, head, review, elements, rights, duties.

References

1. Federal law No. 184-FZ of 06.10.1999 (as amended on 27.12.2019) «On General principles of organization of legislative (representative) and Executive state authorities of constituent entities of the Russian Federation» // collected legislation of the Russian Federation. 1999. № 42. St. 5005.
2. The law of St. Petersburg dated 30.05.2005 № 224–28 (ed. by 24.04.2018) «On guarantees of activities of the persons substituting (replacing) the public office of Saint-Petersburg» (SPb adopted the AP 11.05.2005) // Bulletin Of The Administration Of Saint Petersburg. № 6. 2005.
3. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia: Training course: Textbook: In 2 Vols.: Norma, 2015. Vol. 2.p. 828.
4. Sidorova M.V. Executive power of the Russian Federation: the concept, structure, administrative-legal status: a Training manual. Orel: Oryol law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2014. p. 39.

Применение договоров в пользу третьего лица в страховой деятельности

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н, доцент Департамента правового регулирования
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Страхование является сферой, в которой наиболее часто заключаются договоры в пользу третьих лиц. Указанная договорная конструкция востребована как сферой личного, так и сферой обязательного страхования т.к. позволяет при страховом случае произвести страховую выплату третьему лицу – выгодоприобретателю, не привлекая данное лицо к непосредственному участию в заключении договора.

В статье рассмотрены некоторые особенности применения договоров в пользу третьих лиц в страховой деятельности. Обозначена специфика применения договоров в пользу третьего лица в страховой деятельности, которая заключается в том, что к определенным договорам страхования конструкция договора в пользу третьего лица не применима (например, при страховании предпринимательского риска), а определенные договоры страхования априори предусматривают участие в правоотношениях выгодоприобретателя (например, при страховании ответственности за причинение вреда). Автор статьи осветил ряд вопросов, возникающих при заключении и реализации страховых договоров в пользу третьих лиц. В частности: квалифицирующих признаков договора в пользу третьего лица в страховании, субъектного состава сторон, правового статуса выгодоприобретателя, соотношения договора в пользу третьего лица с условной сделкой.

Ключевые слова: договор страхования, выгодоприобретатель, страховщик, третьи лица, застрахованное лицо, страхователь.

На протяжении длительного времени частное право не признавало возможности участия третьих лиц на стороне кредитора. Со временем, по мере развития кредитования, страхования, перевозок грузов, совершенствования и усложнения завещательных прав, усложнение общественных связей и отношений сделало договоры в пользу третьих лиц востребованным правовым институтом. На данный момент договоры в пользу третьих лиц имеют в страховании обширнейшую практику применения. Более того, анализ истории права позволяет утверждать, что развитие учения о договоре в пользу третьего лица и внимание цивилистов к этому гражданско-правовому институту в достаточной степени было обусловлено распространением и усложнением во второй половине XIX века договоров страхования жизни.

Страхование не может осуществляться без договора и договор этот всегда заключается в письменной форме. Суть договорных отношений сводится к тому, что страхователь должен внести страховщику страховой взнос, а страховщик при наступлении определенного события – страхового случая должен произвести в пользу страхователя страховую выплату, компенсирующую в той или иной степени негативные последствия наступившего страхового случая. Договоры страхования регулируются положениями Главы 48 Части второй ГК РФ.

Договор страхования может быть заключен в пользу третьего лица – выгодоприобретателя – в этом случае у страхователя или у застрахованного лица не возникает право получения страховой выплаты. Относительно договора в пользу третьего лица Ю.Б. Фогельсон указывает, что законодательство, доктрина и практика выработали относительно этого правового института два квалифицирующих признака [4]:

- обязательство исполняется не кредитору, а третьему лицу
- третье лицо наделяется самостоятельным правом требования по договору.

Таким образом, выгодоприобретатель имеет право требовать у страховщика выплаты страхового возмещения, а также выполнения других предусмотренных законом или договором обязанностей. Выплата страховой премии не тому лицу, которое было обозначено выгодоприобретателем, незаконна. В свою очередь, при предъявлении выгодоприобретателем требования о выплате страхового возмещения по договору имущественного страхования либо страховой суммы по договору личного страхования, страховщик вправе требовать от выгодоприобретателя выполнения обязанностей по договору страхования, включая обязанности, не выполненные страхователем.

Третье лицо, в пользу которого заключен договор, может быть и не персонифицировано договором (ст. 430 ГК РФ). Это общее правило применяется и в страховой деятельности. Так, в имущественном страховании, при такой конструкции страхователю выдается полис на предъявителя (ст. 930 ГК РФ) и предъявление такого полиса выгодоприобретателем является условием, дающим возможность принятия исполнения по договору в свою пользу. Следует отметить, что при кажущемся сходстве с ценной бумагой, страховой полис на предъявителя таковой не является.

Относительно субъектного состава выгодоприобретателя необходимо отметить, что договор в пользу третьего лица в страховании может быть заключен как в пользу физического, так и в пользу юридического лица. **Также** необходимо указать, что страхователь может заключить договор в пользу нескольких выгодоприобретателей и по своему усмотрению предусмотреть порядок распределения между ними страховой суммы. Если же страховая сумма не распределяется между выгодоприобретателями условиями договора, то в предпологается, что такие третьи лица будут обладать по договору страхования равными правами и обязанностями.

Предметом договора страхования является услуга – деятельность страховщика по предоставлению страховой защиты, объектом будет то, на что направлена такая защита, а именно имущественные интересы. Применить договор в пользу третьих лиц, а именно застраховать ответственность, имущество, жизнь и здоровье можно только в том случае, если у страхователя и выгодоприобретателя есть интерес в сохранении объекта страхования.

Применение договора в пользу третьего лица предопределяет момент получения страховых выплат при страховании жизни. Обычный договор страхования – соглашение, в котором указан только страхователь и застрахованный. В случае смерти застрахованного лица, выгодоприобретателями по традиционному договору автоматически становятся наследники по закону, которые получают право на страховое возмещение только по истечении 6 месяцев после смерти застрахованного лица, т.е. по факту вступления в наследство. Сама выплата при этом будет распределяться между всеми наследниками в соответствии с законом. Если же в договоре указан выгодоприобретатель, то он получает выплату непосредственно после страхового случая и в полном размере.

Поскольку выплата страховой суммы всегда связана с фактом наступления страхового случая и при этом не известно наступит ли страховой случай, договор страхования имеет определенные черты сделки под отлагательным условием. Сходство с условной сделкой придает договору в пользу третьего лица и то обстоятельство, что закон «связывает наступление определенных правовых последствий с фактом выражения третьим лицом своих намерений» [1] и данное обстоятельство

так же может не наступить. **Принципиальным отличием** договора страхования, не позволяющего относить его к сделкам, совершенным под условием является то, что договор страхования действует с момента его заключения или уплаты в определенный срок страхового взноса, а не с момента события, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит как при условной сделке.

Основная цель правового регулирования договоров страхования – защита интересов. Начало действия страховой защиты не зависит от воли и желания третьего лица, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателя). Отсюда следует, что договор страхования в пользу третьего лица (выгодоприобретателя) не является сделкой, совершенной под отлагательным условием.

В теории гражданского права договор в пользу третьего лица используется как основание для деления договоров методом дихотомии «на договоры в пользу их участников и договоры в пользу третьего лица» [2]. Однако при этом встает вопрос – в какой степени конструкция договора в пользу третьего лица применима при различных правоотношениях в сфере страхования. Следует сделать вывод, что определенные страховые договоры (как правило договоры обязательного страхования) априори могут быть реализованы исключительно в рамках конструкции договора **в пользу третьего лица**. Например, договор страхования ответственности за причинение вреда: при данном виде страхования лицо, которому может быть нанесен потенциальный вред всегда находится за рамками договора. Одновременно с этим, существует и обратная ситуация – некоторые договоры страхования не могут быть заключены в пользу третьего лица ни при каких обстоятельствах. В качестве примера приведем договор, предметом которого является страхование предпринимательского риска. Такой договор всегда заключается в пользу страхователя. Например, при оформлении кредита банк заключает договор страхования предпринимательского риска на случай невозврата банку кредитных средств, и в таком договоре выгодоприобретателем будет выступать непосредственно банк.

Выгодоприобретатель в договорах в пользу третьих лиц не является самостоятельным участником страховых отношений, он не может влиять на условия данного договора, и может быть заменен страхователем. Замена выгодоприобретателя возможна: до наступления страхового случая, до момента исполнения третьим лицом каких-либо обязательств по договору, до момента предъявления от выгодоприобретателя к страховщику требования о выплате по договору.

Положение выгодоприобретателя в страховых отношениях (положение третьего лица) зачастую оказывается сложным в силу того, что выгодоприобретатель не владеет полной информацией – о том, что в его пользу заключен договор страхования либо осведомлен о таком факте, но не зна-

ком с конкретными условиями договора. Кроме того, третьему лицу могут быть не известны ни факты, ни обстоятельства изменения его статуса как выгодоприобретателя в ходе действия договора страхования.

«Все виды страхования по категориям можно разделить на личное страхование и имущественное страхование. Все виды страхования по категориям можно разделить на личное страхование и имущественное страхование.

Виды страхования, относящиеся к личному страхованию: страхование жизни, пенсионное страхование, медицинское страхование, страхование от болезней и несчастных случаев.

Виды страхования, относящиеся к имущественному страхованию: страхование средств транспорта, страхование грузов, сельскохозяйственное страхование, страхование иного имущества юридических лиц и граждан, страхование ответственности, страхование финансовых и предпринимательских рисков» [3].

Конструкция договора в пользу третьего лица в равной степени широко используются и в имущественном и в личном страховании.

Заключая тот или иной договор страхования в пользу третьего лица, страхователь имеет интерес в том, чтобы исполнение было произведено именно и этому лицу либо в силу закона обязан назначить выгодоприобретателя. Так в договоре страхования ответственности выгодоприобретателем может быть назначено только лицо, которому может быть причинен вред в результате наступления страхового случая, т.е. потенциальный потерпевший. По договору страхования имущества выгодоприобретателем может являться только лицо, имеющее интерес в сохранении имущества. Более того указанное обстоятельство закон связывает с действительностью договора страхования. В договоре личного страхования в качестве гарантии имущественных интересов застрахованного лица действует правило о необходимости получения письменного согласия застрахованного лица на договор в пользу третьего лица, т.е. выгодоприобретатель всегда «санкционируется» застрахованным лицом.

Российская доктрина рассматривает договор в пользу третьего лица не как самостоятельный вид договора, а как специальную договорную конструкцию, в периметре которой могут быть реализованы договоры различной направленности: страхования, доверительного управления, перевозки и т.д. В ГК РФ специальные договорные конструкции выделены из традиционных обязательств и обособлены в части первой ГК РФ. На сегодняшний момент ГК РФ поименованы следующие специальные договорные конструкции: публичный договор (ст. 426), договор присоединения (ст. 428), предварительный договор (ст. 429), рамочный договор или договор с открытыми условиями (ст. 429.1), опционный договор (ст. 429.3), договор с исполнением по требованию (ст. 429.4) и договор в пользу третьего лица (ст. 430). Дого-

вор личного страхования, заключенный в пользу выгодоприобретателя будет являться договором, совмещающим одновременно специальную договорную конструкцию публичного договора и конструкцию договора в пользу третьего лица.

В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты применения договоров в пользу третьих лиц в страховой деятельности. Договор в пользу третьего лица пришел в практику делового оборота в целом, и в сферу страхования в частности, как правовое средство, позволяющее создать сторонам необходимые договорные связи без непосредственного участия третьего лица в заключении договора или в условиях, когда выгодоприобретатель на стадии заключения договора еще не может быть определен страхователем, а также как инструмент позволяющий в установленных законом случаях направить страховое возмещение не стороне договора, а лицу, которому непосредственно причинен ущерб в результате наступления страхового случая.

Литература

1. Захаров Юрий Юрьевич. Договор в пользу третьего лица в теории и хозяйственной практике: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: Москва, 2003/152 с. РГБ ОД, 61:0412/549
2. Ильясов М.-С.З. Характеристика договоров в пользу третьих лиц // Современное право. 2019. № 1. С. 57–59. – DOI: 10.25799/NI.2019.91.1.026 (www.doi.org).
3. Ручкина Г.Ф. др. // Финансовое право. Учебник и практикум / Москва, 2019. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.) // Матвеева Е.Ю. «Глава 9. Финансово-правовое регулирование страховой деятельности».
4. Фогельсон Ю.Б., Ефремова М.Д. Договоры в пользу третьего лица: опыт неdogматического исследования. М., 2014. 192с.

APPLICATION OF CONTRACTS IN FAVOR OF A THIRD PARTY IN INSURANCE ACTIVITIES

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Insurance is the area in which deals are often concluding in favor of third parties. The specified contractual structure is in demand both in the sphere of personal and compulsory insurance, since it allows, in case of an insured event, to make an insurance payment to a third party – the beneficiary, without directly involving this person in participation in the conclusion of the contract.

The article discusses some of the features of the use of contracts in favor of third parties in insurance activities. The specificity of the application of contracts in favor of a third party in insurance activities is indicated, which consists in the fact that the structure of a contract in favor of a third party is not applicable to certain insurance contracts (for example, when insuring business risk), and certain insurance contracts a priori provide for participation in the legal relationship of the beneficiary (for example, for liability insurance for damage). The author of the article highlighted a number of issues that arise during the conclusion and implementation of insurance contracts in favor of third parties. In particular: the qualifying features of the contract in favor of a third party in insurance, the subject composition of the parties, the legal status of the beneficiary, the ratio of the contract in favor of a third party with a conditional transaction.

Keywords: insurance contract, beneficiary, insurer, third parties, the insured person, insurant.

References

1. Zakharov Yuri Yurievich. Agreement in favor of a third party in theory and business practice: Dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.03: Moscow, 2003152 p. RSL OD, 61: 0412/549
2. Ilyasov M.-S.Z. Characteristics of contracts in favor of third parties // Modern law. 2019.N1.P. 57–59. – DOI: 10.25799 / NI.2019.91.1.026 (www.doi.org).
3. Ruchkina G.F. etc. // Financial Law. Textbook and workshop / Moscow, 2019. Ser. 76 Higher education (1st ed.) // Matveeva E. Yu. "Chapter 9. Financial and legal regulation of insurance activities."
4. Fogelson Yu.B., Efremova M.D. Third Party Agreements: An Experience of Non-Dogmatic Research. M., 2014.192 p.

Объективные предпосылки постановки вопроса о частном исполнительном праве как отрасли российской права

Пилипенко Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: 89184127123@mail.ru

Предметом исследования является совокупность положений, сформулированных на уровне законодательства, теории и практики частного права в отечественной правовой системе. Целью работы является проведение анализа существующих подходов для постановки точной правовой идентификации вопроса о выделении частного исполнительного права в самостоятельную отрасль.

В качестве основных методов исследования использовалась совокупность общенаучных методов (анализ, синтез), а также частнонаучных методов (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, эмпирический).

В результате проведенного исследования формулируется вывод о невозможности охватить в рамках конструкции исполнительного производства всего многообразия отношений, возникающих при исполнении судебных актов и других исполнительных отношений, – прежде всего тех, которые основаны на началах диспозитивности, автономии воли участников исполнительных правоотношений.

Положения, сформулированные в настоящем исследовании, будут полезны при реформировании организации исполнительного производства в Российской Федерации (введением института частных судебных исполнителей).

Научная новизна исследования состоит в обосновании автором необходимости введения в научный оборот понятия «частное исполнительное право».

Ключевые слова: исполнительное право, частное право, исполнительное производство.

На протяжении последних десятилетий в российской правовой науке ведется дискуссия о юридической природе и отраслевой принадлежности правовых норм и институтов, регулирующих отношения, возникающие при исполнении актов судов и иных юрисдикционных органов. Высказанные точки зрения варьируются от признания их частью гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, имеющей, соответственно частно-правовую природу, до отнесения их к административному праву и рассмотрению через призму механизмов государственного принуждения, осуществляемого органами исполнительной власти. При этом большинство ученых едины в том, что до настоящего времени наукой не выработано стройной, логически завершенной концепции, позволяющей точно идентифицировать данное правовое образование.

Прежде чем предпринимать попытки обосновать какую-либо точку зрения, углубляясь в исследование связанных с этим отдельных теоретических вопросов, необходимо в первую очередь понимать цель, объективную потребность в подобной идентификации отраслевой принадлежности. На сегодня правовые институты, регулирующие исполнительные правоотношения, сложились, апробированы и с той или иной степенью эффективности функционируют. Что изменится, по сути, от того, будут ли они отнесены к гражданскому, арбитражному процессуальному праву, или к административному праву, либо признаны неким комплексным правовым образованием, не имеющим однородной отраслевой принадлежности? Тем более, что таких правовых образований по мере развития российской правовой системы становится все больше, а грани между «классическими» отраслями права постепенно стираются и становятся все более условными.

Не будет ли подобная отраслевая «маркировка» сугубо умозрительным, надуманно теоретизированным актом, не имеющим никого практического значения, кроме, возможно, критерия отнесения к определенной научной специальности (хотя для практики то, в рамках какой научной специальности исследуется то или иное правовое явление, имеет весьма косвенное значение)? Как представляется, ответ на этот, весьма неоднозначный, но все же неизбежный вопрос должен быть отрицательным.

Вопрос определения отраслевой принадлежности общественных отношений, регулируемых правом, – это вопрос правовой идеологии. В зависимости от его решения выстраивается вся дальней-

шая логика правового регулирования и прежде всего выбираются методы правового регулирования, определяется сочетание императивных и диспозитивных начал в правовых нормах. Недооценка этого фактора может стать причиной критических ошибок в текстах уже непосредственно законодательных актов и крайне негативных социальных последствий. В качестве примера можно упомянуть деятельность, связанную со взысканием задолженности с граждан (так называемую коллекторскую деятельность), которая в силу отсутствия специального правового регулирования стала постепенно приобретать неприемлемые формы и стоила жизни и здоровья не одному человеку. И даже после принятия специального федерального закона¹ многие аспекты, свидетельствующие о всей глубине социальной проблематики этой деятельности, не были учтены, что потребовало дальнейшей доработки закона. Приведенный пример не означает, что коллекторская деятельность относится к предмету регулирования, скажем, публичного, а не частного (гражданского) права. Но он свидетельствует о том, что целые сферы общественных отношений могут «не уместиться» в общецивилистические правовые конструкции и требуют специального комплексного правового регулирования.

В современной России за последние десятилетия принципиально изменилось отношение и государства, и общества к судебной власти, ее решениям и реальности их исполнения. В 1990-х годах существовало устойчивое мнение, что добиться исполнения судебного акта – это если и не исключение, то далеко не правило. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Этому способствовало как общее укрепление правопорядка в стране, так и создание, фактически с нуля, системы принудительного исполнения судебных актов, включая необходимую законодательную базу. В то же время, соответствующие нормы не консолидированы в одном законодательном акте, который бы комплексно регулировал исполнительные правоотношения. Они содержатся в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Бюджетном кодексе Российской Федерации, Налоговом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О судебных приставах», Федеральном законе «Об исполнительном производстве», ряде других федеральных законов и подзаконных актов.

На сегодня можно с уверенностью утверждать, что в Российской Федерации сложилась специфическая сфера общественных отношений, возникающих при исполнении актов судов и других юрисдикционных органов, требующая более системно-

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 N230-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». // «Российская газета», N146, 06.07.2016. (дата обращения 24.09.2020).

го правового регулирования. Вполне закономерно в правовой науке появились многочисленные исследования, результатом которых стали выводы о формировании новой отрасли российского права. Высказанные при этом точки зрения можно разделить на три основные группы.

Первая позиция заключается в развитии концепции исполнительного права или исполнительного производства как отрасли права².

Вторая группа авторов рассматривает исполнительное производство исключительно как институт административного права³.

Наконец, третья группа авторов придерживается точки зрения о преждевременности вывода о появлении соответствующей самостоятельной отрасли права⁴.

Имеющиеся подходы, как по существу, так и терминологически, не позволяют решить задачу точной правовой идентификации рассматриваемого явления. В рамках конструкции исполнительного производства невозможно охватить всего многообразия отношений, возникающих при исполнении судебных актов и других исполнительных отношений, – прежде всего тех, которые основаны на началах диспозитивности, автономии воли участников исполнительных правоотношений. Понятие же «исполнительное право», которое положено в основу многих исследований и учебных курсов, представляется неудачным, поскольку не позволяет провести грань между исполнением актов по делам, основанным на нормах частного и публичного права (уголовного, административного), реализация которых принципиально различна по сути.

С другой стороны, в современную науку введено понятие гражданское исполнительное право⁵. Такой термин подразумевает реализацию норм

² Свирин Ю.А. Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М.: Оверлей, Астра Полиграфия, – 2009. С. 72–73; Валеев Д.Х., Загидуллин М.Р., Костюшин Е.К., Челышев М.Ю. Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистическая основа: Монография / Отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2007. С. 36–37; Исаенкова О.В. Исполнительное производство в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития. М.: «Юрлитинформ», 2007. С. 158–171. Валеев Д.Х. Исполнительное производство / Под ред. Я.Ф. Фархтдинова. СПб., 2002. С. 19–21.

³ Гуреев В.А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства. – Диссертация доктора юридических наук. М., 2013; Оганесян В.М. Исполнительное производство в Российской Федерации: административно-правовая природа и правовой режим. – Диссертация кандидата юридических наук. М., 2007. Гуреев В.А., Гуцин В.В. Исполнительное производство: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Статут», 2014. С. 64–65.

⁴ Гусаков С.Ю. Об исполнительном (гражданском исполнительном) праве // «Практика исполнительного производства» 2019. N1. С. 6–15.

⁵ Малюшин К.А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена и новые идеи». Кн. 3; Ситдикова Л.Б., Свирин Ю.А. Онтологическая природа гражданского исполнительного права // «Исполнительное право» 2009. № 4. С. 24–28; Максуров А.А. Предмет и метод гражданского исполнительного права // «Исполнительное право». 2009. № 1. С. 42.

исключительно гражданского права, оставляя за рамками иные отрасли частного права – прежде всего, трудового и семейного.

В этой связи актуальным представляется введение в научный оборот понятия «частное исполнительное право» и его дальнейшая научная разработка на уровне как концептуальных, так и более частных вопросов, имеющих непосредственное практическое значение. Данная правовая категория может послужить стержневым элементом, объединяющим разрозненные в настоящее время представления о сущности, предмете и методах правового регулирования отношений, возникающих при защите и восстановлении имущественных и неимущественных прав граждан, организаций, закрепленных отраслями частного права. Особенно это актуально в связи с предстоящим реформированием организации исполнительного производства (введением института частных судебных исполнителей), многочисленными проблемами и необходимостью обеспечения баланса интересов сторон при осуществлении коллекторской деятельности.

Также следует отметить, что во многих иностранных юрисдикциях, как в доктрине, так и правовой практике, реализована единая концепция частного права, не подразумевающая деление его на отрасли¹.

При этом необходимо разграничивать исполнение судебных и других актов, вынесенных на основании отраслей частного права – с одной стороны, и отраслей публичного права – с другой. Это обусловлено принципиально различным соотношением императивных и диспозитивных методов правового регулирования соответствующих отношений. Если в рамках частного исполнительного процесса в полной мере действует принцип автономии воли сторон, позволяющий регулировать отношения сторон мировым соглашением, то публичный исполнительный процесс такую возможность исключает полностью или существенно ограничивает. Например, взыскатель и должник не могут изменить сумму административного штрафа, наложенного в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Показательна в этом отношении арбитражная практика, сложившаяся по вопросу возможности заключения мировых соглашений при рассмотрении налоговых споров.

Минфин России по этому вопросу занял однозначную позицию о невозможности договорного урегулирования налоговых споров, поскольку права и обязанности, связанные с уплатой налогов и сборов, устанавливаются исключительно законодательством². Однако пунктом 27 Постановле-

¹ Брукс Дж. Система частного права в странах БРИКС // «Международный журнал частного права» – 2019. – Т. 5. – С. 43–56; Кэдри М.Ф. Источники частного права в современных юрисдикциях // «Международный журнал частного права» – 2019. Vol. 9. – С. 117–130. (дата обращения 24.09.2020).

² Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 2 октября 2018 года № 03–02–07/1/71109. // «Официаль-

ная Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» установлено, что арбитражным судам при рассмотрении налоговых споров необходимо иметь в виду, что само по себе заключение соглашения об их урегулировании, предусмотренного статьей 190 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц.

Однако исходя из публично-правовой природы налоговых споров предметом названного соглашения не может являться изменение налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом. Например, предметом такого соглашения не могут выступать вопросы о снижении применимой налоговой ставки, изменении правил исчисления пеней, об освобождении налогоплательщика от уплаты налогов за определенные налоговые периоды или по определенным операциям.

Вместе с тем, как отметил суд, в соответствии с положениями статей 70, 190 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении налоговых споров допустимо заключение соглашений об их урегулировании, в которых сторонами могут быть признаны обстоятельства, от которых зависит возникновение соответствующих налоговых последствий (например, признание налоговым органом не учтенных в ходе мероприятий налогового контроля сумм расходов и налоговых вычетов, влияющих на действительный размер налоговой обязанности, признание наличия смягчающих обстоятельств, приводящих к уменьшению размера налоговых санкций, и др.), которые содержат правовую квалификацию деятельности лица, участвующего в деле, влекущую изменение размера его налоговой обязанности (например, признание экономически обоснованного и (или) документально подтвержденного размера произведенных расходов, нормальной величины потерь товаров, приемлемости используемых налогоплательщиком способов налоговой оптимизации его деятельности и др.). В таком случае в соглашении об урегулировании спора могут содержаться условия о скорректированном размере налоговой обязанности.

При этом судам следует учитывать, что заключаемое в соответствии со статьей 190 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации соглашение об урегулировании налогового спора может охватывать вопросы, не относящиеся напрямую к предмету судебного разбирательства, например, имеющие отношение к предыдущим налоговым периодам, не охваченным оспариваемым в суде решением налогового органа.

Говоря о частно-правовой природе исполнительного права, обусловленной сущностью норм

ные документы» (приложение к «Учет. Налоги. Право»), 2018, N42. [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения 24.09.2020).

материального права, следует отдельно следует остановиться на изложенной в литературе концепции так называемого «частного процессуального права», которая выражена в трудах Севастьянов Г.В., Сулейменова М.К¹. и некоторых других ученых, специализирующихся в области исследования вопросов третейского разрешения споров. Суть этой концепции заключается в противопоставлении традиционных процессуальных отраслей, регулирующих рассмотрение споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами (то есть государственное судопроизводство), институту третейского разбирательства. При этом гражданское-процессуальное право и арбитражное-процессуальное право рассматриваются как отрасли публичного права, основанные на императивном методе правового регулирования, а нормы, регулирующие третейское разбирательство, – как институт и даже отрасль частного права, поскольку в нем, преобладают диспозитивные начала.

Следует признать, что такой подход имеет под собой некоторые теоретические основания, которые можно обнаружить в научных трудах, посвященной структурированию системы права. Авторы, рассматривающие традиционные процессуальные отрасли как публично-правовые, исходят из того, что предмет их регулирования охватывает отношения между гражданами (другими участниками процесса), с одной стороны, и судом – с другой стороны, то есть властеотношения². При этом ни одно процессуальное правило не может быть изменено сторонами. Стороны могут пользоваться или не пользоваться принадлежащими им процессуальными правами, но отказаться от них, изменить их не могут. Следовательно, по мысли сторонников такого подхода, указанные отрасли являются публично-правовыми. И если следовать этой логике, то исполнение судебных актов, также регулируется нормами публичного права, и о частном исполнительном праве теоретически речь можно вести исключительно в рамках развития концепции децентрализованного (третейского) разрешения споров, и то с известными оговорками. Насколько такой подход верен?

Как известно в основе разграничения отраслей права на частные и публичные лежит суть, природа социального интереса, реализация и защита которого обеспечиваются правовыми нормами. Любая процессуальная норма производна и зависима от материальной. Представим любой разрешаемый судом гражданско-правовой спор, связанный, например, с неисполнением договора. Главная задача суда – правильно истолковать и применить нормы материального права, при безусловном соблюдении процессуальных норм. Сто-

ронники «опубличивания» процессуальных отраслей не учитывает того простого обстоятельства, что возможность лица распорядиться по своему усмотрению материальным правом, полностью делает процесс зависимым от этого усмотрения, то есть диспозитивным, по сути. Он может прекратиться в любой момент по желанию истца либо на основании мирового соглашения сторон. В чем здесь императивность? Более того, само право на обращение с иском в суд, диспозитивно. И в этом заключается коренное, принципиальное отличие процессуальных отраслей, «продолжающих» частные отрасли права, от уголовного процессуального права и других публичных процессуальных отраслей и институтов, где обращение в суд является обязанностью соответствующего субъекта, и произвольное прекращение процесса невозможно.

В то же время в идее автономизации и усиления диспозитивных начал в гражданском и арбитражном процессе, безусловно, есть рациональное зерно. Общей тенденцией развития частного права, как в Российской Федерации, так и во всем мире, является усиление роли альтернативных способов разрешения споров и исполнения вынесенных решений, без участия государственных органов. Фактически ничего не препятствует введению в отечественное законодательство института частных судебных приставов, с предоставлением и прав, схожих с теми, что предоставлены сегодня государственной службе, а также внедрению в практику исполнительного производства процедур медиации и иных средств, направленных на урегулирование разногласий и противоречий сторон на стадии исполнения судебных актов.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что в настоящее время существует целый ряд объективных предпосылок для постановки вопроса о частном исполнительном праве как отдельной отрасли российского права. Это обусловлено тем, что рамках конструкции исполнительного производства невозможно охватить всего многообразия отношений, возникающих при исполнении судебных актов и других исполнительных отношений, – прежде всего тех, которые основаны на началах диспозитивности, автономии воли участников исполнительных правоотношений. Понятие же «исполнительное право», которое положено в основу многих исследований и учебных курсов, представляется неудачным, поскольку не позволяет провести грань между исполнением актов по делам, основанным на нормах частного и публичного права (уголовного, административного), реализация которых принципиально различна по сути.

Данная правовая категория может послужить стержневым элементом, объединяющим разрозненные в настоящее время представления о сущности, предмете и методах правового регулирования отношений, возникающих при защите и восстановлении имущественных и неимущественных прав граждан, организаций, закрепленных отраслями частного права. Особенно это актуально

¹ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права VS «судоизация и материализация арбитража» // «Закон». 2020. № 1. С 78–87; Сулейменов М.К. Частное процессуальное право, как самостоятельная отрасль права // «Третейский суд» 2019. №3. С. 66–81.

² Богуславский М.М. Международное частное право: Учеб. – М.,– 2005. С. 263 и др.

в связи с предстоящим реформированием организации исполнительного производства (введением института частных судебных исполнителей), многочисленными проблемами и необходимостью обеспечения баланса интересов сторон при осуществлении коллекторской деятельности.

При этом необходимо разграничивать исполнение судебных и других актов, вынесенных на основании отраслей частного права – с одной стороны, и отраслей публичного права – с другой. Это обусловлено принципиально различным соотношением императивных и диспозитивных методов правового регулирования соответствующих отношений.

Литература

1. Богуславский М.М. Международное частное право: Учеб. – М.,– 2005.– 490 с.
2. Брукс Дж. Система частного права в странах БРИКС // «Международный журнал частного права» – 2019. – Т. 5. – С. 43–56;
3. Валеев Д.Х. Исполнительное производство / Под ред. Я.Ф. Фархтдинова – СПб.: Питер, 2003.– 288 с.
4. Валеев Д.Х., Загидуллин М.Р., Костюшин Е.К., Челышев М.Ю. Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистическая основа: Монография / Отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2007. 165 с.
5. Гуреев В.А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства. – Диссертация доктора юридических наук. М., 2013.– 442 с.
6. Гуреев В.А., Гушин В.В. Исполнительное производство: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2014. 455 с. (дата обращения 24.09.2020).
7. Гусаков С.Ю. Об исполнительном (гражданском исполнительном) праве // «Практика исполнительного производства» 2019. N1. – С. 6–15. (дата обращения 24.09.2020).
8. Исаенкова О.В. Исполнительное производство в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития. М.: «Юрлитинформ»,– 2007. – С. 158–171;
9. Кэдри М.Ф. Источники частного права в современных юрисдикциях // «Международный журнал частного права» – 2019. Vol. 9. – С. 117–130.
10. Максуров А.А. Предмет и метод гражданского исполнительного права // «Исполнительное право».– 2009.– № 1. – С. 43.
11. Малюшин К.А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена и новые идеи». Кн. 3–256 с.
12. Оганесян В.М. Исполнительное производство в Российской Федерации: административно–

правовая природа и правовой режим. – Диссертация кандидата юридических наук. – М., 2012.– 153 с.

13. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во Юридического факультета – СПбГУ,– 2005.– 472 с.
14. Свиринов Ю.А. Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М.: Оверлей, Астра Полиграфия,– 2009.– 232 с.
15. Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права VS «судоизация и материализация арбитража» // М.– «Закон».– 2020.– № 1. – С 78–87;
16. Ситдикова Л.Б., Свиринов Ю.А. Онтологическая природа гражданского исполнительного права // «Исполнительное право» – 2009.– № 4. – С. 24–28;
17. Сулейменов М.К. Частное процессуальное право, как самостоятельная отрасль права // М.– «Третейский суд» – 2019. – N3. – С. 66–81.

OBJECTIVE PRINCIPLES FOR STATING THE QUESTION ON PRIVATE EXECUTIVE RIGHT AS A BRANCH OF RUSSIAN LAW

Pilipenko E.A.

Kuban State University

The subject of the research is a set of provisions formulated at the level of legislation, theory and practice of private law in the domestic legal system. The aim of the work is to analyze the existing approaches to formulate an accurate legal identification of the issue of separating private executive law into an independent industry.

As the main research methods, a set of general scientific methods (analysis, synthesis), as well as specific scientific methods (formal legal, historical legal, comparative legal, empirical) were used.

As a result of the study, the conclusion is drawn that it is impossible to cover, within the framework of the construction of enforcement proceedings, the entire variety of relations arising in the execution of judicial acts and other executive relations, first of all those based on the principles of dispositiveness, autonomy of the will of participants in executive legal relations...

The provisions formulated in this study will be useful in reforming the organization of enforcement proceedings in the Russian Federation (by introducing the institution of private judicial executors).

The scientific novelty of the research lies in the substantiation by the author of the need to introduce the concept of «private executive law» into scientific circulation.

Keywords: executive law, private law, enforcement proceedings.

References

1. Boguslavsky M.M. Private international law: Textbook. – М.,– 2005.– 490 p.
2. Brooks J. The system of private law in the BRICS countries // “International Journal of Private Law” – 2019. – V. 5. – P. 43–56.
3. Valeev D. Kh. Execution proceedings / Ed. Ya.F. Farhtdinova – SPb.: Peter, 2003.– 288 p.
4. Valeev D. Kh., Zagidullin M.R., Kostyushin E.K., Chelyshev M. Yu. Enforcement proceedings: procedural nature and civil law basis: Monograph / Otv. ed. D. Kh. Valeev and M. Yu. Chelyshev. M.: Statut, 2007.165 p.
5. Gureev V.A. Administrative activities of the Federal Bailiff Service in the field of enforcement proceedings. – Dissertation of Doctor of Laws. M., 2013.– 442 p.
6. Gureev V.A., Gushchin V.V. Enforcement proceedings: Textbook. 4th ed., Rev. and add. – М.: Statut, 2014.455 p. (date of treatment 09/24/2020);
7. Gusakov S. Yu. On executive (civil executive) law // “Practice of enforcement proceedings” 2019. N1. – P. 6–15. (date of treatment 09.24.2020);

8. Isaenkova O.V. Enforcement proceedings in the Russian Federation: features of formation and development prospects. M.: "Yurlitinform", – 2007. – S. 158–171;
9. Cadrie M.F. Sources of private law in modern jurisdictions // International Journal of Private Law – 2019. Vol. 9. – P. 117–130.
10. Maksurov A.A. Subject and method of civil executive law // "Executive law". – 2009. – No. 1. – P. 43.
11. Malyushin K.A. Principles of civil executive law: problems of concepts and systems / scientific. ed. V.V. Yarkov. M.: Infotopic Media, 2011. Series "Civil and Arbitration Procedure: New Names and New Ideas". Book. 3–256 p.
12. Oganessian V.M. Enforcement proceedings in the Russian Federation: administrative and legal nature and legal regime. – Dissertation of the candidate of legal sciences. – M., 2012. – 153 p.
13. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General theory of law: textbook. SPb.: Publishing house of the Faculty of Law – SPbSU, – 2005. – 472 p.
14. Svirin Yu.A. Enforcement proceedings and transgression of executive law: monograph. M.: Overlay, Astra Polygraphy, – 2009. – 232 p.
15. Sevastyanov G.V. The theory of private procedural law VS "judicialization and materialization of arbitration" // M. – "Zakon". – 2020. – No. 1. – C78–87;
16. Sitdikova L.B., Svirin Yu.A. Ontological nature of civil executive law // "Executive law" – 2009. – № 4. – P. 24–28;
17. Suleimenov M.K. Private procedural law as an independent branch of law // M. – "Arbitration Court" – 2019. – N3. – P. 66–81.

К вопросу о структуре института множественности преступлений

Семенова Диана Михайловна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева
E-mail: 5500diana@mail.ru

Статья посвящена исследованию содержательных, структурных и функциональных особенностей множественности преступлений как самостоятельного института уголовного права. Отмечается, что множественность преступлений как самостоятельный институт уголовного права не ограничен дефинитивными предписаниями, а представлен совокупностью норм и предписаний Общей и Особенной части УК РФ, регулирующих общественные отношения, в случае совершения одним лицом двух или более преступлений. На основе анализа сложившихся в доктрине уголовного права подходов к пониманию рассматриваемого института определяется сущность и функциональное значение множественности преступлений. Отмечается, что в современном российском государстве повышенная общественная опасность множественности преступлений обычно не отрицается, и нормы об уголовной ответственности в условиях множественности преступлений законодательно закреплены. Однако, в российском законодательстве нет дефиниции множественности преступлений и отсутствует законодательное обособление данного института. Высказано предположение, что либо законодатель не признает понятие множественности преступлений юридически значимым, что мало вероятно, учитывая законодательные нормы о формах и видах множественности преступлений, либо не может определить, каковы должны быть его содержание и объем. Отмечается, что сущность множественности преступлений проявляется в равной степени в объединении нескольких преступлений, совершенных одним лицом, в относительно целое образование с повышенной общественной опасностью и в изменении личности виновного: повышении его готовности к совершению новых преступлений. Отмечается, что вопрос о структуре правового института не получил должного анализа ни с позиции теории права, ни с позиции уголовного права. Обосновывается, что структура института множественности преступлений как и структура уголовно – правовой нормы представлена гипотезой, диспозицией, санкцией.

Ключевые слова: множественность преступлений; уголовно – правовая норма; институт множественности преступлений; совокупность преступлений; рецидив преступление; гипотеза; диспозиция; санкция; общественная опасность преступления; общественная опасность множественности преступлений.

Введение

Актуальность. Повышенная общественная опасность множественности преступлений обуславливает правовое реагирование на нее и предполагает уяснение сущности множественности преступления не только как социального, но и как правового явления. Поскольку средства уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного воздействия на множественность преступлений обусловлены дифференциацией уголовной ответственности за единичное преступление и формы множественности преступлений в уголовном законодательстве, множественность преступлений признается уголовно-правовым явлением.

Целесообразность разработки темы. В правоприменительной практике наибольшие трудности связаны с отграничением множественности преступлений и единичных преступлений. Во многом это обусловлено отсутствием легальной дефиниции данного института и недостаточной легальной проработанностью форм и видов множественности преступлений. Исследование содержательных и структурных признаков института множественности преступлений позволит восполнить законодательный пробел и повысить эффективность уголовно – правового реагирования на повторную преступность.

Изученность проблемы. Институту множественности преступлений посвятили исследования: И.Б. Агаев, М.И. Бажанов, П.С. Дагель, Г.С. Досаева, А.Ф. Зелинский, Л.В. Иногамова-Хегай, Т.Э. Караев, Т.М. Кафаров, А.П. Козлов, Н.Н. Коротких, Ю.А. Красиков, В.Н. Кудрявцев, Б.А. Куринов, Г.Г. Криволапов, В.П. Малков, А.А. Пионтковский, Т.Г. Черненко, А.М. Яковлев и другие исследователи. Однако, специальные исследования о характеристике структуры института множественности преступлений в доктрине отсутствуют.

Целью исследования является разработка научно – обоснованной характеристики структуры института множественности преступлений.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих **задач:** определить содержательное и функциональное значение института множественности преступлений, соотнести структуру уголовного – правовой нормы и структуру института множественности преступлений.

Научная новизна определяется тем, что предложено авторское понимание структуры института множественности преступлений, обосновывается его содержательное и функциональное значение.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическое значение результатов

исследования состоит в том, что совокупность сформированных автором выводов и положений о структуре института множественности преступлений способна служить научной основой эффективного уголовного – правового реагирования на множественность преступлений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его положений и выводов при изучении института множественности преступлений, определении уголовной политики, при формировании судебных позиций, в правоприменительной практике.

Методология исследования. В качестве методологической основы исследования выступают диалектический и системный подходы. Соответственно, изучены целостные, интегративные свойства множественности преступлений. Кроме того, использован формально-логический метод.

Понятие «множественность преступлений» используется в теории, при этом не выработано легальное определение множественности преступлений, но законодательно закреплены его формы: совокупность и рецидив преступлений. И в связи с множественностью преступлений акцент сделан на правилах назначения наказания. При этом ни в действующем уголовном законодательстве, ни в науке уголовного права не усматривается концептуально заданный подход к пониманию множественности преступлений.

Так, множественность преступлений рассматривается как «совершение лицом одним или несколькими последовательно совершенными деяниями нескольких составов преступлений [1, с. 286; 2, с. 8].

Подобное определение сформулировано И.Б. Агаевым, который под множественностью преступлений понимает совершение лицом двух или более преступлений, независимо от предыдущего осуждения, если не исключаются последствия их совершения [3, с. 48].

По мнению А.В. Наумова множественность преступлений охватывает совершение лицом нескольких преступлений при условии, что сохранены правовые последствия по ним [4, с. 485]. Аналогично Т.Г. Черненко рассматривает множественность преступлений как «наличие совершенных одним лицом двух и более преступлений, в отношении которых сохранены уголовно-правовые последствия» [5, с. 55].

В.П. Малков при характеристике множественности преступлений указывал, что «Это такие влекущие предусмотренные законом уголовно-правовые, уголовно-процессуальные либо общеправовые последствия случаи, когда одно и то же лицо последовательно до осуждения либо одним действием (бездействием) совершает два либо более преступных деяния, подпадающих под признаки различных либо одного и того же состава преступления, либо оно совершает новое (новые) преступление (преступления) после осуждения или освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление при

условии, когда по двум из них в соответствии с законом не погашены (не аннулированы) уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования» [6, с. 125].

Менее казуистичное определение дает Т.В. Кленова, которая понимает под множественностью преступлений совершение одним лицом двух или более преступлений одновременно или разновременно до осуждения, либо повторное выполнение умышленного преступления лицом, имеющим судимость, если эти преступления не утратили уголовно-правовые последствия, и нет процессуальных препятствий для уголовного преследования [7, с. 35].

Можно заключить, что большинство российских исследователей считают, что совершение лицом двух и более преступлений означает множественность преступлений при следующих условиях: во-первых, эти преступления не утратили уголовно-правовых последствий, а во-вторых, отсутствуют процессуальные препятствия к избранию наказания, их совершившего. Таким образом, разграничивается множественность преступлений в фактическом и юридическом значении. Соответственно, новое преступление, совершенное фактически повторно, в уголовно-правовом значении признается совершенным впервые, и правила множественности преступлений не применяются.

Представление о конструктивных признаках множественности преступлений как понятия уголовного права позволяет охарактеризовать функциональную ценность множественности преступлений в системе уголовного права. Множественность преступлений – это не часть институтов преступления и наказания, а самостоятельный институт уголовного права, основной задачей которого является дифференциация уголовной ответственности с учетом общественной опасности совершенных преступлений и лица, виновного в их совершении.

Необходимый уровень системности института множественности преступлений может быть обеспечен путем выстраивания относительно самостоятельной системы норм и предписаний Общей и Особенной частей УК РФ, функционально приспособленной для выполнения задачи дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от общественной опасности множественности преступлений и лица, виновного в их совершении.

Основополагающим признаком правового института необходимо признать его нормативность. По мнению Т.В. Кленовой, этот важнейший признак обусловлен нацеленностью института уголовного права на решение определенной отраслевой задачи, и предполагает невозможность отнесения к институтам уголовного права ненормативных предписаний, так как это приводит к смешению уголовного права в значении отрасли права, науки, учебной дисциплины [8, с. 186].

Следующим признаком института выступает регулятивность. Институт осуществляет регулирование относительно самостоятельной совокупно-

сти общественных отношений или каких-либо ее компонентов [9, с. 195]. Основные средства регулирования в рамках правового института – правовые нормы, определяющие правила поведения, и правовые предписания, которые являются частью правовой нормы или имеют относительно самостоятельное значение (предписания-принципы, дефинитивные предписания и др.).

Еще С.С. Алексеев писал, что в институт права могут объединяться не только нормы, но и предписания, которые, в отличие от ассоциации норм, должны обладать свойством однопорядковости [10, с. 124]. Таким образом, этот автор заключил, что институт права состоит из однопорядковых правовых образований, осуществляющих самостоятельное регулирование общественных отношений. С.С. Алексеев, рассматривая структуру института права, разграничил структуру охранительных и регулятивных институтов, выделяя в структуре последних обязывающие и управомочивающие нормы, запреты, общие предписания и др., а охранительные институты трактовал как состоящие из норм одной разновидности – запрещающих уголовно-правовых норм, например, институты Особенной части уголовного права [10, с. 124]. С данной позицией согласиться сложно, так как представляется, что различие регулятивных и охранительных институтов выражается не в их структуре, а в функциональных возможностях и назначении норм, их составляющих.

Оригинальное представление об правовом институте у М.С. Жука. Во-первых, этот автор для целей уголовного права уголовно-правовой институт понимает «как институт нормативных предписаний». По мнению М.С. Жука, «такой подход к определению предмета исследования обусловлен тем, что именно анализ первичного элемента уголовно-правовой материи является более детализированным, позволяющим правильно установить связи и между отдельными предписаниями в рамках уголовно-правовой нормы, и между предписаниями отдельных норм и самими нормами, образующими институт уголовного права» [11, с. 12]. Во-вторых, М.С. Жук признает узким нормативный подход к пониманию правового института и рассматривает его элементный состав в триединстве: идеи, в которых концентрируется его сущность; несколько однопорядковых нормативных предписаний различных видов, которые составляют содержательное ядро института, отражают его нормативный характер и гарантируют принудительный механизм реализации; основанные на этих идеях и нормах общественные отношения, представляющие собой реализацию нормативных предписаний, претворение их в общественной жизни, что придает праву действенность и жизнеспособность [11, с. 16].

Некоторые авторы в структуре института права выделяют только правовые нормы. Так, Д.Е. Петров указывает, что в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм [12, с. 14].

Представляется, что с учетом социального назначения институтов права, в том числе уголовного права, их базовым элементом является именно правовая норма как правило поведения, которая включает в свое содержание правовые предписания или дополняется ими. Так, в институте множественности преступлений нормы об уголовной ответственности и наказании лица, совершившего несколько преступлений, дополняются дефинитивными предписаниями о формах множественности преступлений, которые определяют пределы уголовно-правового регулирования в условиях множественности преступлений.

Рассматриваемый институт множественности преступлений представлен совокупностью уголовно-правовых норм и предписаний, непосредственно регулирующих общественные отношения, связанные с совершением нескольких преступлений и назначением наказания или иных мер уголовно-правового принуждения за них (ст. 17, 18, п. «а» ч. 1 ст. 63, 68, 69, 70, 71, 72, ч. 4–6 ст. 74, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ и др.), а также общих уголовно-правовых норм и предписаний, обеспечивающих соответствующее регулирование (ст. 3–7, 8, 9–12, 14, 24–26 и др. [13, с. 11–12].

Также следует сказать, что такое регулирование представляет «относительно законченное» правовое регулирование, в связи с чем позволяет говорить о следующем признаке института множественности преступлений – выполняемых им функциях (регулятивной, интегрирующей, дифференцирующей, охранительной, воспитательной). Регулятивная, охранительная и воспитательная функции свойственны рассматриваемому уголовно-правовому институту в той же мере, что и составляющим его уголовно-правовым нормам. Интегрирующая функция связана с задачей внутренней систематизации норм и предписаний, выраженных в статьях Общей и Особенной частей УК РФ, в институте множественности преступлений. А дифференцирующая функция отражает основную специальную задачу института множественности преступлений – дифференциации уголовной ответственности в зависимости от общественной опасности форм и видов множественности преступлений и лица, виновного в их совершении.

Обобщая рассмотренные характеристики правового института, попытаемся представить структуру института множественности преступлений. Следует сказать, что при всей теоретической и прикладной важности вопрос о структуре правового института не получил должного анализа ни с позиции теории права, ни с позиции уголовного права. При этом определение структуры института права необходимо для решения вопроса о технико-юридическом обособлении института, определении его содержания и в целом – эффективности применения.

В связи с этим вызывает интерес вывод В.Д. Филимонова и О.В. Филимонова: «Правовой институт для того, чтобы осуществлять предупре-

дательную и восстановительную функции, должен быть построен по тому же принципу, что и правовая норма, устанавливающая ответственность за совершение конкретного преступления. Одна его часть должна определять особенности общественной опасности конкретного вида преступного деяния, другая – особенности наказания, следующего за его совершение» [14, с. 153].

Такой подход представляется в целом правильным. Считаем, что институт множественности преступлений имеет гибридный по отношению к уголовно-правовой норме характер, но отражает не двухэлементную, а трехэлементную структуру уголовно-правовой нормы, что обеспечивает ее регулятивную функцию.

Гипотеза института множественности преступлений состоит из совокупности норм и предписаний, определяющих условия функционирования рассматриваемого института. Это принципы уголовного права (законность, равенство граждан перед законом, принцип вины, справедливости, гуманизма, дифференциации ответственности, индивидуализации ответственности и др.); основные понятия рассматриваемого института права (совокупность преступлений, рецидив преступлений, совокупность приговоров); обстоятельства, исключающие множественность преступлений (малозначительность, декриминализация, освобождение от уголовной ответственности, обстоятельства, исключающие преступность деяния, снятие и погашение судимости); принципы действия уголовного закона во времени, пространстве и др.

Диспозиция института множественности преступлений отражает существование повторной преступности, характеризующейся повышенной общественной опасностью повторного совершения преступлений и общественной опасностью личности виновного. Соответственно, выражена в запретах повторного совершения преступлений и одновременного совершения нескольких преступлений.

Полагаем, что необходимо ужесточение наказания и иных мер уголовно-правового воздействия с учётом общественной опасности множественности преступлений. Это основная идея, определяющая санкцию института множественности преступлений, выраженную в предписаниях и нормах об уголовно-правовых последствиях множественности преступлений [15, с. 147].

Множественность преступлений как явление отличается от самостоятельных преступлений не только количественными, но и качественными показателями преступной деятельности, а также особыми свойствами субъекта, которые должны получать адекватное правовое регулирование. Таким образом, определение множественности преступлений как самостоятельного явления характеризуется совокупностью объективных и субъективных признаков. Для лиц, совершающих преступления не в первый раз, характерна антисоциальная направленность, то есть направленность на совершение преступлений, что является пока-

зателем повышенной опасности таких лиц по сравнению с совершившими единичные преступления, свидетельствует об устойчивости отрицательного отношения к обществу, неисправимости личности, наличии антисоциальных установок.

Отметим, что в УК РФ определены не все возможные формы совершения одним лицом нескольких преступлений и недостаточны правила наказания в условиях множественности преступлений. Так, не учитывается, что лицо может совершить новое преступление в период условного осуждения, после осуждения за неосторожное преступление, или будучи несовершеннолетним и др. Из этого следует, что в УК РФ не обеспечена дифференциация уголовной ответственности с учетом субъективных признаков множественности преступлений, поскольку общественная опасность деяния детерминируется общественной опасностью личности преступника.

Положения, относящиеся к специфическим нормам и предписаниям об уголовной ответственности лица, совершившего несколько преступлений: правилах квалификации, назначения наказания или иных мер уголовно-правового характера, освобождения от наказания и уголовной ответственности, – имеют ряд общих черт, которые позволяют выделить множественность преступлений в самостоятельный уголовно-правовой институт.

Таким образом, обобщение форм проявления множественности преступления в понятии множественности преступлений позволяет заключить, что множественность преступлений даже без законодательного обособления является самостоятельным институтом уголовного права, представляющим собой совокупность уголовно-правовых норм и предписаний, регламентирующих основание и пределы дифференциации ответственности в случаях совершения лицом двух или более преступлений. Подобно отдельным правовым нормам, институт множественности преступлений имеет гипотезу, диспозицию и санкцию. Сущность множественности преступлений проявляется в равной степени в объединении нескольких преступлений, совершенных одним лицом, в относительно целое образование с повышенной общественной опасностью и в изменении личности виновного: повышении его готовности к совершению новых преступлений.

При этом, неполное выражение института множественности преступлений в УК РФ препятствует реализации регулятивной, охранительной, воспитательной и интегративной функции этого значительного института уголовного права.

Проведённое исследование позволяет определить содержание множественности преступлений как одновременное или разновременное совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо не было привлечено к уголовной ответственности, либо совершение лицом хотя бы одного преступления после осуждения за предыдущее преступление, если по этим преступлениям не погашены правовые последствия и отсутствуют

процессуальные препятствия осуществления уголовного преследования. Такое понимание множественности преступлений позволяет обосновать и дифференцировать уголовную ответственность не только с учетом категорий, видов, количества и взаимосвязи выполненных преступных актов, но и с учетом типовой характеристики личности виновного.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.
2. Красиков, Ю.А. Множественность преступлений. Понятие, виды, наказуемость: учеб.пособие / Ю.А. Красиков. – М.: ВЮЗИ, 1988. –96 с.
3. Агаев И.Б. Проблема повторности в уголовном праве. – М.: Юрист, 2004. – 157 с.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Волтер Клувер, 2007. – 736 с.
5. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Кемерово, 2001. – 367 с.
6. Малков, В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006. –140 с.
7. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник для магистров / Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, Т.В. Клёнова, А.И. Коробеев, Н.А. Лопашенко, ред.: Л.В. Иногамова-Хегай. – М.: Проспект, 2016. – 224 с.
8. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, 31 мая – 1 июня 2007 г. М.: ТК ВЕЛБИ Изд – во Проспект, 2007. С. 185–187.
9. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Сам. ун-т, 2001. – 240 с.
10. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
11. Жук М.С. Институты уголовного права: внутреннее строение и элементный состав. Современное право. – 2013. – № 3. – С. 8–16.
12. Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 30 с.
13. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2019. – 23 с.
14. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права: монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 256 с.
15. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2019. – 260 с.

TO QUESTION ABOUT THE STRUCTURE OF THE INSTITUTE OF THE MULTIPLE OFFENCES

Semenova D.M.

Samara National Research University

The article deals with the content, structural and functional features of the multiple offenses as an independent institution of criminal law. Conclude that the multiple offenses as an independent institution of criminal law is not limited by definitive prescriptions, but is represented by a set of norms and prescriptions of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, regulating public relations, in the event that one person commits two or more crimes. On the basis of the analysis of the approaches to understanding the institution under consideration that have developed in the doctrine of criminal law, the essence and functional significance of the multiple offenses is determined. Conclude that in the modern Russian state, the increased social danger of a multiple offenses usually is not denied, and the norms on criminal responsibility of multiple offenses are legally enshrined. However, in Russian legislation there is no definition of the multiple offenses and there is no legislative regulation of this institution. It was suggested that either the legislator does not recognize the concept of a multiple offenses as legally significant, which is unlikely, given the legislative norms on the forms and types of multiple offenses or can not determine what its content and scope should be. Conclude that the essence of the multiple offenses is manifested equally in the combination of several crimes committed by one person into a relatively whole entity with increased social danger and in changing the personality of the perpetrator: increasing his readiness to commit new crimes. It is substantiated that the structure of the institution of multiple offenses as well as the structure of the criminal law norm is represented by a hypothesis, disposition, and sanction.

Keywords: multiple offences; criminal – law norm; the institution of multiple offences; committed crime; repeated crimes; hypothesis; disposition; sanction; social danger of crime; social danger multiple offences.

References

1. Kudryavtsev V.N. Theoretical foundations of the classification of crimes. – М.: Gosyurizdat, 1963. – 324 p.
2. Krasikov, Yu.A. Plurality of crimes. Concept, types, punishability: textbook / Yu.A. Krasikov. – М.: VYUZI, 1988.-96 p.
3. Agaev I.B. The problem of repetition in criminal law. – М.: Yurist, 2004. – 157 p.
4. Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures: in 3 volumes. Vol. 1. General part. – М.: Walter Kluver, 2007. – 736 p.
5. Chernenko T.G. The plurality of crimes in Russian criminal law: diss... Dr. jurid. sciences. – Kemerovo, 2001. – 367 p.
6. Malkov, V.P. The plurality of crimes: essence, types, legal significance. – Kazan: Publishing house "Taglimat" IEUP, 2006. –140 p.
7. Actual problems of criminal law. Part General: a textbook for masters / L.V. Inogamova-Khegai, A.G. Kibalnik, T.V. Klenova, A.I. Korobeyev, N.A. Lopashenko, ed.: L.V. Inogamova-Khegai. – М.: Prospect, 2016. – 224 p.
8. Klenova T.V. Correlation of norms and regulations in criminal law institutions // Consistency in criminal law: materials of the II Russian Congress of Criminal Law, May 31 – June 1, 2007. М.: TC VELBI Publishing House Prospect, 2007. pp. 185–187.
9. Klenova T.V. Foundations of the theory of codification of criminal law. – Samara: Himself. un-t, 2001. – 240 p.
10. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. – М.: Jurid. lit., 1975. – 264 p.
11. Beetle M.S. Institutions of criminal law: internal structure and elemental composition. Modern law. – 2013. – No. 3. – P. 8–16.
12. Petrov D.E. Branch of law: author. dis... Cand. jurid. sciences. – Saratov, 2001. – 30 p.
13. Semenova D.M. The basis and limits of the differentiation of criminal responsibility in the context of a plurality of crimes: author. dis... Cand. jurid. sciences. – Samara, 2019. – 23 p.
14. Filimonov V.D., Filimonov O.V. Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Law: Monograph. – М.: Publishing House "Jurisprudence", 2014. – 256 p.
15. Semenova D.M. Basis and limits of differentiation of criminal responsibility in conditions of multiple crimes: dis... Cand. law, science. – Samara, 2019. – 260 p.

К вопросу об актуальности комплексного междисциплинарного экономико-правового направления в науке

Сидорова Валентина Николаевна,

докторант юридического факультета СПбГУ, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: sidorova.49@list.ru

Целью настоящей статьи является рассмотрение современного состояния проблем и перспектив развития института права корпоративной собственности. Автором рассматриваются вопросы соотношения экономики и права в регулировании гражданским законодательством имущественно – стоимостных отношений с участием коммерческих организаций корпоративного типа и отмечается, что экономические показатели деятельности корпораций во многом напрямую зависят от качества и эффективности действующего законодательства. Данный факт подтверждает объективное существование экономико-правовых отношений и необходимость применения к ним комплексного междисциплинарного экономико-правового подхода. Автор полагает, что полученные выводы исследования позволяют говорить о новом перспективном экономико-правовом научном направлении в общественных науках. Предметом изучения, познания и объяснения экономико-правовой науки, как науки общественной, могут, в частности, стать:

– исследование и выработка единых фундаментальных категорий и понятий, имеющих долгосрочное значение для решения практических задач в регулировании имущественно – стоимостных отношений участников экономического оборота;
– изучение общественных процессов, в т.ч. конкретных жизненных реалий, связанных с регулированием нормами права экономической жизни общества и др.

Ключевые слова: экономико-правовое регулирование; институт права корпоративной собственности; комплексное междисциплинарное экономико-правовое направления в науке.

С 2009 г. в России проходит поэтапная системная реформа гражданского законодательства [1]. Однако, несмотря на масштабные поправки, внесенные в законодательство о корпоративных организациях, в ГК РФ пока не нашли отражения вопросы корпоративной собственности, фактический объем которой является одним из фундаментальных элементов рыночной экономики.

В экономической и юридической науке в числе проблемных вопросов, связанных с правовой природой корпоративной собственности, следует отметить отсутствие единого понимания корпоративной собственности, в частности, существует некая неопределенность в вопросах юридического регулирования экономических отношений собственности. Организация корпоративного типа, обеспечивая в системе экономических отношений учет, контроль и сохранность объектов корпоративной собственности, тем самым отделяет корпоративное имущество как «свое» от имущества остальных субъектов как «чужого». Экономические обязанности ведения учета (бухгалтерского, балансового, налогового, инвентаризационного и др.), осуществления контроля и обеспечения сохранности объектов корпоративной собственности максимально соответствуют аналогичным юридическим обязанностям корпорации как субъекта права корпоративной собственности. Экономическая теория собственности и юридическая теория права собственности существуют как две самостоятельные теории, хотя предмет (объект) их исследования одновременно включает в себя и экономическую и юридическую составляющие. *Из этого следует, что экономическая сущность корпоративной собственности и юридическая природа права корпоративной собственности носят междисциплинарный экономико-правовой характер.* Они находятся в тесной взаимозависимости, взаимосвязи и взаимопроникновении и потому нуждаются в комплексном исследовании.

Современное интенсивное внедрение цифровых технологий в различные сферы социума существенно влияет на ускорение информационных процессов, стремительно меняет условия жизни и позволяет говорить о зарождении новой экономики. При этом нельзя не заметить, что право (юридическая наука, законотворчество и практика) значительно отстает от этого процесса. Внедрение цифровых технологий ставит перед учеными и законодателями ряд новых проблем, в числе которых необходимо выделить проблему комплексного междисциплинарного экономико-правового подхода к процессам формирования кор-

поративной собственности. Ученые отмечают, что появление новых цифровых технологий на право (цифровые права) стало предметом широкого обсуждения политиками, юристами и экономистами, а само понятие «цифровое право» является не самым удачным и потому вызвало критические замечания [2].

В практической деятельности организаций – субъектов коммерческого оборота законы экономики и права неразрывны, однако профессиональные противоречия экономистов и юристов существенно осложняют принятие управленческих решений и, следовательно, отрицательно влияют на результаты деятельности организации [3]. Такие ситуации возникают, например, в случаях профессионального недопонимания между специалистами в области экономики и права, вызванного разным понятийным аппаратом, применяемым при определении одних и тех же явлений в экономической науке и юриспруденции, а также в образовательном процессе при подготовке экономистов и юристов.

Полученные результаты исследования правовой природой корпоративной собственности позволили, в частности, сделать выводы, которые могут быть положены в обоснование актуальности комплексного междисциплинарного экономико-правового направления в науке:

- классификация объектов корпоративной собственности в экономике и экономической науке значительно отличается от классификации объектов права корпоративной собственности в юридической науке и законодательстве. В законотворческом процессе недостаточно учитываются объективно действующие законы экономики и экономико-правовой характер коммерческих (предпринимательских) отношений. Этот факт не всегда позволяет нивелировать понятийные противоречия, существующие между экономистами и юристами корпораций в правоприменительной и судебной практике, что осложняет проведение реформы вещного права в целом и института права корпоративной собственности в частности;
- в экономической и юридической теории в числе проблемных вопросов, связанных с правовой природой корпоративной собственности, следует отметить отсутствие единого понимания корпоративной собственности. *Экономисты отмечают*, что корпоративная собственность в России сформировалась в значительной мере не в результате экономического роста на основе трудовых затрат и прибыльных вложений, а на основе юридических приемов, включая принятие законов о преобразовании общенародной (государственной) собственности в частную собственность. По этой причине для перспективного стабильного развития экономики необходимы новые законы длительного действия, касающиеся отношений корпоративной (особенно, недвижимой) собственности. *В юриспруденции* общие правовые основания

приобретения права корпоративной собственности закреплены в действующем гражданском законодательстве (Раздел II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права»). К специальным основаниям приобретения права корпоративной собственности относятся нормы специального законодательства, включая специальную отсылочную норму ст. 217 ГК РФ «Приватизация государственного и муниципального имущества». Вопросы правового режима корпоративной собственности в ГК РФ не нашли отражения. Для эффективного развития экономики и реализации перспективных экономических планов необходимо провести реформу вещного права, предложив участникам экономического оборота эффективное законодательство;

- проблемным является и вопрос управления корпоративной собственностью. Экономисты полагают, что, прежде всего, необходимо определить базовые положения системы управления корпоративной собственностью в части объектов недвижимого имущества. Юридическое закрепление корпоративной собственности лишь косвенно выражается в системе правовых норм, входящих в подотрасль гражданского права – «Право собственности и другие вещные права» (раздел II, главы 13–20, статьи 209–306 ГК РФ). *Практическая проблема корпоративного управления* состоит в том, что в столь сложной конструкции корпоративных отношений экономистам и юристам корпорации бывает трудно обойти теоретические, законодательные и практические противоречия, чтобы достичь взаимопонимания. Поэтому неизбежно де-юре и де-факто появляется «*внутрикорпоративное (локальное) право*» как инструмент оперативного регулирования экономико-правовых отношений, которые возникают в конкретной корпорации по конкретным вопросам. «*Внутрикорпоративное (локальное) право*» может привести корпорацию и ее участников (членов) к негативным последствиям, т.к. принимаемые акты сложно контролировать, их применение способно создать сложности в коммерческом и корпоративном обороте, осложнить разрешение юридических споров и формировать противоречивую судебную практику, влияя на развитие теневого оборота. По мнению И.Р. Хана, при управлении корпоративной собственностью принципиально важным является согласование юридического понятия собственности с организационным строением и экономическими аспектами [4].

Развитию отдельных междисциплинарных связей между правоведением и экономической наукой посвящены работы представителей экономической, юридической, социальной науки и иных научных направлений [5]. Так, А.А. Глушецкий, проанализировав в своих работах природу и функции уставного капитала, справед-

ливо отмечает, что уставный капитал является системообразующей конструкцией хозяйственных обществ, поэтому различие теоретических взглядов на институт уставного капитала приводит к появлению диаметрально противоположных рекомендаций по дальнейшему совершенствованию законодательства о юридических лицах и правилах проведения эмиссий ценных бумаг. Мы полностью разделяем позицию А.А. Глушецкого, который полагает, что «нельзя дать адекватного описания природы уставного капитала, не зная экономических процессов, лежащих в основе различных способов его формирования» [6]. Представляется особо интересным предлагаемый А.А. Глушецким междисциплинарный взгляд на процессы формирования уставного капитала, в основу которого положен экономический анализ норм корпоративного права. Это предложение полностью совпадает с нашей позицией, суть которой заключается в том, что закрепленная законодателем в п. 1 ст. 50 ГК РФ основная цель деятельности публичного акционерного общества (извлечение прибыли) является подтверждением регулирования законодательством экономической деятельности юридического лица. Экономические показатели деятельности юридического лица, в свою очередь, во многом напрямую зависят от качества и эффективности действующего законодательства. Данный факт, по нашему мнению, позволяет говорить об объективном существовании экономико-правовых отношений, экономико-правовом характере этих отношений и о необходимости применения комплексного междисциплинарного экономико-правового подхода к регулированию корпоративных правоотношений. Из этого следует, что законодателю не только необходимо регулировать корпоративные (предпринимательские, коммерческие) отношения с учетом объективно существующих экономических законов, но и исследовать приоритетные направления доминирующих экономических школ. И, наоборот, экономическим, банковским и финансовым государственным институтам необходимо прогнозировать при внедрении новаций в экономику возможный экономический эффект и экономико-правовые последствия с учетом существующей системы законодательства.

Процесс формирования института права корпоративной собственности находится сегодня на начальном этапе своего становления и нуждается в дополнительной разработке темы. Авторские идеи совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики заключаются в том, что, по нашему мнению, институт права корпоративной собственности следует рассматривать как комплексный междисциплинарный экономико-правовой институт. Более того, нам представляется возможным говорить о новом перспективном экономико-правовом научном направлении в общественных науках. Предметом изучения, познания и объяснения экономико-правовой науки, как науки общественной, могут стать:

- исследование и выработка единых фундаментальных категорий и понятий, имеющих долгосрочное значение для решения практических задач в регулировании имущественно – стоимостных отношений участников экономического оборота;
- изучение общественных процессов, в т.ч. конкретных жизненных реалий, связанных с регулированием нормами права экономической жизни общества;
- в состав предмета экономико-правовой науки как самостоятельного научного экономико-правового направления могут быть, в частности, включены:
 - экономический анализ права;
 - конституционная и социальная экономика;
 - цифровая экономика, цифровое право с использованием цифровых технологий;
 - хроноэкономика как стратегическое экономическое планирование и управление экономической системой в реальном времени;
 - конкуренция финансового и реального секторов экономики как проблема законодательства;
 - экономико-правовой институт несостоятельности (банкротства);
 - теневая экономика;
 - антикоррупционная политика;
 - экономико-правовые проблемы обеспечения безопасности бизнеса и государства;
 - иные проблемные вопросы, требующие совместных усилий экономической и юридической науки.

Уместно вспомнить, что опыт совместных экономических и юридических научных исследований уже имел место в СССР: в структуре Академии наук СССР до 2000 г. существовало отделение экономики и права. Общеизвестно, что экономические и юридические науки являются самостоятельными научными дисциплинами, но они весьма взаимосвязаны. Однако, как отмечено выше, современные экономисты и юристы в своей практической деятельности зачастую не понимают друг друга, используя различный понятийный аппарат. Ранее такой проблемы не существовало, ибо отделение экономики и права АН СССР определяло содержание учебных программ экономических и юридических вузов. Экономисты изучали юридические науки, а юристы – соответственно, экономические достаточно полно (в течение трех семестров). Особое внимание уделялось понятийному аппарату. Сейчас положение резко изменилось. У бакалавров (экономистов и юристов) учебными планами предусмотрено изучение дисциплин «Правоведение» и «Экономика» только в течение одного семестра на первом курсе.

Полагаем, что следует восстановить в системе РАН Отделение экономики и права не только для объединения научного потенциала, но и с целью определения содержания учебных программ экономических и юридических вузов.

Литература

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). <https://base.garant.ru/12176781/>
2. Ефимова Л.Г.. Криптовалюта как объект гражданского права. Ежемесячный юридический журнал Хозяйство и право. № 4. 2019. С. 17–25; Право в условиях цифровизации / Т.Я. Хабриева. – СПб.: СПбГУП, 2019.– 36 с.– (Избранные лекции Университета; Вып. 189); Владислав Иноземцев. Сверхновое время. О выходе нефинансовых компаний на рынок расчетных услуг. Деловой Петербург. 18 ноября 2019. https://www.dp.ru/a/2019/11/17/Sverhnovoe_vremja.
3. Сидорова В.Н., Соловаров Ю.С. К вопросу о практическом обеспечении экономико-правовой безопасности бизнеса. Безопасность бизнеса. № 2/2015; Сидорова В.Н. Экономико-правовые проблемы российского лизинга // Бюллетень нотариальной практики. – М.: Юрист, 2006, № 2; Экономическая сущность и юридическая природа коммерческих договоров в кризисной экономике (в схемах). Юридический мир. № 12. 2009; Государственное регулирование как инструмент защиты экономических интересов // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы шестой международной межвузовской научно-практической конференции 20 мая 2011 г. – С.-Пб: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011; Деньги как финансовые средства и объекты права корпоративной собственности: проблема теории, законодательства, практики. Ж. Юридическая наука № 72019. С. 45–50; Соотношение должного и сущего в науке корпоративного права и корпоративного законодательства. Ж. Юридическая наука № 82019. С. 42–45; Органы корпорации, система управления и проблемы принятия управленческих решений (на примере публичного акционерного общества). Ж. Гражданское право № 42019. С. 9–12; Принцип российского законодательства в фокусе цифровой экономики. Юридическая техника. Ежегодник, № 14. Нижний Новгород, 2020.– 715 с. С. 503–507; Цифровой экономике необходимы новые принципы (на примере оборота денег как юридического объекта с экономическими функциями). Ж. Право и цифровая экономика. № 1 (07):2020. С. 17–23 и др.
4. Хан И.Р. Проблемы управления корпоративной собственностью и дочерними предприятиями корпорации. <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-upravleniya-korporativnoy-sobstvennostyu-i-dochernimi-predpriyatiami-korporatsii>.
5. Тухватулина Л.А.. Междисциплинарность и экспертное знание в социальных науках: слу- чай «права и экономики». Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 46; Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 10. Содерж.: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. – М., 2018–464 с.; Экономико-правовой анализ: методологический подход. Журнал российского права № 12–2010. С. 5–26 и др.; Экономико-правовые проблемы обеспечения безопасности [Текст]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.) / [отв. за вып.: Е.Г. Анимца, Г.З. Мансуров]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Уральское отделение Вольного экономического общества России, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018–226 с.
6. Андрей Глушецкий. Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. 01.01.2017. 177 с. <http://www.ranepa.ru/images/News/2016-12/26-12-2016-kniga-kapital.pdf>; Уставный капитал хозяйственного общества – теоретические споры и практические аспекты. 64 с. <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2010-05-p.pdf>

ON THE RELEVANCE OF A COMPREHENSIVE INTERDISCIPLINARY ECONOMIC AND LEGAL DIRECTION IN SCIENCE

Sidorova V.N.

St. Petersburg state University

The purpose of this article is to review the current state of problems and prospects for the development of the Institute of corporate property law. The author examines the relationship between Economics and law in the regulation of property and value relations with the participation of commercial organizations of corporate type by civil legislation and notes that the economic performance of corporations is largely directly dependent on the quality and effectiveness of current legislation. This fact confirms the objective existence of economic and legal relations and the need to apply a comprehensive interdisciplinary economic and legal approach to them. The author believes that the findings of the study allow us to speak about a new promising economic and legal scientific direction in the social Sciences. The subject of study, knowledge and explanation of economic and legal science, as a social science, can, in particular, become:

– research and development of common fundamental categories and concepts that are of long-term importance for solving practical problems in regulating property and value relations of economic turnover participants;

– study of social processes, including specific life realities related to the regulation of the economic life of society by law, etc.

Keywords: economic and legal regulation; Institute of corporate property law; complex interdisciplinary economic and legal directions in science.

References

1. The Concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the presidential Council for codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009). <https://base.garant.ru/12176781/>
2. Efimova L.G. Cryptocurrency as an object of civil law. Monthly legal journal Economy and law. no. 4. 2019. P. 17–25; Law in the conditions of digitalization / T. Ya. khabrieva. – St. Petersburg: Spbgup, 2019.– 36 p.– (Selected lectures of the University; Issue 189); Vladislav Inozemtsev. Supernova time. On the entry of non-financial companies into the settlement services market. Delovoy Peterburg. November 18, 2019. https://www.dp.ru/a/2019/11/17/Sverhnovoe_vremja.

3. Sidorova V. N., Solovarov Yu.S. On the issue of practical provision of economic and legal security of business. Business security. No. 2/2015; Sidorova V.N. Economic and legal problems of Russian leasing // Bulletin of notary practice. – M.: Lawyer, 2006, No. 2; Economic essence and legal nature of commercial contracts in the crisis economy (in schemes). The legal world. No. 12. 2009; State regulation as a tool for protecting economic interests // Problems of protection of rights: history and modernity: materials of the sixth international interuniversity scientific and practical conference may 20, 2011-P. – Pb: Publishing house of LSU named after A.S. Pushkin, 2011; Money as financial means and objects of corporate property rights: the problem of theory, legislation, practice. Zh. Legal science No. 72019. P. 45–50; the Ratio of due and existing in the science of corporate law and corporate legislation. J. Legal science No. 82019. Pp. 42–45; Corporate bodies, management system and problems of making managerial decisions (on the example of a public joint-stock company). Zh. Civil law No. 42019. P. 9–12; the Principle of Russian legislation in the focus of the digital economy. Legal technique. Yearbook, No. 14. Nizhny Novgorod, 2020–715 p. P. 503–507; Digital economy needs new principles (on the example of money turnover as a legal object with economic functions). Zh. Law and digital economy. No. 1 (07):. 2020. Pp. 17–23 and others.
4. Khan I.R. Problems of corporate property management and subsidiaries of the Corporation. <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-upravleniya-korporativnoy-sobstvennostyu-i-dochernimi-predpriyatiyami-korporatsii>.
5. Tuhvatullina L.A. Interdisciplinarity and expertise in the social Sciences: the case of "law and Economics". Bulletin of Tomsk state University Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 46; khabrieva T. Ya. Selected works: in 10 vols.: Law and Economics. Law and anti-corruption policy. – M., 2018–464 p.; Economic and legal analysis: a methodological approach. Journal of Russian law No. 12–2010. Pp. 5–26 and others; Economic and legal problems of security [Text]: materials of vseros. scientific-practical Conf. (Yekaterinburg, may 17, 2018) / [Rel. for issue: E.G. Animitsa, G.Z. Mansurov]; M-in science and technology. education Growing up. Russian Federation, Ural branch of the Free economic society of Russia, Ural state economy. UN-t. – Yekaterinburg: Ural state economy publishing House. UN-TA, 2018–226 p.
6. Andrew Glosecki. Authorized capital: stereotypes and their overcoming. Economic analysis of corporate law norms. 01.01.2017. 177 p. <http://www.ranepa.ru/images/News/2016-12/26-12-2016-kniga-kapital.pdf>; Authorized capital of a business company-theoretical disputes and practical aspects. 64 p. <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2010-05-p.pdf>

Юридическая хронология о становлении легализации легитимной силы правоприменительного акта в 1818–1822 годах Российской империи

Соснин Андрей Витальевич,

старший преподаватель кафедры «Правового регулирования экономической деятельности», Уральский Федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: andrei_sosnin@list.ru

Это одна из своего рода работ, рассматривающих вопрос об исследовании легализации легитимной силы решения судебных органов, в первой половине 19 века. Анализируется содержание юридического института легитимной силы правоприменительного акта с момента возникновения до реформенного законодательства Российской империи, его теоретическое и практическое применение. Рассмотрение основных методов объективизма и историзма, в условиях становления правового института легализации легитимной силы правоприменительного акта, в системе правового государства. Автор приходит к следующим заключениям. Законодательство Русской империи не имело достаточно четкой формулы легализации легитимной силы решения, но оно допускалось и применялось как основа возникновения впоследствии судебной реформы, но основании Устава уголовного и гражданского судопроизводства, где полагалось устанавливать и все обстоятельства, служащие основой для принятия легитимного решения. В теории высказывались иные мнения о значимости этого юридического аспекта для реальной действительности. Предположение не рассматривалось ни одним из главных процессуальных принципов. Сделанные основные заключения, предопределили практическую деятельность государственного аппарата, который в дальнейшем составил основу новейшей судебно-правовой политики страны.

Ключевые слова: легализация легитимной силы, дореволюционное процессуальное законодательство Русской империи, порядок признания легитимности решения, хронология судебного законодательства Российской империи, современная история – правовая концепция правовой науки.

Развитие и введение основ государственной легитимности в хронологии государства Российского, в том числе жизненный путь российской общественности на протяжении долгих веков административно – правового становления России оставалось, и сейчас остается, одним из особых направлений верховной власти. Развитие правового оформления условий легитимности в праве Российской империи прошло длительное развитие от ростков, закрепленных на первых стадиях правового развития, до достаточно четких, категорических определений и правил в начале XIX века.

В рамках данного исследования предполагается изучить генезис закрепления основ легитимности как основополагающего правила функционирования управления в Российском законодательстве в XVII–XXI века. Изучая дискурс в нашей юридической хронологии, легитимность и право понимание имеют особое место в связи с особыми средствами и способами административного регулирования. Легитимность и право понимание способны гарантировать справедливый жизненный путь общества и его соплеменников. Как показала хронология одной силы недостаточно для установления этих целей.

Судопроизводство тех времен отличалась оригинальностью множественностью судебного аппарата (предполагало до 20 ведомственных и словных учреждений), противоречивость и неясность процессуальных установлений, в том числе невозможность установить круг дел. На основании которых, должны были происходить разрешения тех или иных вопросов судейского аппарата. Дела в течение продолжительного времени перекочевывали из одного судебного органа в другой, зачастую репатрируясь в первую инстанцию, откуда первоначально начинался продолжительный путь вверх, и на что неоднократно уходили десятилетия.

Судопроизводство находились в сильной корреляции от административной власти. Нередко правоприменительные акты отменялись распоряжениями управомоченных лиц. Главы администраций указывали прокурорам и судьям, как надо разрешить дела.

Правоприменительный акт органа судебной органа в необходимом случае обязан отвечать несомненным условиям, установленным в законе. Текущие условия формулировались в законодательстве и определялись из значимости решения суда. Всеобщие условия к решению суда определялись юридической концепцией, а конкретно – требования обоснованности и легитимности. Определе-

ние сущности правоприменительного акта имеет конкретное значение:

а) нормы материального права, рассматриваемые судом при разрешении дела;

б) нормы процессуального права, устанавливающие порядок судопроизводства по гражданским делам;

в) действительные фактические условия, подлежащие установлению при помощи судебных свидетельств, легитимной силы правоприменительного акта.

Правосудие должно рассматривать дела на основании существующих норм материального законодательства, а в отсутствии соответствующей нормы употреблять аналогию права или аналогию закона («Основы», ст. 12). Правоприменительного акт не есть норма права, а напротив акт применения права, в основании которого необходим закон – отсюда требование к правоприменительному акту: оно обязано быть легитимным (незаконный правоприменительный акт подлежит отмене).

Легитимная сила как правовой институт решения суда служит подспорьем стабильности в работе суда, потому что обеспечивает невозможность пересмотра одного и того же дела помногу раз. Легитимная сила правоприменительного акта (*rei judicatae auctoritas*, *Rechtskraft des Urtheils*, *L autorite de la chose jugée*) разумеется, его квалификация, как официальной правды, исключаяющей потенциальность нового судебного процесса по предмету, и на основании которого должен состояться правоприменительный акт. Savigny (*Syst. T. S. 280*) и многие немецкие писатели определяли понятие легитимной силы в смысле «фикции истины», но едва ли грамотно такое определение [1, с. 99].

Вошедший в легитимную силу правоприменительный акт получает непоколебимый авторитет, правда независимо от того – совпадает ли оно, или же стоит, в разрезе с действующим правом тяжущихся сторон. Большей частью оно, конечно, согласно с ним, и потому нет основания рассматривать, легитимную силу, как только фикцию истины. Напротив, вполне возможно определяется в порядке формальной истины или формального права. Формальная истина не есть непременно истина фиктивная; в отдельных случаях она не может совпадать с правдою материальной.

Особенность понятия состоит в том, что формальная истина, как таковая, во многом имеет непререкаемый авторитет. Определение легитимной силы включает в себя:

1. Неизменяемость решения: со срока провозглашения резолюции, она не в силах внести изменения, ни отменить судом, постановившим ее. В уставе нет специальных правил об исправке ошибок, появившихся в резолюции, а существует только правило о толковании решений, если сталкиваются с затруднениями при их исполнении. Сенат постановил, что исправка, вкрадшееся в резолюцию видимой опечатки, возможно порядком, смонтированным для толкования правоприменительного акта.

2. Непререкаемость решения:

а) недопустимость оспаривания в противном случае, как свидетельством, что рассмотрение дела не остановлено (прошение о пересмотре правоприменительного акта и не участвовавшего в деле), или что решение совсем неправоприменительный акт, а ничтожное воздействие (кассация);

б) нового спора между теми же сторонами по тому же предмету, и на том же требовании.

3. Неизбежность для всех без исключения судов и присутственных мест империи; и обязанность нормирования акта в исполнение органами судебного аппарата.

Легитимная сила правоприменительного акта обозначает:

1) то, что спорный вопрос разрешен, и решение способно быть приведено в исполнение;

2) то, что решение постановлено, раз и навсегда действует и в грядущее время, то, что разрешенный правосудием между сторонами спор, ни между их правопреемниками не может быть возбужден заново. Вступивший в легитимную силу правоприменительный акт действует по отношению к нему как специализированный закон [2, с. 50].

Согласно понятию легитимной силы как формальной истины, следовало бы признавать ее за решением лишь с того момента, когда оно уже не подлежит пересмотру ни в порядке общем или обыкновенном (апелляционное производство), ни чрезвычайном (кассация – по нашему и французскому праву, пересмотр по поводу-по законодательствам немецких государств). Не могло быть той определенности, известности, верности в юридическом быту, без устава составляющее нужное условие существования для последнего.

Римские юрисконсульты, возводя *rem judicatam* на уровень правды, не подлежащей оспариванию, принимали, в том числе и силу заключений, состоявшихся под воздействием промахи или же пристрастия арбитра. Но так явна и безусловна надобность правового института легитимной силы вообще, является так же сложным и спорным. От которого, по сути, находится в зависимости вся практическая значимость этого правового института – вопрос о размере легитимной силы и основанного на ней возражения [3, с. 66].

Конечный результат нуждается, вероятно, в четком определении по двум направлениям: в отношении беспристрастном и личном. Собственно, что касается беспристрастной стороны, то вопрос по – внушительному и принимается элементарно. Легитимная сила не распространяется за пределы предметы, о которых происходит заключение, другими текстами: собственно, что оформляет вещь заключения, есть, совместно и объект легитимной силы.

Решение есть заключительный акт судебного процесса, и результат всего предшествующего производства. Все процессуальные действия, из коих оно складывается это последнее, имеют целью подготовить и произвести правоприменитель-

ный акт. В основе процесса лежит следственное начало или состязательный принцип. Как инициатива по возбуждению процесса на первом плане стоит деятельность тех же сторон.

Положение правосудия, так сказать, перцептивное, выжидающее: он готов слушать, сам же ничего не делать по установлению материала, подлежащего его обсуждению. Стороны определяют предмет процесса, они же представляют данные, на основании которых должно быть постановлено по этому предмету правоприменительный акт. Все здесь зависит от воли спорящих сторон; за пределы ее правосудие не идет. Сторона может признать существующими известный факт, заявленный противником, и суд, обязан считать его таковым. Стороны могут умолчать об известном обстоятельстве, имеющем решающее значение, и правосудие, если бы знало о нем, не вправе, основать на нем его приговор [4, с. 76]. Надо заметить, что состязательный характер процесса не исключает, однако же, так называемой руководящей деятельности суда, состоящей в управлении ходом процесса. В наблюдении за тем, чтобы движение его совершалось в законных формах. Едва ли возможно сомневаться, что последнее начало (следственное) противно самой природе предмета, коем идет речь в гражданском процессе, и что в основу этого последнего должен быть положен состязательный принцип.

В любом отдельном случае решающая работа судебного аппарата содержит собственным предметом то право или же юридическое отношение, которое преследует истец. В предоставленном процессе, ибо на нем концентрируется безлюдность сторон, оно представляет собой, то что *punctum controversiae*, с позволения иной стороны ждут от суда, и на который ориентированы все проводимые ими доказательства. Все же другие вопросы возбуждаются в процессе не сами для себя, а только по всей собственной связи с данным спорным пунктом, а вследствие того они не принимают акт, а лишь рассматриваются трибуналом. Правосудию нужно удостовериться в существовании прецедентов, которые выводятся истцом в спорное отношение, но постановляет он лишь только о праве. Ещё одним из вопросов считается, входят ли мотивы заключения в легитимную силу?

Под мотивами следует понимать соображения суда, путем которых он приходит к решению о подлежащем праве истца, то они, конечно, не причастны легитимной силе [5, с. 81]. Колебание позволяет лишь пользоваться только методом изучения мотивов, акта и только при посредстве сего изучения. Вполне вероятно, после чего устранить использование из легитимной силы состоявшегося заключения. Отсель, заключает Савиньи, собственно, что легитимная сила обязана установить и мотивы заключения. Собственно, что последнее в значении причастия легитимной силы надлежит быть рассмотрено, но не по-другому как в неразрывной связи с общепризнанными признанным или же отвергнутыми трибуналом юридическими

отношениями. В которых находится в зависимости чисто практическая доля заключения – обвинения или же оправдания ответчика. Савиньи также предполагал мотивы и субъективные, т.е. данные, на основании которых суд приходит к признанию или отрицанию названных элементов [6, с. 77]. Эти последние мотивы субъективные не входили в легитимную силу.

В случае если правосудие, при организации операций в области состязательного начала, дозволялось порекомендованным сторонникам материалам, и постановлял на основании пригнанных ими свидетельств. То, что необходимо признать, решение помещалось в легитимную силу для множества граждан и исключительно тяжущихся сторон. Растягивать ее на третьих лиц – означало бы установление данных заключительных вне самостоятельности через произвол, и пренебрежительность сторон. В деле ведения процесса стоило более внимательно относиться, не упуская важные, имеющие пользу обстоятельства, через которые не и терялся бы интерес. При таких соглашениях водилось бы, по крайней мере, пристрастно усвоить легитимное заключение и о третьих лицах, кругозор тот или другой могут являться, несоместимы с ним.

При состязательном характере гражданской процедуры, возражение легитимной силы может иметь лишь в том случае, когда новая тяжба возникает между теми же сторонами. Это положение, должно иметь силу абсолютную, и изъятия из него, допускаемые некоторыми положительными законодательствами не имеют достаточных оснований.

Статья 893 УГС, гласит «правоприменительный акт, вступивший в законную силу обязателен не только для спорящих, но и для суда, постановившего оное, а также для всех прочих судебных и присутственных мест и управомоченных лиц Империи».

1. Правоприменительный акт, во-первых, в обязательном порядке для всех управомоченных лиц Российского государства, означает, собственно, что он разрешен навек и не подлежит пересмотру. В случае если первый из тяжущихся возбудит также дело, то его враг имеет возможность и может предъявить «возражение о решенном деле». Это противоречие, не имеет возможности быть возбуждено самим трибуналом, ибо заключение содержит только вес, но не силу закона, а одно противоречие заявленному. Трибунал должен закончить создание правоприменительным актом. Обязательность заключения для всех управомоченных лиц Империи выражалось в том, собственно, что все они должны оказывать помощь в претворении в жизнь права, признанного трибуналом.

2. Во-вторых, правоприменительный акт для самих спорящих является обязательным, в значении, собственно, должно абсолютно повиноваться ему и не вчинить возобновленного такого же спора.

3. Обстоятельства введения заключения в легитимную силу. Статья 895 УГС устанавливает «акт

вступает в легитимную силу только в отношении спорного предмета, отыскиваемого и оспариваемого теми же тяжущимися сторонами и на том же основании» [7, с. 176–177].

Для реальности *res judicata* неизбежно обладание тремя условиями:

- 1) Идентичности лиц.
- 2) Идентичности предмета спора;
- 3) Идентичности юридических оснований спора.

Сходство лиц различает два облика телесного и юридического. Первое сходство мы имеем за это время, когда в новоиспеченном споре выступают те же лица (или их правопреемники), собственно что и в древнем процессе. Второе сходство мы имеем в тех случаях, когда из тяжущихся в древнем процессе стоял с трех сторон, в процессе не участвовавшим лицом, в этом юридическом отношении, защищая собственные интересы, ему нужно, отстаивать и интересы сего третьего лица.

В данных случаях, например именуемого «презюмционным представительство» судебное заключение раздает собственную неотъемлемую силу и на третьих лиц. Сходство предметов имеется ввиду не лишь только сходство багаж, отыскиваемой вещным иском, но и сходство права, о котором идет обращение. К примеру, истец отыскивает убытки в объеме 1000 руб., причиненные ему порубкой леса; в иске ему отказано за недоказанностью стоимости скошенных деревьев. Вслед за тем затем истец предъявляет, а *vindication* (виндикацию), требуя возврата для себя скошенных деревьев. Во что и ином иске его запросы различны, а вследствие того нет тождества предмета.

Наоборот, идентичность предмета мы имеем в ином случае; истец требовал сначала возмещение убытков из нарушения договора, а после того, как суд не признал доказанным нарушение договора, он требует неустойку за то же нарушение [8, с. 30]. Идентичность причин спора понимается в совокупности право производящих прецедентов, оправдывающих исковое заявление. В случае если оба запроса имеют все шансы быть объединены в одном иске без нарушения ст. 258, мы имеем сходство причин. И обратно: если соединение их не допустимо, основания иска различны. Например, сначала истец требовал выселить нанимателя из занимаемого им помещения, затем истец предъявляет иск о выселении того же лица, как незаконного владельца. В первом случае он основывается на договоре, а во втором на праве собственности [9, с. 40].

Правоприменительный акт определяет то вещественно – правовое отношение, в котором обязаны стоять между собой стороны, а совместно с распоряжением заключения завершается процесс. Для крепости юридической силы нужно, дабы юридическое отношение между сторонами определялось судебным заключением твердо и бесповоротно. С судебным заключением связываются надлежащие результаты: 1) решение, вступившие в легитимную силу, обязательно не только для спорящих, но и для суда, который его поста-

новил, а также и для всех прочих судебных и присутственных мест и управомоченных лиц (ст. 893 УГС); 2) решением заканчивается производство по делу, а поэтому дело, по которому решение вступило в легитимную силу, не может подлежать дальнейшему производству, т.е. на это правоприменительный акт, не может быть подана апелляционная и кассационная жалоба [10, с. 47].

Для такого правоприменительного акта могло вступить в легитимную силу, нужно, чтобы оно соответствовало кое-каким формальным условиям. Обстоятельства эти надлежащие: легитимная сила имеет все шансы вступать лишь только в решении, а не определении, устанавливаемые по задачам процессуальным, например как последними не регулируются вещественные отношения сторон. Решение надлежит быть постановлено компетентным судом с соблюдением всех процессуальных правил и облечено в установленную законодательством форму (ст. 700, 701, 710, 711, 714 УГС).

Поэтому, если иск о праве собственности на недвижимое имущество будет разрешен мировым судьей или съездом, то такой правоприменительный акт не может устранить возможности предъявления иска о том же праве в окружном суде (ст. 202 УГС). Решением регулируются правоотношения сторон, а это может достигаться лишь при том условии, если содержание решения не может быть более изменено. Пока правоприменительный акт не может быть обжалован, – может последовать и иное решение спора судом высшей инстанции. Поэтому правоприменительный акт не может быть окончательно регулирующим правоотношения сторон, т.е. пока не вступит в легитимную силу. Такими решениями могут считаться лишь акты, на обжалование решения которых пропущен срок (ст. 892 УГС). Статья 892 УГС относит к решениям, вступившим в законную силу, решения, постановленные судебной палатой. Последствия, однако же, нельзя считать правоприменительным актом, вступившими в легитимную силу, так как они могут быть обжалованы в кассационном порядке и изменены той же палатой, которой передано, будет дело для нового рассмотрения.

Отсюда видно, что решение палаты в законную силу не со времени провозглашения резолюции, а со времени пропуска срока на обжалование в кассационном порядке. Со времени же провозглашения резолюции, решение ее является окончательным лишь в том смысле, что с ним связывается исполнительная сила. Чтобы решение могло окончательно урегулировать юридическое отношение, оно должно вступить в законную силу в формальном отношении. Значимость его в этом отношении утверждается самим судом. Так, если жалоба на решение будет подана после истечения установленного законом срока, то она возвращается по определению суда. Твердость решения может быть нарушена также возбуждением нового процесса о том же предмете после вступления решения в легитимную силу.

Статья 895 УГС гласит: «решение вступает в законную силу только в отношении спорного предмета, отыскиваемого теми же тяжущимися сторонами и на том же основании». Отсюда видно, что возражение о решенном деле, может иметь место лишь в том случае, если предъявлен новый иск о том же предмете, состоявшем в споре между теми же лицами в прежнем процессе. Легитимная сила правоприменительного акта, а, следовательно, и применение противоречий о решенном случае, имеет пределы субъективные и объективные. Иными словами, нужно, чтобы в деле, решенном и вновь возбужденном притязания были тождественны.

Предмет иска служит содержанием притязания, т.е. утверждения о существовании конкретного права. Права различаются между собой по содержанию, по объекту и по основанию возникновения. Это обстоятельство оказывает влияние на объективные пределы легитимной силы судебного акта. Так, по содержанию, право собственности отличается, например, от права залога, от ссуды и т.д. Поэтому если в одном процессе отыскивается право собственности, а в другом право залога, то тождества исковых притязаний не будет. Точно так же, если предметом обоих исков будет право собственности, то иски будут сходными, но они могут не быть тождественными, так как индивидуальность права обуславливается также его объектом: права могут быть однородны, но объекты их различны, а потому будут считаться различными и сами права. Так, например, право собственности на дом и право собственности на известный земельный участок будут однородны, но, тем не менее, они будут различаться по своим объектам. Наконец, права могут быть различны по различию оснований возникновения их. Всякое право имеет определенное основание своего возникновения. Так, право собственности на дом может иметь своим основанием давность владения, может основываться на купле – продаже и т.п.

Для того чтобы наступило сходство предмета иска, необходимо, чтобы в обоих процессах дело шло о том же праве (например, о праве собственности, о праве по обязательству и т.п.) при тождестве объекта и тождестве основания его приобретения. Наши процессуалисты (Малышев, Победоносцев) держаться того мнения, что, как в исках личных, так и в исках вещных изменение основания приобретения права исключает возможность приводить возражение об урегулированном деле. Так, Победоносцев приводит следующий пример: истец ищет имение в силу завещания и ему отказано; но после того он может еще искать то же имение праву законного наследия, опровергая наследственные права того же ответчика (Победоносцев, Суд. Рук. № 1134) [11, с. 158–213]. Если во втором иске отыскивается право отличное от того, которое составляло предмет первоначального иска, то в этом случае, конечно, не может иметь применения возражения об урегулированном деле, так как здесь отсутствует одно из усло-

вий тождества исков. Например, если вошедшим в легитимную силу решением, истцу отказано во взыскании им с ответчика стоимости невозвращенного имущества, такое решение не лишает истца права предъявить требование о возвращении самого спорного имущества. Если во втором иске является иной объект права (например, иная вещь), то возражение об урегулированном деле не может иметь места, так как в этом случае так же, как и предыдущем, нет тождества предмета иска. Но, если в первом иске разрешен спор о праве на целую вещь, а второй иск предъявляется относительно части ее, то в этом случае различие предметов является мнимым, так как, в сущности, спор идет о праве, на один и то же предмет. Таким образом, в этом случае может иметь применение возражение в урегулированном деле.

Легитимная сила судебного решения по отношению к субъектам процесса ограничивается в следующем отношении: она распространяется на тех лиц, которые вели процесс, а также на их универсальных или сингулярных преемников. Поэтому если второй иск возник между теми же сторонами, между которыми разрешен спор первым решением, то имеет место применение возражения о решенном деле. Но так как легитимная сила решения распространяется и на преемников этих лиц (универсальных и сингулярных) и вообще на тех лиц, которые выводят свое право из права предшественника, то и относительно их имеет место тождество субъектов, а, следовательно, и возражение о урегулированном деле.

Для сущности правоприменительного акта правосудия важным элементом является легитимная сила судебного решения, его общеобязательность, которая выражается в исключительности, непровержимости, а ряде случаев также исполнимости и преюдициальности. В литературе общепризнано, что судебное решение не творит права, а лишь охраняет право, что оно не тождественно норме права и лишь основано на норме права. Становится очевидным, что легитимность в правоприменительном акте, проделала долгий хронологический путь, и становится одним из основных видов судебного процесса в политике Российского государства XIX века. Сказанное говорит о том, что институт легитимной силы правоприменительного акта – это важнейшая категория, имеющая немало проблем, требующих научно теоретического разрешения.

Литература

1. Энгельман И.Е. «Курс русского гражданского судопроизводства». – Юрьев. 1912. с. 99;
2. Нефедьев Е.А. «Основные начала гражданского судопроизводства». – 2-е изд. СПб. 1886. с. 50;
3. Гамбаров Ю.С. «Курс лекций по гражданскому процессу 1894–1895». – М. 1895. с. 66;
4. Яблочков Т.М. «Учебник русского гражданского судопроизводства». – Ярославль. 1912 с. 76;

5. Зарудный С.И. «О значении мирового судьи и словесного порядка гражданского судопроизводства». // – ОР и РК ГПБ, ф. 637. с. 81;
6. Энгельман И.Е. «Курс русского гражданского судопроизводства». – Юрьев. 1912. с. 65;
7. «Судебные уставы 20 ноября...». – СПб. 1866. Ч. 1. с. 176–177;
8. Васьяковский Е.В. «Курс гражданского процесса». – М. 1913. с. 30;
9. Васьяковский Е.В. «Курс гражданского процесса». – М. 1913. с. 40;
10. Джаншиев Г.А. «Основы судебной реформы». – М. 1891. с. 47;
11. Победоносцев К.П. «О реформе в гражданском судопроизводстве». // – Русский вестник. 1859. с. 158–213.

LEGAL CHRONOLOGY OF THE FORMATION OF LEGALIZING THE LEGAL FORCE OF THE LAW ENFORCEMENT ACT IN 1818–1822 OF THE RUSSIAN EMPIRE

Sosnin A.V.

Ural Federal University First President of Russia B.N. Yeltsin

This is one of the kind of works that examines the issue of legalizing the legitimate force of judicial decisions in the first half of the 19th century. The article analyzes the content of the legal institution of the legitimate force of a court decision from the moment of its emergence to the revolutionary legislation, its theoretical and practical application. Consideration of the main methods of objectivism and historicism in the context of the formation of the legal institution of legalizing the legitimate force of a judicial decision in the system of the rule of law. The Creator comes to conclusions. The legislation of the Russian Empire did not have a clear enough formula for legalizing

the legitimate force of the decision, but it was allowed and applied as the basis for the subsequent judicial reform, on the basis of the Statute of criminal and civil proceedings, where it was necessary to establish all the circumstances that serve as the basis for making a legitimate decision. In theory, different opinions were expressed about the significance of this legal aspect for real reality. Assumption was not considered one of the main procedural principles. The main conclusions made predetermined the modern practice of state activity, which later formed the basis of the future judicial and legal policy of the state.

Keyword: legalizing legitimate force, pre-revolutionary procedural legislation of the Russian Empire, the procedure for recognizing the legitimacy of a decision, the chronology of judicial legislation of the Russian Empire, the modern historical and legal concept of legal science.

References

1. Engelman I. E. "Course of Russian civil Procedure". – Yuriev, 1912, p. 99;
2. Nefed'ev, E. A. "Basic principles of civil proceedings". – 2nd ed. SPb. 1886. p. 50;
3. Gambarov Yu. S. "Course of lectures on civil procedure 1894–1895". – М. 1895. p. 66;
4. Yablochkov T. M. "Textbook of Russian civil Procedure". – Yaroslavl. 1912 p. 76;
5. Zarudny S. I. "On the meaning of the justice of the peace and the verbal order of civil proceedings". // – ОР and РК ГПБ, ф. 637. p. 81;
6. Engelman I. E. "Course of Russian civil Procedure". – Yuriev. 1912. p. 65;
7. "The judicial statutes of November 20,...". – SPb. 1866. CH. 1. p. 176–177;
8. Vaskovsky E. V. "Course of civil procedure". – М. 1913. p. 30;
9. Vaskovsky E. V. "Course of civil procedure". – М. 1913. p. 40;
10. Dzhanshiev G. A. "Fundamentals of judicial reform". – М. 1891. p. 47;
11. Pobedonostsev K. P. "On reform in civil proceedings". // – Russian Bulletin. 1859. pp. 158–213.

Исследование нетипичных форм правления в Античном и Средневековом мире

Турянская Екатерина Сергеевна,

помощник судьи Арбитражного суда Приморского края

E-mail: Turyanskayaekaterina@yandex.ru

В статье рассматриваются нетипичные формы правления, которые были характерны для античного и средневекового мира. Форма правления определяется теми способами, с помощью которых осуществляется государственная власть в том или ином государстве. В настоящее время известны две формы правления, которые являются наиболее распространенными – республика и монархия. Наиболее частыми формами правления в Античное время были аристократия, монархия, олигархия, тирания и демократия. Большой вклад для их изучения сделали Аристотель, Платон и другие философы того времени. В своих трудах они подробно описывали пути становления государственной власти в государстве, те способы, при помощи которых осуществлялась государственная власть. Для каждой из описываемых в статье форм правления существовали свои особенности. Это определялось факторами развития того или иного государства. После перехода к Средним векам формы правления практически не изменились. Особенностью того времени можно назвать то, что большая роль отводилась религии. Возникали первые папские государства, для которых было характерно то, что правитель являлся не только главой государства, но и главой католической церкви.

Ключевые слова: Античность, аристократия, монархия, олигархия, Средние века, теократическое государство, тирания, форма правления.

Форма правления представляет собой один из элементов формы государства. Она характеризует систему высших органов государственной власти, порядок их формирования, степень участия народных масс в их формировании и деятельности. [1, с. 20]

Форма правления имеет важное значение для изучения конституционно-правового регулирования организации и функционирования государства. [2]

Современное классифицирование формы правления определяется тем, как осуществляется власть в государстве – в качестве одного лица или в качестве выборного органа власти. Таким образом, выделяют две основные формы правления: республика и монархия.

Исторически первой формой правления была монархия, основными признаками которой являются наследственный порядок передачи власти, пожизненный срок полномочий, а также отсутствие юридической и политической ответственности монарха перед своим народом.

Республиканская форма правления появилась немного позже, нежели монархия. Ее основными характеристиками являются выборность главы государства, ограниченный срок полномочий в соответствии с законодательством определенного государства, политическая и юридическая ответственность.

С появлением первых государств человечество начало задумываться о том, чтобы создать идеальную модель осуществления верховной государственной власти. Однако и по сей день нельзя дать точный ответ на вопрос о том существует ли идеальная форма правления в мире.

Одними из первых, кто начал пытаться описать существующие на тот момент формы правления были античные философы – Платон, Аристотель, Цицерон и др. [3, с. 160]

Платон в своих учениях выделял правильные и неправильные формы правления. К первым он относил аристократию, монархию; ко вторым – олигархию, тиранию, демократию и тимократию.

Аристократию Платон определяет как правление лучших с одобрением народа. Кандидат на такую должность должен быть человеком, который не захочет быть правителем, не захочет заниматься исправлением чужих пороков, то есть личность, обладающая честолюбием, стремлением к власти, господству и деньгам, не может являться правителем такого государства. [2]

Еще одной правильной формой правления является монархия. Она отличается от аристократии

количеством наилучших правителей. В монархии он один, в аристократии – несколько.

К неправильным формам Платон относит тимократию, что означает, что власть осуществляется военными. К государствам античного мира, чья форма правления представляла собой тимократию, исследователи относят Афины VI в. до н.э. в результате реформ Солона, а также Рим после реформ Сервия Туллия.

Олигархия – форма правления, при которой у власти оказываются личности, которые смогли сосредоточить в своих руках большое количество денег. Как правило, этот строй основан на имущественном цензе. Власть принадлежит к очень богатому слою населения, бедняки не могли участвовать в управлении таким государством. Примером такого государства могут служить Афины в V в. до н.э.

Следующей формой правления, плавно вытекающая из олигархии, – демократия. Демократия с древнегреческого переводится как народовластие. Именно победа бедняков приводит к установлению демократии. Суть ее, по мнению Платона, в том, что власть, которая дана народу приводит к тому, что большинство становится слишком свободным, а чрезмерная свобода приводит к рабству. Рабство устанавливает тиранию – наихудшую форму правления. При ней власть осуществляется путем вероломства и насилия.

Таким образом, Платон считал, что смена форм правления сопровождается порчей человеческих нравов, и, чтобы выйти из этого все возвращается к изначальному строю – аристократии – правлению мудрых.

Аристотель при анализе полисных государств Греции пришел к выводу о том, что правильными государства – те государства, которые имеют своей целью общественное благо, а не благо для правящего круга лиц. Под вывод, выдвинутый философом, наиболее правильное будет отнести то, что удовлетворение социальных потребностей личности возможны в монархии, аристократии и политии. При худших же моделях организации государства невозможно установить общественный мир. [4, с. 121]

В своих трудах древнегреческий философ дает весьма интересную классификацию единоличным формам правления. Во-первых, он выделяет лакедемонскую монархию, для которой характерно то, что царь обладает титулом верховного вождя только, когда выходит за пределы своего государства. При таком раскладе царь имеет право казнить и миловать своих подданных только во время военных походов. Однако жители Эллады нашли средство, чтобы ограничить монархическую власть и за пределами полисов. Они в военные походы отправляли вместе с царями их врагов, так как считали, что спасение для государства – распри между царями. [4, с. 121]

Во-вторых, Аристотель выделяет единоличную власть варварских племен. Он ее приравнивает к тирании. Объясняется это тем, что варвары

в большей мере чем эллины склонны переносить рабство. Для них тираническая власть не приносит каких-либо признаков неудовольствия, так как держится на преемственности и законе. Также восточная тирания отличалась от древнегреческой тем, что монарха охраняли его же граждане, когда тиранов –наемники. Этот факт объясняется тем, что цари властвуют на законном основании, тираны же – над людьми, которые подчиняются им против своей воли. Исследуя дальше вопрос о соотношении тирании среди варварских племен на Востоке и тирании в Древней Греции, то можно прийти к выводу о том, что большую роль играла сакральность власти, так как только вера могла помочь правителю сделать его государство устойчивым.

В-третьих, в своих трудах Аристотель упоминает об эсимнетии – выборной тирании, который являлся аналогичным институт диктаторства в Древнем Риме. Данная форма правления используется в чрезвычайных случаях, например, при нашествии врагов или же восстании рабов и иных. Таким образом, из-за определенных обстоятельств граждане вынуждены жертвовать своей свободой и подчиняться тирану. [4, с. 122]

В-четвертых, выборная монархия может стать наследственной благодаря особым заслугам монарха. Он наделяется следующими полномочиями: военачальник, судья и жрец, а также право передачи этих прав своему потомству.

В-пятых, Аристотель выделяет абсолютную власть, при которой правитель является неограниченной владыкой. Полномочия властителя идентичны полномочиям домоправителя – отца семейства. Такая патриархальная структура общества является самой стабильной, так как правитель с любовью относится к своим подданным, а те с уважением относятся к своему покровителю.

Таким образом, патриархальная монархия в Элладу аристотелевского периода считалась архаическим пережитком гомеровских времен. По мнению Б.Н. Чичерена, этот факт не давал грекам в полной мере ощутить самодержавную власть, так как она то ограничивалась участием народа в делах государства, то устанавливались какие-либо законы, которые так или иначе ограничивали власть монарха, или же диктаторскими полномочиями были наделены эфоры. [5, с. 17] Анализируя такой своеобразный подход к управлению государством, многие мыслители античного периода времени приходили к выводу, что было установлено смешанное управление в монархическом государстве.

В Средние века наиболее распространенной формой правления была монархия, но и помимо нее существовали и иные формы правления.

На территории современной Италии складывалась республиканская форма правления. Итальянские города завоевывали независимость от своих сеньоров. Власть переходила не в руки монарха, а к коллегии консулов. Должность консула являлась выборной: из купечества, мелких

рыцарей и знати. Консульская коллегия являлась органом исполнительной ветви власти, законодательная власть принадлежала совету доверенных лиц. Граждане могли реализовывать свои политические права через созыв парламента. Доходы, получаемые от налоговых сборов, шли в распоряжение города. Данный тип формы правления был характерен для таких городов-республик, как Флоренция, Сиена Пиза и др. В Венеции и Генуя в XIII–XIV вв. складывалась олигархическая форма правления. В этих городах-государствах управляли богатейшие купцы.

Спустя несколько столетий, а именно в XIV–XV вв. некоторые итальянские города-государства изменяли форму правления, превращаясь в мелкие монархии – тирании. Ярким примером является Флоренция, когда к власти пришла семья Медичи. [6, с. 163]

Необходимо упомянуть и об Швейцарском союзе, который возник в 1291 году для борьбы против Габсбургов – династия германских императоров, которая хотела подчинить себе следующие города Швица, Ури и Унтервальден. [6, с. 163] Затем присоединились еще пять государств, а в конце XV в. конфедерация насчитывала 13 кантонов и несколько союзных земель. Фактической независимости от империи Швейцарский союз смог добиться лишь к началу XVI в.

Еще одной нетипичной формой правления для Средних веков была теократическая форма правления. Ярким примером является папское государство, образованное в 756 году. Во главе такого государства стоял Папа римский. Особенность заключается в том, что правитель являлся одновременно и главой государства, и главой католической церкви.

Нетипичные формы правления в античном и средневековом мире были достаточно распространены. В этом мы убедились, проанализировав некоторые нетипичные формы правления в раннее существовавших государствах.

Литература

1. Овчинникова О. Д. К вопросу о форме правления / О.Д. Овчинникова // Юридическая наука и правоохранительная практика.– 2009.– № 4. – С. 20–25.
2. Идеальное государство Платона / Учебные материалы. – Москва. – URL: <https://works.doklad.ru/about.html>. Текст: электронный.
3. Серегин А.В. Античные мыслители о монархической форме правления /А. В. Серегин // Правоведение.– 2006.– № 5. – С. 160–168.
4. Аристотель. Политика / Аристотель // Политика. Афинская политика. – Москва, 1997. – с. 644.
5. Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира / Б.Н. Чичерин // Юриайт. – Москва, 2018. – с. 272.
6. История средневековья. Какие формы государства, кроме монархии, существовали в Средние века / Почемучка. – Москва, 2013. – URL: <http://pochemuchca.ru/sredn-vek/srednevek6.html>. Текст: электронный.

STUDY OF ATYPICAL FORMS OF GOVERNMENT IN THE ANCIENT AND MEDIEVAL WORLD

Turyanskaya E.S.

Arbitration court of Primorsky Krai

The article deals with atypical forms of government that were typical for the ancient and medieval world. The form of government is determined by the ways in which state power is exercised in a particular state. Currently, there are two forms of government that are the most common—the Republic and the monarchy. The most frequent forms of government in ancient Times were aristocracy, monarchy, oligarchy, tyranny, and democracy. Aristotle, Plato, and other philosophers of the time made a great contribution to their study. In their works, they described in detail the ways of formation of state power in the state, the ways in which state power was exercised. Each of the forms of government described in the article had its own peculiarities. This was determined by the factors of development of a particular state. After the transition to the Middle ages, the forms of government have hardly changed. The peculiarity of that time is that a large role was assigned to religion. There were the first papal States, which were characterized by the fact that the ruler was not only the head of state, but also the head of the Catholic Church.

Keywords: Antiquity, aristocracy, monarchy, oligarchy, Middle ages, theocratic state, tyranny, form of government.

References

1. Ovchinnikova O.D. To the question of the form of government / O.D. Ovchinnikova // Legal science and law enforcement practice.– 2009. – no. 4. – P. 20–25.
2. Plato's Ideal state / Training material. – Moscow. – URL: <https://works.doklad.ru/about.html>. Text: electronic.
3. Seregin A.V. Ancient thinkers about the monarchical form of government /A.V. Seregin // Jurisprudence.– 2006. – no. 5. – P. 160–168.
4. Aristotle. Politics / Aristotle // Politics. Athenian politics. Moscow, 1997, p. 644.
5. Chicherin B.N. Political thinkers of the ancient and new world / B.N. Chicherin // Lawyer. – Moscow, 2018. – p. 272.
6. History of the middle ages. What forms of state, other than monarchy, existed in the Middle ages / Why? – Moscow, 2013. – URL: <http://pochemuchca.ru/sredn-vek/srednevek6.html>. Text: electronic.

К вопросу о реализации принципа милосердия в юридическом процессе

Беденков Владимир Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

Тыщенко Глеб Валерьевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

E-mail: gleb.tyshchenko.2017@mail.ru

Принципы права играют важную роль в правоприменительной деятельности. Общеизвестными принципами права, оказывающими существенное влияние на регулирование основополагающих общественных отношений, выступают, в частности, принцип законности, принцип справедливости. Однако, немаловажную роль в правоприменительной деятельности играет принцип милосердия. Несмотря на то, что он не получил своё письменное закрепление, данный принцип всё же имеет основополагающее значение в правоприменительной юридической деятельности. Данный принцип не следует отождествлять с принципом гуманизма, поскольку последний больше характерен для западной правовой культуры и не отражает нравственные и юридические особенности российского общества. А ведь именно на данном принципе во многом строится нравственно ориентированная правовая система, в которой нравственно согласованы интересы государства, всего общества, так и интересы отдельной личности.

Ключевые слова: принцип милосердия, правоприменительная деятельность, принципы права, суд, нравственные основания.

Принцип милосердия в процессе прямого судебного разбирательства означает необходимость своевременного учёта смягчающих обстоятельств, милосердного отношения к личности истца или ответчика, вовлечённого в процесс тяжёлыми личными обстоятельствами или путём принуждения противостоящей стороной в юридическом споре. Все эти обстоятельства должны быть установлены судом для соблюдения и реализации принципа милосердия. Следует отметить, что превращение нравственного принципа милосердия в общий принцип права на сегодняшний день насущно необходимо. Ведь даже в самые древние времена с помощью реализации данного принципа было сохранено существование всего человеческого сообщества. «Инстинктивная взаимопомощь, забота по отношению к другому человеку изначально пронизывала и структурно и функционально все стороны жизни человека архаичного общества». Несомненно, что нарушение логических операций мышления (рационализация) и нарушения коллективного архетипа привели к изменениям поведения человека как вида» «Усиление аналитической направленности в процессе эволюции ослабляло ощущения единства, солидарности, взаимосвязи внутри архаического общества и его групп. «От инстинктивного взаимодействия в борьбе за выживание человек переходит к сознательному взаимодействию и помощи другому на основе сострадания, сопереживания (эмпатии)» – указывает в своей работе исследователь нравственного принципа милосердия [4, с. 49].

Несомненно, правовой принцип милосердия в сфере действия государственных правоприменительных органов может стать залогом если не выживания общества, как это было в древние времена, то к созданию условий для в действительной степени сострадательного отношения к лицам, попавшим, к примеру, в орбиту уголовного преследования или в экономическое принуждение, вызванное заключением гражданско-правовой сделки.

Надлежит помнить, что значимость принципа милосердия в правовой сфере России определяется и глубокими религиозно-церковными корнями. Не вдаваясь в подробности тесного взаимодействия права и религии, стоит обратить внимание на взаимосвязь христианских основ милосердия и принципа милосердия как принципа права. Как и нравственность, христианское милосердие имеют общие корни. «Христианское учение возводит милосердие в ранг предельного нормативного основания». «Здесь милосердие – универсальное требование, основанное на понимании общности

людей в любви, и эта любовь ко всем и даже шире (в том числе и к среде обитания) наделена ощущением ценности бытия». Христианские основы милосердия были исконно исторически присущи русскому обществу на протяжении многих столетий и внесение данного принципа в правовую сферу, несомненно может стать важной вехой в развитии законодательной и правоприменительной сферы в том числе и в наши дни.

Европейский принцип гуманизма, напротив, имеет определённые отличия от российского принципа милосердия. Именно европейская гуманистическая культура привнесла в сокровищницу мировой мысли понятия личности, естественных, неотчуждаемых прав человека, правового государства, гражданского общества и свободы личности, которые можно определить под общим названием «принцип гуманизма». Вместе с тем, изначально принцип гуманизма базировался на совершенно чуждых для российской политико-правовой культуры ценностях. Именно гуманизм стал основой буржуазного общества в силу его индивидуалистической природы. Гуманизм западного общества основывался и основывается по сей день на отсутствии связи со своей страной и нацией, поскольку гуманизм тяготеет к космополитизму, сторонники которого считают, что где хорошо, там и отечество. Гуманисты представляли собой светскую интеллигенцию, которая была враждебно настроена против церкви, а идеалом гуманистов выступала эгоистическая жизнь, построенная на «здоровой» чувственности [7, 94].

Очевидно, что принцип гуманизма не является исконным духовно-нравственным и правовым принципом для российского государства и общества. Для российского государства и общества более характерен нравственный и правовой принцип милосердия, основанный на общности, сплочённости, взаимовыручке и религиозных традициях, господствующих на протяжении длительного периода российской истории.

Принцип милосердия может иметь право на существование и применение в реальной юридической практике, поскольку является универсальным, существует с древних времён – характерен для нравственной и юридической практики многих стран и народов и вполне может войти в правоприменительную практику Российской Федерации. «Феномен милосердия, несомненно, является культурной универсалией, в течение долгого исторического времени, сопровождающей человечество». «Милосердием, как правило, называют сострадательное отношение к страждущим, которое предполагает бескорыстную готовность прийти на помощь». «Иными словами, оно может служить основанием для помощи нуждающимся, представляющей собой содействие людям в решении их проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни [6, с. 155].

В наши дни при реализации в судебном заседании принципа милосердия, в первую очередь, учитывая ранее данное понимание милосердия,

надлежит оценивать наличие смягчающих обстоятельств, при оценке деяний отдельной личности. Даже при безусловном установлении виновности лица в совершённом общественно-опасном деянии, принцип милосердия должен опираться на обстоятельства, способствующие не уничтожению человека от карательного правового аппарата, а на обстоятельства, помогающие человеку наиболее достойно пережить данный этап жизни.

Принцип милосердия должен, на наш взгляд, способствовать в первую очередь учёту всего комплекса возможных смягчающих обстоятельств, которые зачастую не дословно, а лишь сугубо формально перечислены в нормах УК РФ, ГК РФ и иных нормативно правовых актов [2], [3]. В частности, принцип гуманизма, закреплённый в статье 7 УК РФ, раскрывает милосердное отношение к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому и осуждённому в следующей формулировке: «1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. 2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Уголовно-правовой принцип гуманизма основан на Конституции РФ 1993 года, в частности в статье 21 закрепляется милосердное отношение к отдельной личности. Конституционная формулировка принципа гуманизма звучит следующим образом: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам [1].

Суд при оценке даже полностью установленной тяжкой вины лица при вынесении наказания обязан в соответствии с данным принципом опереться на весь спектр смягчающих обстоятельств, которые способствуют облегчению участи виновного лица, его исправлению, а не озлоблению на уголовно-карательный аппарат

Следует особо отметить, что эти обстоятельства, всесторонне оценить которые и требует принцип милосердия отнюдь не исчерпывающи и их перечень не поддаётся чёткому установлению и они выходят за рамки позитивного закона. К примеру, эти смягчающие обстоятельства могут быть следующими: воспитание в неблагополучной семье, юный и молодой возраст совершения деяния, воздействие плохой компании на участника правонарушения и преступления, повышенная внушаемость и впечатлительность, устанавливаемая в результате экспертной психолого-медицинской комиссии, безвыходное положение, вызванное оторванностью от родных и близких, стойкое заблуждение, относительно противоправности своих действий, не оправдывающее лицо, но способствующее в определённой степени примене-

нию смягчающих обстоятельств. Суд даже при незначительности деяния обязан обращать особенно пристальное внимание на смягчающие обстоятельства и применять их на практике во исполнение принципа милосердия в уголовном и гражданском судопроизводствах.

На первый взгляд, этот довод в пользу применения принципа милосердия при оценке «малозначительных деяний» может показаться достаточно странным, ведь лицо фактически при малозначительности деяния может понести минимальное наказание, но вместе с тем, данный довод, по нашему мнению, будет правильным. Милосердие – принцип всеобщий. Если суд во исполнение требований принципа милосердия перестанет обращать внимание на смягчающие обстоятельства даже при малозначительности деяния, это может войти в привычную практику и в последствии перейти на более общественно-опасные юридические дела, которые для судьи или иного правоприменительного органа также могут показаться малозначительными. Поэтому в данной работе, мы советуем обращать внимание на смягчающие обстоятельства для лица в любых категориях судебных дел, даже по тем, по которым наказание предполагается минимальным. Это поможет не только избежать судами игнорирования смягчающих обстоятельств, но и уменьшить необходимость воздействия карательного государственно-правового механизма.

Следует заметить, что данный принцип поможет в правоприменительном процессе подвести итог под разрозненной системой смягчающих обстоятельств, определение которых и специфика применения на сегодняшний день всё ещё имеет под собой ряд неразрешённых вопросов в том числе и в публично-правовой сфере. Не случайно особенно остро вопрос применения смягчающих обстоятельств остро стоит в науке уголовного права. Вопрос о смягчающих наказания обстоятельств связан с тем, что чёткого определения смягчающих обстоятельств в УК РФ до сих пор не разработано. Не разработано определения и отягчающих наказания обстоятельства [5, с 144].

Казалось бы, смягчающим и отягчающим обстоятельствам отводится весьма весомая роль в науке уголовного-права и в формальном источнике уголовного права – Уголовном кодексе Российской Федерации. Вместе с тем, на сегодняшний в судебной практике продолжают встречаться случаи, когда смягчающие или отягчающие обстоятельства не в полной степени учитываются судом. Включение принципа милосердия в систему базовых принципов уголовного права, наряду с уже включёнными принципами законности и справедливости, на наш взгляд, позволят правоприменителям обращать повышенное внимание на данный принцип, обусловят необходимость его реализации и всесторонней проверки.

Вместе с тем при разрешении материально-правового спора, судьям надлежит помнить, что при полной доказанности вины лица и нали-

ции комплекса смягчающих обстоятельств лицо всё равно должно понести ответственность за совершённое. Применение принципа милосердия способно облегчить участь лица, виновного в совершении правонарушения, однако, не избавляет от обязанности понести заслуженное наказание. Принцип милосердия, на наш взгляд, является правовым принципом, который работает двусторонне и не только в отношении лица, подвергнутого уголовно-правовому воздействию или гражданско-правовой ответственности. Действие принципа милосердия должно быть проявлено и в отношении лиц, пострадавших от умышленных и неосторожных действий виновного лица. К ним суду также необходимо проявить милосердное отношение и оказать поддержку в виде осуждения виновного лица, принёсшего им страдания, поставившего их в тяжёлое материальное положение, злоупотребившего их доверием. В результате действия и эффективного применения принципа справедливости, суд может обязать возместить другой стороне убытки и загладить вред, причинённый другой стороне.

На наш взгляд, обязанность возместить вред другой стороне, когда это возможно, например, в случае, когда лицо, не совершило убийство, причинения вреда здоровью, но совершило, к примеру уничтожение чужого имущества или иной имущественный является более гуманной, чем реальное уголовное наказание. Исполнение решения загладить вред с превышением ущерба может при определённых условиях способствовать даже освобождению лица от гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за содеянное. В то же время надлежит помнить, что не всякое правонарушение или преступление может привести к освобождению от ответственности. Данная позиция может привести к внесению изменений и в действующее позитивное законодательство и отказу от возможности применения наказания за ряд правонарушений и преступлений при активных действиях лица, загладившего причинённый вред, раскаявшегося в совершении правонарушения или преступления.

При соблюдении принципа милосердия, судом в мотивировочной части вынесенного решения должно быть указано на круг лиц, в отношении которых данный принцип был применён и получил своё практическое воплощение на практике. И этот принцип может работать не только в отношении двух сторон, представляющих противоборствующие стороны в административном, гражданском, уголовном процессах, не только в отношении лишь потерпевшего и подсудимого или истца и ответчика. Данный принцип, являясь всеобщим, к примеру, вполне применим в отношении частного истца, который хотя и выступает в процессе на стороне потерпевшего лица, тесно связан с вопросом защиты своего собственного нарушенного материального или нематериального права и законного интереса, предъявляет претензии вместе с потерпевшим, но тем не менее, может преследо-

вать своё собственное нарушенное право. Это же относится и в отношении частного ответчика, третьих лиц, пострадавших в результате правонарушения, гражданско-правового спора.

Принцип милосердия, являясь универсальным принципом вполне может быть применим в отношении свидетеля, которого под угрозой давления вынудили дать ложные показания и который может претендовать на реабилитацию своего доброго имени, а также иметь право на полный или частичный отказ от уголовного преследования за дачу заведомо ложных показаний на следствии или в судебном заседании при своевременном заявлении об этом путём реализации принципа милосердия, восстановления его физического и психического благополучия, наказания виновных в давлении на лицо, дающее важные для процесса показания. Принцип милосердия в отношении свидетелей имеет не менее основополагающее значение чем при его применении в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, потерпевшего, истца или ответчика. И об этом также в свою очередь надлежит помнить суду.

Таким образом, предлагается заменить название принципа гуманизма как принципа более характерного для западноевропейской правовой культуры на принцип милосердия, характерный уже для российской правовой культуры. Следует обратить внимание правоприменителя на необходимость реального применения принципа милосердия в практической деятельности.

Литература

1. Конституция РФ от 12 декабря 2019 года в ред. Указа Президента Российской Федерации от 27.03.2019 № 130 // «Российская газета» от 25.12.1993 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. в ред. Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 500-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. № 25, ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, (ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текст. дан. – [Москва], 2005–2015. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Березина Е.М. К вопросу о генезисе нравственного принципа милосердия / Е.М. Березина // Вестник Московского государственного

университета культуры и искусств – № 5.– 2011. – с. 44–49.

5. Измалков В.А. Понятие обстоятельств, смягчающих наказание, и их классификация // В.А. Измалков / Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право.– 2016 – № 1–2. с. 164–172.
6. Швачкина Л.А. Древний мир: рождение милосердия // Вестник самарского государственного университета // Швачкина Л.А. 7 (81).– 2010. – с. 155–159.
7. Цеев А.В. Принцип гуманизма в современной правовой культуре/А.В. Цеев // Философия права – N. 5(36) – 2009. с. 94–97.

ON THE QUESTION OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF MERCY IN THE LEGAL PROCESS

Bedenkov V.V., Tyshchenko G.V.
Altai State University

The principles of law play an important role in law enforcement. Well-known principles of law that have a significant impact on the regulation of fundamental social relations are, in particular, the principle of legality, the principle of justice. However, the principle of mercy plays an important role in law enforcement. Despite the fact that he did not receive his written confirmation, this principle is still fundamental in law enforcement. This principle should not be equated with the principle of humanism, since the latter is more characteristic of Western legal culture and does not reflect the moral and legal features of Russian society. But it is on this principle that a morally oriented legal system is largely built, in which the interests of the state, the entire society, and the interests of an individual are morally coordinated.

Keywords: principle of mercy, law enforcement, principles of law, court, moral foundations.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 2019 as amended by Decree of the President of the Russian Federation of March 27, 2019 No. 130 // "Rossiyskaya Gazeta" of December 25, 1993
2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 as amended by Federal Law of December 27, 2019 No. 500-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation No. 25 of 1996, Art. 2954.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ, (revised on 06.04.2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301; Official Internet portal of legal information. – Electron. text. Dan. – [Moscow], 2005–2015. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Berezina E.M. On the question of the genesis of the moral principle of mercy / E.M. Berezina // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts – № 5.– 2011. – p. 44–49.
5. Izmailov V.A. The concept of mitigating circumstances and their classification // V.A. Izmailov / Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Right. – 2016 – No. 1–2. from. 164–172.
6. Shvachkina L.A. Ancient world: the birth of mercy // Bulletin of the Samara State University // Shvachkina L.A. 7 (81).– 2010. – p. 155–159.
7. Tseev A.V. The principle of humanism in modern legal culture / A.V. Tseev // Philosophy of law – N. 5 (36) – 2009. p. 94–97.

Социальная обусловленность криминализации деяний, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств

Васютин Василий Васильевич,

адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, подполковник внутренней службы
E-mail: uumvvv@mail.ru

Статья посвящена теоретическому обоснованию необходимости введения уголовно-правовых запретов на криминальные посягательства за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, в особенности транспортных средств общественного транспорта. Автор постарался произвести анализ принципов и оснований криминализации таких деяний в связи с их повышенной общественной опасностью. В статье рассмотрены предпосылки, основания и обоснованность криминализации деяний, которые оказывают существенное негативное воздействие на процесс эксплуатации транспортных средств, проведен комплексный анализ теоретических наработок и результатов практических исследований компетентных специалистов по рассматриваемому вопросу, отражена соответствующая позиция автора.

Автором была выбрана эта тематика, в связи с событиями последнего десятилетия, когда террористическая деятельность активизировалась и даже затронула Российскую Федерацию. Стоит вспомнить лишь один случай взрыва бомбы в метрополитене Санкт-Петербурга в 2017 г., когда весь пассажиропоток в несколько десятков миллионов людей встал во всем городе-миллионнике, или множественные аварии воздушных транспортных средств, которые несут множественные жертвы, граждан различных стран. Так же в последнее время ускорились темпы развития информационных технологий и техники, которые, не только облегчают жизнь, но и усложняют работу правоохранительных и судебных органов.

Ключевые слова: хулиганство; хулиганские действия на транспорте; социальная обусловленность уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств; совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.

Криминализация того или иного деяния формулируется законодателем на основании принципов, выработанных в теории уголовного права и криминологии, при этом в первую очередь выделяются те деяния, которые представляют повышенную общественную опасность.

Можно выделить ряд факторов криминализации действий, которые направлены против общественного порядка, в социальной сфере:

1) Фактор, подразумевающий наличие схожих действий в историческом прошлом – Исторический;

2) Необходимость закрепления норм общественного порядка в нормативно-правовых актах;

3) Международно-правовой фактор – включает в себя обязательства государства относительно имплементации международных норм и стандартов в национальное законодательство;

4) Криминологический фактор – степень развития общественно-опасных явлений, распространенных в обществе, в сфере охраны правопорядка [17].

В ходе анализа мер воздействия, закрепленных в нормах уголовного права, нахожу целесообразным, в общественных отношениях, сложившихся в той или иной стране, определить эффективность норм уголовного права, воздействие которых направлено на обеспечение безопасного общественного правопорядка. Нормальные условия жизни граждан и, как следствие, социальная стабильность государства, напрямую зависят от политики государства по правовому регулированию общественного порядка. Данная политика должна быть всесторонне продуманной и логичной, но, помимо этого, многое зависит и от ее правильной реализации этой политики на местах.

В виду того, что основой социальной жизни любого государства, его деятельности и общественных учреждений, является общественный порядок, то такой порядок может быть сохранен только при условии регулярного обеспечения его охраны.

В Российской Федерации средствами правовой охраны общественного порядка являются институты уголовной и административной ответственности. В Уголовном кодексе РФ, нормы выступают как охранительный регулятор общественного порядка. При этом, Уголовное право направлено на противодействие и предупреждение престу-

плений, в то время как административное право – на противодействие административным правонарушениям.

Ряд ученых проводят изучение феномена «хулиганство» в общественных правоотношениях. В данных исследованиях ученые под хулиганством понимают антиобщественное поведение с проявлением агрессии к окружающим. При этом в первую очередь устанавливается какое их хулиганских проявлений лежит в основе антиобщественного поведения лица.

В.И. Зарубин прибегая к историческим фактам, считает, что такие проявления общественной агрессии как конфликты группового характера по типу «стенка на стенку» на уровне территориальных субъектов, проявления нецензурной лексики и «кабатчины» являлись привычными процессами в повседневной жизни и беспокоил не только правоохранительные органы, но и законодателей. Однако в связи с историческими изменениями и развитием цивилизации все эти действия подпали под дефинитивный нормативный термин «хулиганство» [6].

Определяя незаконность массовых беспорядков как антиобщественное явление, необходимо, прежде всего, учитывать не сам состав деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), а сами процессы отношений внутри социума, на которые и направлен комплекс защищающих норм уголовного права.

Аналитический обзор литературных источников специалистов сферы права позволяет констатировать, что аспекты общественных правоотношений в контексте эффективности функционирования уголовного права являются значимым проблемным аспектом для широкого спектра наук [3; 13].

Исходя из вышесказанного суждения, можно сделать вывод, что первичным выступает само явление «хулиганства», а нормы права, его раскрывающие, будут вторичными.

Следовательно, при рассмотрении сочетания друг с другом явления и нормы можно распознать ожидаемое обществом влияние государственного аппарата принуждения на вмешательство в связи с жизнедеятельностью социума и целостностью политики, проводимой государством, в их взаимосвязи и взаимоотношениях.

Данный аспект актуализирует поиск ответов на следующие вопросы:

- «Отражает ли современная форма запрета массовых беспорядков в уголовном праве реальность развития государства и социально-экономических процессов?»;
- «Какие общественные отношения (социально-экономические процессы), вовлеченные в беспорядки, нуждаются в уголовной защите?»;
- «Какие сферы общественной деятельности подвержены криминальному риску?».

Итак, следует актуализировать смысловой поиск ответа на вопрос: что такое антиобщественный акт «хулиганства», какие контекстные харак-

теристики идентифицируют его в рамках общественных отношений, продуцируя опасность для субъектов социума?

Разные направления исследования составляющих указанного вопроса представлены специалистами сферы права, социологии, психологии, педагогики и пр.

Дефинирование факторов развития социальных процессов, с позиций В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, предполагает проведение комплексного анализа их внутренних составляющих, которые продуцируются во взаимосвязи поведения субъектов социума с явлениями и процессами других уровней и систем [11].

В рамках данного анализа взаимосвязей социальных процессов целесообразен поиск ответа на вопрос с позиций социальной философии, то есть изучения аспекта как системного элемента триумвирата «природа – человек – общество». Указанный триумвират как система является основой взаимодействия биологических и социальных форм движения материи, которые «сосуществуют» в эволюционной картине мира, где предполагается, что с поступательным развитием материи на основе ее биологической формы (человека) возникает качественно новое явление – общество [5].

Из вышеизложенного можно сформировать основу понятия «общественного порядка». В неё входят понятия морали и нравственности, которые сложились в ходе эволюции человека, развития цивилизации и правовых норм, в которых и находят свое воплощение данные понятия, регулирующие общественные отношения. Данный термин нашел свое закрепление в нормах законодательства.

Через этот принцип и реализуется посредством интерпретаций в правовой сфере моральных, духовных и ценностнообразующих принципов, личностных норм субъекта, в последствии чего набор принципов и правил считается элементами новой категории – верховенства закона [18].

С точки зрения исследователя С.В. Дьячкова, перманентная динамичность содержания реальности социально-психологических аспектов отношений внутри социума деформируется с позиций их правового содержания на уровне норм уголовного права [4].

Данная деформация основывается на взаимосвязи норм уголовного права с поведенческими проявлениями отдельных людей и их сознанием, значимых для социума

Совокупность данных положений является основой ряда уголовно-правовых запретов. Примером может выступать статья 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство», в которой отмечается грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. В диспозиции данной статьи явно прослеживаются нравственные и моральные устои цивилизационного социума.

Указанное позволяет констатировать, что «хулиганство» по своей сущностной структуре и со-

держанию представляется антиобщественным, как и преступное поведение, связанное с вмешательством в основы общественной жизни – принципы морали и этики, полнотой которых является «общественный порядок».

Таким образом, государство принимает законы и устанавливает правила поведения для граждан, отвечающие интересам общества и его граждан [15].

Следовательно, «хулиганство» следует понимать как совокупность правовых форм несоблюдения социальных, моральных и этических правил общества, которые охраняются уголовным законодательством, принятым государством. Такое вмешательство в человеческую жизнь как часть общества полностью определяется уголовным законом.

Кроме того, хулиганские действия несут в себе угрозу для других граждан, общества и государства в целом. Данные угрозы могут выступать как мнимыми, так и реальными. Специфической угрозой более высокого порядка являются действия, совершенные на транспортных средствах и в отношении лиц, управляющих этими транспортными средствами.

При этом последствия от хулиганских деяний, совершенных на улице в отношении граждан, и противоправных деяний, совершенных из хулиганских побуждений, угрожающих безопасности эксплуатации транспортных средств, в частности воздушных судов, различны по степени общественной опасности.

Совершение действий хулиганского характера на открытой местности и в помещениях со свободным выходом является менее опасным, чем хулиганские действия, которым подвергаются пассажиры, находясь в транспортном средстве, и лица, им управляющие. Это связано с замкнутостью пространства, в котором находятся пассажиры и лица, управляющие транспортным средством, что влияет на степень опасности.

Действия, совершенные из хулиганских побуждений, которые угрожают безопасному использованию транспортных средств, могут быть различны в своих проявлениях. Так, например, можно отметить попытки ослепления лазерными указками экипажей воздушных судов, заходящих на посадку или осуществляющих взлет и движение, использование дронов и иных летательных аппаратов вблизи аэропортов.

Такие «шалости» могут привести к трагическим последствиям с множеством жертв. Для предотвращения и предупреждения деяний, посягающих на общественный порядок, законодатель в апреле 2017 г. закрепил в статье 267¹ Уголовного кодекса РФ, состав противоправного деяния, которым установлена ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, вплоть до лишения свободы на срок до двух лет, при условии, что эти действия не повлекли за собой жертв.

В ноябре 2007 г. Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении дал следующее разъяснение понятию «хулиганские побуждения»: противоправные деяния, продуцированные хулиганскими побуждениями, органам охраны правопорядка необходимо отождествлять с действиями лиц умышленного характера, которые направлены против гражданина или его имущества, при этом повод к таким действиям отсутствует либо незначителен [2].

Общественная опасность преступности, в свою очередь, является свойством преступления, что выражается в ее способности нанести значительный ущерб общественным отношениям в целом, которая часто является необратимым процессом [12].

А.В. Куделич отмечает, что раскрытие содержания общественных и нормативных основ государственной политики и социальной безопасности, а также реализация защиты прав и интересов субъекта не представляется возможной при отсутствии учета концепта отрицательного воздействия на эти преступления и системного определения вида ущерба, причиненного законом [9].

Следовательно, можно констатировать субъективность, присущую оценочным деяниям в отношении нарушения норм общественной морали и этики, отражающей социальную опасность, так как данная оценка коррелирует с личностными характеристиками и их проявлениями у сотрудника правоохранительных органов. То есть, перед современным российским обществом и законодательными органами возникает актуальная проблематика организации эффективного взаимоотношений субъекта и социума, гражданина и государства [1].

В то же время следует подчеркнуть отсутствие как тождественности, так и противоположности понятий личных и общественных интересов и ценностей, не смотря на их разную направленность в отдельных случаях.

Проведенные специализированными институтами опросы общественного мнения отражают тот факт, что в процессе адаптации к условиям жизни у россиян «сохраняются многие нравственные ценности, прежде всего доброе, душевное отношение к людям, которые не позволяют дойти до малодушного отчаянья, ожесточения, озлобленности» [14]. Такие опросы граждан, дают возможность сделать вывод, что в результате «хулиганского насилия», люди ощущают себя незащищенными и бессильными. На это указали 80% респондентов из 1800 опрошенных граждан (из них 52% женщины, в основном в возрасте от 25 до 35 лет, и 28% мужчины, в основном в возрасте от 40 до 45 лет). Родители опасаются за своих детей в 75% случаев. Одновременно понятие самооценки человека, психологического комфорта и субъективного спокойствия, обеспечение безопасности сведены к минимуму [16].

При этом следует понимать, что с точки зрения юридической силы приоритет норм морали и этики

над нормами уголовного права невозможен. Доверие общества к государству в целом точно определяет поддержание общественного порядка через закон и государственный аппарат «принуждения». Одновременно правовые институты, обеспечивающие соблюдение общественного порядка, по содержанию своей деятельности и концепту права отражают внешние благоприятные (или неблагоприятные) факторы возникновения и существования нравственности в государственно-организованном социуме.

Таким образом, можно констатировать существование объективной преемственности нормы уголовного права и морально-этических норм, религиозных устоев, традиций определенного социума, которая направлена на укрепление принципов порядка, справедливости и доверия субъектов социума и общества в целом к государству [8].

Актуализируя вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что опасность беспорядков заключается в нарушении социальных отношений, сложившихся в конкретном обществе. Опасность заключается еще и в том, что данные деяния могут вызвать у граждан страх, беспокойство и тревогу.

В данном исследовании предпочтительнее считать остановиться на подробнейшем рассмотрении причин, послуживших основанием нарушения общественного правопорядка. Данные причины следует разделить на социальные условия, приведшие человека к нарушению общественного порядка, и общественные предпосылки, повлекшие само нарушение.

На наш взгляд, чрезмерное употребление алкоголя – основная причина хулиганского поведения. Так, по результатам своих исследований профессор Н.Г. Иванов неоднократно подчеркивал тесную корреляцию между состоянием опьянения субъекта и снижением умственной и физической активности человека, затруднениями в концентрации внимания, когда субъект переоценивает свои способности и у него снижается самокритика [7].

Пьянство ослабляет внутренний самоконтроль, понятие морали и нравственности, что и приводит к легкому выбору противоправных и антиобщественных деяний.

Тем более хулиганские действия указанных лиц усугубляются при совершении деяний, представляющих объективную угрозу безопасной эксплуатации транспортных средств.

Состояние алкогольного опьянения не редко становится причиной неадекватной реакции человека на внешние раздражители. Так же на поведение человека влияет появившаяся агрессия, которая является реакцией организма на интоксикацию алкоголем.

Указанные обстоятельства по своему содержанию отражаются на нравственном и духовном облике личности, заглушает голос совести, моральные запреты.

Необходимо так же отметить, что основы морали и нравственности человеку прививаются в раннем возрасте в семье. И именно воспитание

человека в семье, примеры, которые подаются родителями, и создают основу для морального облика человека и те нравственные запреты, которые будут соблюдаться в течении оставшейся жизни.

В настоящее время существует ряд проблем в воспитании детей:

- слабая воспитательная работа в семьях, где часто оставляют детей с гаджетами;
- пренебрежение родителями своими обязанностями;
- падение авторитета и статуса учителя и педагога, и учебных заведений в целом;
- отсутствие бесплатных дополнительных кружков для детей;
- все эти и ряд других проблем отрицательно сказываются на процессе формирования личности, как единицы общества.

В итоге это может привести к появлению у детей и подростков антиобщественных взглядов, устоев, привычек, которые будут доминировать над остальными элементарными понятиями о морали и нравственности.

В последние годы социологами и правоведами наблюдается тенденция увеличения числа преступлений и правонарушений со стороны детей из «благополучных семей». За внешней благополучностью скрываются отрицательные (неблагоприятные) внутренние влияния: коррупция, привитие психологии индивидуализма, искажение представления о собственных способностях, освобождение от любых обязательств, включая ответственность брать на себя ответственность за свои действия и т.д.

Несовершеннолетний, который воспринимает родительское покровительство и безнаказанность, иногда переходит от злого умысла к правонарушению или даже преступлению. В результате формирования личности появляются негативные черты, связанные с хулиганством, такие как эгоизм, бездуховность, неприязнь к обществу.

Следует так же отменить низкую правовую культуру в нашей стране, смутное представление граждан о законах, правовой нигилизм, укоренившийся в обществе после распада СССР. В нашей стране правонарушители имеют смутное представление о границах правовых запретов и последствиях, которые могут вызвать эти нарушения.

В ряде случаев хулиганское поведение считается проявлением «храбрости» и «лихачества» и не имеет должного порицания со стороны общества и, порой, даже поощряется рядом людей.

Порой это обуславливается чувством имущественной несправедливости, зависти к более обеспеченным, что несомненно является последствиями экономического преобразования в нашей стране, происходящего перераспределениями имущества в массах.

В совокупности с низким уровнем уважения к закону подобные настроения в отдельных случаях продуцируют нарушения общественного порядка.

Стоит дополнить, что существующее увеличение числа безработных и находящихся за чертой бедности, что приводит к выводу людей из морального и нравственного равновесия, вызывая нередко чувство безысходности, неуверенности в завтрашнем дне, озлобленности, способствует совершению правонарушений.

Ряд авторов акцентируют внимание в своих исследованиях также на биопсихологических особенностях личности хулиганов [19], аргументируя свои позиции спецификой (видом) их темперамента, характера. Данные характеристики психологии личности являются весомыми при совершении хулиганских действий, но следует учитывать, что они, одновременно, не имеют решающего значения при выборе противоправного поведения, где основное значение имеют все же социальные причины.

Не стоит снимать со счетов и неудовлетворительную работу ряда правоохранительных органов, что может так же являться причиной хулиганского поведения, так как порождают у некоторых лиц чувство безнаказанности и вседозволенности.

К условиям, непосредственно способствующим совершению нарушения, можно отнести к виктимологический аспект. Исследователь В.Н. Кудрявцев отмечает, что «если пьяный насильник видит беспомощность и безразличие жертвы со стороны окружающих граждан, он обретает субъективную уверенность в своей безнаказанности и в конечном итоге теряет понимание рамок «дозволенного» [10].

Указанные причины являются не исчерпывающими так как явления и процессы, лежащие в основе совершения хулиганства весьма разнообразны.

На основании изложенного полагаем, что совершение действий, вызванных побуждениями хулиганского характера, представляют собой определенный вид индикатора негативных тенденций в конкретном социуме. Характер, виды и масштабы хулиганства коррелируют с современной реальностью общественных процессов и событий. В условиях ухудшения функционирования социальной среды масштабы хулиганства расширяются. В этой связи хулиганство по степени опасности для субъекта социума и всего общества превосходит многие другие противоправные проявления в сфере общественного порядка.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. М., 2006.– 4 с.
2. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» дано следующее разъяснение понятия «хулиганские побуждения».

3. Борисов В., Пащенко А. К вопросу о сущности уголовно-правовой характеристики преступлений // Уголовное право. 2005. №3. С. 11–13с.
4. Дьячков С.В. О понятии механизма действия норм уголовного права в развитом социалистическом обществе // Вестник ИГУ. 1982. Экономика, философия, право. Вып. 3. № 17.– 117 с.
5. Жигарев Е.С. Личность. Преступность. Религия. М., 2004.– 93 с.
6. Зарубин В.И. Уголовная ответственность за хулиганство: Дис. канд. юрид. наук. М., 2001.– 12 с.
7. Иванов Н.Г. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность. 1998. № 3.– 44 с.
8. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: Юрист, 2004.– 59 с.
9. Куделич А.В. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современной России: Монография. Калининград, 2000.– 58 с.
10. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступлений. М., 1960.– 232 с.
11. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006.– 15 с.
12. Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юрист, 1995.– 14 с.
13. Орехов В.В. О социологических исследованиях в уголовном праве // Вестник ЛГУ. 1991. Сер. 6. Вып. 1 (№ 6) – 67 с.
14. Рассадина Т.А. Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социс. 2004. № 7.– 52 с.
15. Романов А.К. Уголовно-правовое регулирование общественных отношений (методологические проблемы теории): Учеб. пособие. М.: НИИ МВД России, 1992.– 62 с.
16. Солодовников С.А. Хулиганство: социальные свойства и проблемы криминологической обоснованности его норм // Право и религия. 1997. № 5–8 с.
17. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. – М.: Наука, 1994 г. – Т. 1.– 380с.
18. Хесина Н.М. Административно-правовое обеспечение режима законности и правопорядка в Российской Федерации: Монография / Под ред. проф. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.– 7 с.
19. Эдельштейн А.О. Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина: Сб. М., 1927.– 27 с.

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF ACTS THAT THREATEN SAFE OPERATION OF VEHICLES

Vasyutin V.V.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article is devoted to the theoretical justification of the need to introduce criminal law prohibitions on criminal encroachments for

actions that threaten the safe operation of vehicles, especially public transport vehicles. The author has tried to analyze the principles and grounds for criminalizing such acts in connection with their increased public danger. The article discusses the prerequisites, grounds and validity of the criminalization of acts that have a significant negative impact on the operation of vehicles, a comprehensive analysis of theoretical developments and the results of practical research of competent specialists on the issue under consideration, reflects the author's corresponding position.

The author chose this topic in connection with the events of the last decade, when terrorist activities intensified and even affected the Russian Federation. It is worth Recalling only one case of a bomb explosion in the metro of St. Petersburg in 2017, when the entire passenger traffic of several tens of millions of people stood in the entire city of one million, or multiple accidents of air vehicles that carry multiple victims, citizens of various countries. Also, the pace of development of information technologies and technology has accelerated recently, which not only make life easier, but also complicate the work of law enforcement and judicial authorities.

Keywords: hooliganism; hooliganism on transport; social conditionality of criminal responsibility for actions, threatening the safe operation of transport vehicles; committing out of hooliganism actions that threaten the safe operation of means of transport.

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, 2006, 4 p.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of November 15, 2007 "On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed from hooligan motives" provides the following explanation of the concept of "hooligan motives".
3. Borisov V., Pashchenko A. To the question of the essence of criminal-legal characteristics of crimes // Criminal law. 2005. N3. P. 11–13C.
4. Dyachkov S.V. On the concept of the mechanism of action of criminal law norms in a developed socialist society // Bulletin of the ISU. 1982. Economics, philosophy, law. Issue 3. No. 17–117 p.
5. Zhigarev E.S. Personality. Crime. Religion, Moscow, 2004, 93 p.
6. Zarubin V.I. Criminal liability for hooliganism: Dis. kand. the faculty of law. Sciences. M., 2001.– 12 S.
7. Ivanov N.G. Responsibility for crimes committed in a state of intoxication // Legality. 1998. no. 3.– 44 p.
8. Kokotov A.N. Trust. Distrust. Pravo. M.: Lawyer, 2004.– 59 p.
9. Kudelich A.V. Criminal and legal protection of public order in modern Russia: Monograph. Kaliningrad, 2000.– 58 p.
10. Kudryavtsev V.N. The Objective side of crimes. Moscow, 1960.– 232 p.
11. Kudryavtsev V. N., Eminov V.E. Causes of crime in Russia: criminological analysis. Moscow, 2006, 15 p.
12. Maximov S.V. Brief criminological dictionary. Moscow: Yurist, 1995.– 14 p.
13. Orekhov V.V. On sociological research in criminal law // Bulletin of LSU. 1991. Ser. 6. Issue 1 (no. 6) – 67 p.
14. Rassadina T.A. Moral orientations of inhabitants of the Russian province // Socis. 2004. no. 7.– 52 p.
15. Romanov A.K. Criminal law regulation of public relations (methodological problems of theory): Moscow: research Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1992, 62 p.
16. Solodovnikov S.A. Hooliganism: social properties and problems of criminological validity of its norms // Law and religion. 1997. No. 5–8 s.
17. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. The General part. In 2 vols. – Moscow: Nauka, 1994g. – Vol. 1.– 380 s.
18. Khesina N.M. Administrative and legal support of the rule of law and order in the Russian Federation: Monograph / Ed. by prof. V. Ya. Kikotya. M.: UNITY-DANA; Law and law, 2004.– 7 p.
19. Edelshtein A.O. Experience of studying modern hooliganism // Hooliganism and knifing: SB. M., 1927.– 27 p.

Махмудова Мария Вячеславовна,

магистрант Российского государственного университета
правосудия

E-mail: khromenkova.m@gmail.com

В статье рассмотрены финансовые услуги, используемые в сфере публичных закупок. На основании норм Закона № 44-ФЗ [1] и Закона № 223-ФЗ [2], а также исследования субъектного состава сферы публичных закупок выявлены особенности и проблемы использования финансовых услуг в указанной сфере. Установлено отсутствие научных работ и исследований, подтверждающих объективную необходимость, экономическую и финансовую рациональность использования ряда финансовых услуг в сфере закупок. Новизна исследования заключается в подтверждении наличия чрезмерного и неоправданного легального «навязывания» финансовых услуг хозяйствующим субъектам – участникам закупок. Принимая во внимание то, что расходы на оплату финансовых услуг хозяйствующие субъекты относят в цену контракта, выявлено объективное основание для удорожания товаров, работ, услуг, приобретаемых за счет бюджета путем проведения конкурентных закупок в электронной форме. Авторами предлагается в условиях перехода к цифровой экономике рассмотреть вопрос отказа от обязательного использования в сфере публичных закупок ряда финансовых услуг, оставив заказчикам возможность самостоятельно принимать решение о таком использовании после надлежащего финансового обоснования.

Ключевые слова: расходы бюджета, публичные закупки, контрактная система в сфере закупок, финансовые услуги.

Продолжающееся более чем двадцать лет реформирование публичных закупок в Российской Федерации свидетельствует не только об отсутствии единой концепции правового регулирования указанной сферы, но и о неверном акценте на развитие конкуренции и беспрецедентном «процедурном зарегулировании» без учета оптимального финансового обеспечения и объективных потребностей, составляющих основу публичных закупок во многих странах мира [3].

В очередной раз, и регулятор (Минфин России), и контролер (ФАС России) сферы закупок повторяют системную ошибку управления, ведущую к необоснованному увеличению финансовых издержек в публичных закупках. Уместно привести позицию графа Канкрин Е.Ф., который в конце XIX века отмечал, что «в государстве, как в частном быту, необходимо помнить – разориться можно не столько от капитальных расходов, как от ежедневных мелких издержек. Первые делаются не вдруг, по зрелому размышлению, а на последние не обращают внимания, между тем как копейки растут в рубли» [4].

Указанное выше наглядно демонстрирует актуальность проблемы использования финансовых услуг в сфере публичных закупок, в том числе их виды, порядок и практика применения, затраты и риски, связанные с добровольным либо принудительным использованием тех или иных видов финансовых услуг.

Под финансовой услугой понимается банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц [5].

В сфере закупок по Закону № 44-ФЗ и № Закону № 223-ФЗ предлагаем рассмотреть виды и отдельные особенности использования финансовых услуг, исходя из сущности субъектов публичных закупок, прежде всего, – заказчиков и участников закупок, часть из которых трансформируется затем в поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

К финансовым услугам для заказчика относятся: открытие счетов для перечисления заработной платы работникам, услуги финансовой аренды (лизинга), коммерческий кредит. Данные виды финансовых услуг, как правило, приобретаются путем использования конкурентных закупок в полном соответствии с требованиями норм Закона № 44-ФЗ, Закона № 223-ФЗ, а также Закона № 135-ФЗ.

К примеру, согласно «Аукционного перечня» [6] закупка финансовых услуг, кроме услуг по пенси-

онному обеспечению и страхованию (код 64 ОКПД 2 (ОК 034–2014) осуществляется путем проведения аукциона. А для поддержки отечественных хозяйствующих субъектов, а также в целях противодействия санкциям Правительство РФ определило перечень финансовых услуг, сведения о которых не подлежат размещению в Единой информационной системе (ЕИС) при осуществлении закупок в рамках Закона № 223-ФЗ [7]. К таким услугам отнесены: банковские и страховые услуги, предоставление займов и поручительства, услуги по финансовой аренде (лизингу).

Учитывая, что подобные закупки не оказывают воздействие на ценообразование в закупках и не представляют особой сложности реализации, за исключением, пожалуй, процедурных ошибок заказчика, решаемых в административном порядке путем подачи жалобы на соответствующее нарушение, их рассмотрение опустим.

Наибольший интерес представляют финансовые услуги для участников закупок (поставщиков, подрядчиков, исполнителей), среди которых ярко выделяются финансовые услуги, направленные на:

- *обеспечение участия в конкурентных процедурах и выполнения обязательств* (открытие и обслуживание специального банковского счета, банковская гарантия, внесение денежных средств на счет заказчика);
- *получение дополнительного финансирования, необходимого для выполнения обязательств* (займы, кредиты);
- *страхование ответственности* (услуги страхования).

Обеспечение участия в конкурентных процедурах, а также обеспечение выполнения обязательства носит обязательный характер с незначительным перечнем исключений. Законодатель в Законе № 44-ФЗ легально закрепил обязанность использования хозяйствующими субъектами ограниченного перечня финансовых услуг, в который вошли: специальный банковский счет, банковская гарантия, а также внесение денежных средств на счет заказчика.

В Законе № 223-ФЗ использование финансовых услуг для обеспечения обязательства отдано на усмотрение заказчика, за исключением закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства (использование специального банковского счета обязательно) и обеспечение заявок на участие в конкурентных процедурах с начальной максимальной ценой договора свыше 5 млн руб. Виды финансовых услуг, порядок их применения заказчиком определяются в Положении о закупках.

Таким образом, для участия в публичных закупках, а также обеспечения исполнения сделки или гарантийного обязательства, хозяйствующие субъекты обязаны использовать финансовые услуги, однако не весь спектр, а только виды, прямо указанные в законодательстве о закупках. Например, внесение денежных средств на счет заказчика и предоставление банковской гарантии приме-

нялись еще в период действия Закона № 94-ФЗ [8], однако за все время действия законодательства о закупках не было проведено комплексное исследование данных видов финансовых услуг, прежде всего для заказчика и бюджета. Результаты отдельных, проведенных ранее научных исследований свидетельствуют о низкой эффективности и излишней бюрократизации обеспечительных мер, ведущих исключительно к увеличению бюджетных расходов на приобретение товаров, работ, услуг [9, с. 16–19] [10] [11, с. 163–169.] [12, с. 252–261].

Практика свидетельствует о наличии значительных проблем, как поставщиков (подрядчиков, исполнителей), связанных с получением надлежащим образом оказанной финансовой услуги в виде банковской гарантии, так и заказчиков в части реализации требований к гаранту о выплатах [13, с. 22–25].

Несмотря на это, а также наличие жестких требований банков к принципалу (финансовая отчетность за год, открытие счета, движение средств и т.д.), банковская гарантия является наиболее популярным видом финансовых услуг в сфере публичных закупок. А выбранная политика законодателя по обязательному требованию обеспечительных мер путем предоставления банковской гарантии или размещения денежных средств на специальном банковском в совокупности с жестким регламентом их предоставления фактически сделали данные виды финансовых услуг весьма прибыльными для отдельных российских банков. Например, не все банки могут легально реализовывать данные виды финансовых услуг. Банки для открытия и ведения специальных счетов определяются Правительством РФ. Банки, уполномоченные выдавать банковские гарантии в рамках Закона № 44-ФЗ – определяются Министерством финансов России.

Вместе с тем, законодатель, регулятор, контролер, а также иные профильные органы государственной власти, вменяя в обязательном порядке применение обеспечительных мер в публичных закупках, не учитывают расходы на оплату финансовых услуг поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

Иная позиция представлена в практике публичных закупок Германии, в которых обязанность использовать финансовое обеспечение законодательно не установлено, однако заказчики, руководствуясь общеевропейскими принципами публичных закупок, вправе самостоятельно принимать решение о необходимости установления такого требования по конкретной закупке. Законодатель полагает, что тотальное введение такого ограничения, как обеспечительные меры, не только ограничивает конкуренцию, но, и ведет к удорожанию предмета закупки путем увеличения расходов предпринимателей на оплату необходимых дополнительных финансовых услуг. Понимая, что оплата дополнительных финансовых услуг со стороны бизнеса будет «включена» в стоимость то-

варов или работ, обеспечение заменено на подтверждение добросовестности участника в виде положительной деловой репутации или достаточного опыта работы, а также соответствующей квалификации [3, с. 60].

Полагаем, что «принудительное» по факту использование обеспечительных мер в публичных закупках, установленное без расчетов затрат на выполнение данного обязательства хозяйствующими субъектами, без анализа арбитражной практики по «раскрытию» банковских гарантий (взыскание денежных средств заказчиком с банка-гаранта), не соответствует целям, задачам и принципам публичных закупок [14, с. 63–72]. Более того, расходы хозяйствующих субъектов на оплату финансовых услуг ведет к удорожанию приобретаемых в процессе публичных закупок товаров, работ, услуг, поскольку данные дополнительные расходы поставщики (подрядчики, исполнители) закладывают в цену контракта. С другой стороны, заказчики не обязаны предусматривать при расчете начальной (максимальной) цены контракта (далее – НМЦК) дополнительные издержки контрагента на оказание финансовых услуг [15, с. 94–105] [16, с. 241–247]. Например, Приказ № 567 [17] не содержит подобных оснований, а рекомендует заказчикам приводить цены, используемые в расчетах НМЦК в соответствие с условиями планируемой закупки при помощи указанных коэффициентов, среди которых фигурирует размер обеспечения исполнения контракта, но не реальная или прогнозируемая стоимость данной финансовой услуги для контрагента.

Займы и кредиты для поставщиков (подрядчиков, исполнителей) также представляют определенный интерес. Контрагенты, учитывая, что в большинстве случаев заказчик производит оплату после приемки надлежаще выполненного обязательства, при этом аванс не предусмотрен, вынуждены обращаться в кредитные организации для получения данного вида финансовых услуг. Стоимость оплаты данных финансовых услуг контрагент обязан учесть в стоимости сделки в рамках публичных закупок, в том числе путем возможного уменьшения своей прибыли.

Страхование, как правило, применяется в закупках по Закону № 223-ФЗ. Отдельные заказчики устанавливают требование по страхованию ответственности подрядчика по договору. Использование данного вида финансовой услуги гарантирует подрядчику оперативную финансовую помощь в случае гибели, утраты материалов или продукции, необходимой для выполнения обязательства, а заказчику своевременное получение результата работ. Принимая во внимание стоимость финансовой услуги для подрядчиков заказчики по Закону № 223-ФЗ в отличие от Закона № 44-ФЗ имеют право при расчете стоимости учесть прогнозируемую стоимость услуги по страхованию.

В статье продемонстрировано чрезмерное «навязывание» финансовых услуг в сфере закупок. Указанное прямо затрагивает интересы участни-

ков закупок – впоследствии поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и косвенно публичные интересы – дополнительные бюджетные расходы, связанные с закупкой товаров, работ, услуг по завышенной стоимости, поскольку в цену контрагент вынужден предусмотреть все дополнительные и сопутствующие расходы, связанные с участием в закупках.

Принимая во внимание изложенное, предлагаем в условиях перехода к цифровой экономике отказаться от обязательного использования в публичных закупках финансовых услуг, предназначенных для обеспечения заявок, исполнения контракта, а также гарантийных обязательств. Указанное позволит представить заказчикам возможность самостоятельного принятия решения о необходимости использования финансовых услуг, исходя из реалий и действующей обстановки.

Вместе с тем, отсутствие комплексного исследования в данной сфере позволит рассматривать предложенные в статье выводы в качестве базиса для дальнейших научных работ.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кикавец В.В. Публичные закупки в практике зарубежных стран: монография. – Москва: Проспект, 2020. – 176 с.
4. Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансии. В 3-х частях. – Санкт-Петербург. Типография Императорской Академии Наук. 1894. – 299 с.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 г. № 471-р «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Правительства РФ от 20.01.2018 г. № 51-р «О перечне финансовых услуг, сведения о закупке которых не составляют государственную тайну, но не подлежат размещению в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утра-

- тил силу с 01.01.2014 г.) // СПС «Консультант-Плюс».
9. Кикавец В.В. Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств в контрактной системе: проблемы правоприменения // Самоуправление. № 11. 2015 с. 16–19.
 10. Кикавец В.В. Банковская гарантия и иные виды обеспечения обязательства в контрактной системе в сфере закупок. Учебное пособие. М.: «ВАШ ФОРМАТ», 2017.– 132 с.
 11. Кикавец В.В., Аветисов В.Г. Финансовые риски заказчика в контрактной системе в сфере закупок // Современные риски и право: правовые средства предупреждения, управления, защиты: XVIII Международная научная конференция. Москва, 26 апреля 2018 г.: Сб. Ст. / под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. М.: РГГУ, 2018. 447 с. (Муромцевские чтения).
 12. Кикавец В.В. Трансакционные издержки в контрактной системе: расходы, которые никто не уполномочен считать // Финансовое право в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2017 г. / под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2018. с. 252–261.
 13. Кикавец В.В. Особенности удержания обеспечения исполнения контракта в контрактной системе в сфере закупок // Финансовое право. № 5. 2017. с. 22–25.
 14. Кикавец В.В. Принципы правового обеспечения публичных финансовых интересов в контрактной системе сферы закупок // Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы VI Международной конференции «Публичные закупки: проблемы правоприменения» (8 июня 2018 г., МГУ им. М.В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2018.– 352 с.
 15. Кикавец Виталий. Справедливая цена закупок в период экономического кризиса // Европейский журнал низких и политических наук, Вена. № 2, 2017. С. 94–105.
 16. Кикавец В.В. Риск-менеджмент в контрактной системе в сфере закупок: вопросы финансовой безопасности // Финансовая деятельность в сфере публичных и частных финансов: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 27 ноября 2015 г. М.: РГУП, 2016.– 404 с.
 17. Приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 г. № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» // СПС «Консультант-Плюс».

FINANCIAL SERVICES IN PUBLIC PROCUREMENT

Makhmudova M.V.

Russian State University of Justice

The article discusses the financial services used in public procurement. Based on the norms of the Law No 44-ФЗ and Law No 223-ФЗ, as well as the study of the subject composition of the public procurement, the peculiarities and problems of using financial services in this area have been identified. The absence of scientific papers and studies confirming the objective necessity, economic and financial rationality of using a number of financial services in procurement. The novelty of the study lies in the confirmation of the presence of excessive and unjustified legal «imposition» of financial services on business entities – procurement participants. Taking into account the fact that business entities include the costs of payment for financial services in the price of the contract, an objective basis has been identified for the cost of goods, work, services purchased from the budget through competitive procurement in electronic form. In the context of the transition to a digital economy, the authors propose to consider the issue of refusing to use a number of financial services in the public procurement, leaving customers the opportunity to independently decide on such use after proper financial justification.

Keywords: budget expenses, public procurement, procurement contract system, financial services.

References

1. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» // ATP «ConsultantPlus».
2. Federal Law of 18.07.2011 No. 223-FZ «On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities» // ATP «ConsultantPlus».
3. Kikavets V.V. Public procurement in the practice of foreign countries: monograph. – Moscow: Prospect, 2020.– 176 p.
4. Count Kankrin and His Essays on Political Economy and Finance. In 3 parts. – St. Petersburg. Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 1894.– 299 p.
5. Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ «On Protection of Competition» // ATP «ConsultantPlus».
6. Order of the Government of the Russian Federation of March 21, 2016 No. 471-r «On the list of goods, works, services, in case of procurement of which the customer is obliged to conduct an auction in electronic form (electronic auction)» // ATP «ConsultantPlus».
7. Order of the Government of the Russian Federation of January 20, 2018 No. 51-r «On the list of financial services, information on the procurement of which does not constitute a state secret, but cannot be placed in a unified information system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs.» // ATP «ConsultantPlus».
8. Federal Law of July 21, 2005 No. 94-FZ «On placing orders for the supply of goods, performance of work, provision of services for state and municipal needs» (invalidated from 01.01.2014) // ATP ConsultantPlus.
9. Kikavets V.V. Bank guarantee as a way to ensure the fulfillment of obligations in the contract system: problems of law enforcement // Self-government. No. 11. 2015 p. 16–19.
10. Kikavets V.V. Bank guarantee and other types of security for obligations in the contractual system in the field of procurement. Tutorial. М.: «VASH FORMAT», 2017.– 132 p.
11. Kikavets V.V., Avetisov V.G. Financial risks of the customer in the contractual system in the field of procurement // Modern risks and law: legal means of prevention, management, protection: XVIII International Scientific Conference. Moscow, April 26, 2018: Sat. Art. / ed. N.I. Arkhipova, S.V. Timofeeva, E. Yu. Knyazeva. Moscow: RGGU, 2018. 447 p. (Muromtsev readings).
12. Kikavets V.V. Transaction costs in the contractual system: costs that no one is authorized to calculate // Financial law in the XXI century: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 30 – December 1, 2017 / ed. I.A. Tsindeliani. – М.: RGUP, 2018. p. 252–261.
13. Kikavets V.V. Features of retention of security for the execution of a contract in the contract system in the field of procurement // Financial Law. No. 5. 2017. p. 22–25.
14. Kikavets V.V. Principles of Legal Support of Public Financial Interests in the Contractual System of the Procurement Sphere // Public Procurement: Problems of Law Enforcement. Materials of the VI International Conference «Public Procurement: Problems

- of Law Enforcement» (June 8, 2018, Lomonosov Moscow State University). M.: Yustitsinform, 2018.— 352 p.
15. Kikavets Vitaly. Fair price of procurement during the period of economic crisis // European Journal of Law and Political Sciences, Vienna. № 2, 2017. P. 94–105.
 16. Kikavets V.V. Risk management in the contractual system in the field of procurement: issues of financial security // Financial activity in the field of public and private finance: current state and development prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 27, 2015 M.: RGUP, 2016.— 404 p.
 17. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 02.10.2013 No. 567 «On Approval of Methodological Recommendations for the Application of Methods for Determining the Initial (Maximum) Contract Price, the Price of a Contract to be Concluded with a Single Supplier (Contractor, Executor)» // ATP ConsultantPlus.

К вопросу об охране здоровья трудоспособного населения

Новиков Андрей Борисович,

д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
E-mail: docanovikov@mail.ru

Дорохова Алина Юрьевна,

студент, Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова
E-mail: alina.dorohova@yandex.ru

В статье рассматриваются элементы концепции охраны здоровья трудоспособного населения и современная модель административной деятельности государственных органов в данной сфере. Указывается на различие понятий охрана здоровья населения, охрана здоровья трудоспособного населения, управление здоровьем работников. Дается характеристика понятиям трудоспособное население и производственная медицина. Уточнена классификация административных действий государственных органов. Установлена связь понятий профилактика, контроль, надзор, меры административного реагирования в данной сфере. Утверждается, что профилактика может включать принудительные и непринудительные меры. Непринудительные меры могут носить характер государственных услуг, а также государственно-частного партнерства. Проблемы охраны здоровья субъектов, ведущих экономическую деятельность, рассматриваются на основе обеспечения национальной безопасности и минимизации угроз. Дается характеристика риск-менеджменту в данной сфере. Указывается соотношение понятий «управление здравоохранением», «управление здоровьем работников» и «охрана труда». Представлена роль современных трендов административных реформ для оптимизации административного воздействия государства в данной сфере. Показано, что охрана здоровья трудоспособного населения – важная часть административного режима предпринимательской деятельности с использованием наемной рабочей силы.

Ключевые слова: охрана здоровья; трудоспособное население; концепция и модель охраны; производственная медицина; профилактика; контроль; меры административного воздействия.

В настоящее время административные реформы в различных сферах публичного управления продолжают привлекать значительное внимание ученых и практиков. Не является исключением и модернизация системы здравоохранения в России. Конституционные права граждан на жизнь, охрану здоровья, на благоприятную окружающую среду, в том числе формирующуюся в условиях экономического роста, подлежат безусловному гарантированию и реализации. В то же время возникает множество экономико-правовых проблем, связанных с особенностями охраны здоровья разных групп населения. Так, по нашему мнению, являются неоднородными и тем более не идентичными меры, направленные на охрану материнства и детства, решение демографических проблем, формирование здоровых, стабильных трудовых коллективов, продление активной фазы общей жизнедеятельности граждан, на заботу о пожилых гражданах. При этом безусловно, что эти меры находятся в системной связи, отражая общую экономико-правовую культуру в сфере медицины [11,12].

Здоровый и жизнерадостный человек – опора гражданского общества, семьи, главный актор экономического развития, не зависимо от того, ведет он собственное дело или функционирует на рынке наемного труда. Активный и плодотворный, творческий труд является своеобразным индикатором здоровья. В этой связи заметное внимание исследователей привлекает вопрос об охране здоровья трудоспособного населения [6] и управления здоровьем работников [7].

Система здравоохранения не может обойтись без правового регулятора и актора (исполнителя) в лице государства [10]. Большую значимость приобретает деятельность органов государственного управления, когда речь идет о реализации права на качественную медицинскую помощь и охране здоровья человека, занятого в различных секторах отечественной экономики, в том числе во вредных и/или опасных для здоровья условиях.

В свете сказанного представляется необходимым установление различия понятий охрана здоровья населения, охрана здоровья трудоспособного населения, управление здоровьем работников. Полагаем, что охрана здоровья населения непосредственно означает реализацию указанных выше конституционных прав и свобод человека и гражданина. В то же время охрана здоровья трудоспособного населения ориентирует на восприятие особой системы мер по гарантии устойчивой трудовой деятельности лиц, вовлекаемых в экономические процессы. А управление здоровьем работников – совокупность административных мер

по принуждению и стимулированию работников к ведению здорового образа жизни, соблюдению гигиены труда, а также медицинской поддержке работоспособного состояния сотрудников.

В связи с этим уделяется внимание понятиям трудоспособное население и производственная медицина. Так, трудоспособное население должно включать всех субъектов, привлекаемых к труду в отечественной экономике. В этой связи интересным аспектом исследования является учет контингента трудовых мигрантов, без которых сейчас уже не мыслится экономический процесс в широком спектре его проявлений.

В свою очередь, как нам представляется, «производственная медицина» как категория, не охарактеризованная надлежащим образом в специальных исследованиях [8,13], должна означать совокупность мер чисто медицинского характера, направленных на управление здоровьем работников. Синонимичным понятием является «медицина труда», включая «гигиену труда».

Концепция охраны здоровья трудоспособного населения базируется на руководящих правовых документах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в указанной сфере[3]. Угрозы безопасности оцениваются в рамках риск-ориентированного подхода к управлению процессами. При этом выделяются конфигурации областей риска, виды рисков, индикаторы рисков и меры минимизации рисков. Однако эффективный результат применения указанного подхода видится в общем развитии механизма риск-менеджмента [4] в исследуемой сфере, а не в ограниченных нормативно закрепленных положениях «риск-ориентированного подхода» [1], надо признать, отстающих от передовых практик государственного управления [9].

Возрастает роль современных трендов административных реформ для оптимизации административного воздействия государства в исследуемой сфере. Концептуально важно, что охрана здоровья трудоспособного населения – важная часть административно-правового режима экономической деятельности с использованием наемной рабочей силы (отечественной и иностранной). В этой связи «охрана труда» существенно выходит за рамки трудового права. При этом существенно, что административно-правовой режим предусматривает наличие системы административных процедур. Однако нам представляется, что медицинская защита экономически самостоятельного населения (ведущего собственного дело) во многом остается без особого правового режима. Действительно, индивидуальные предприниматели, «самозанятые» субъекты фактически самостоятельно осуществляют управление своим здоровьем и способностью к труду.

В рамках административных реформ понятие «управление здравоохранением» должно восприниматься как деятельность уполномоченных государственных органов, в целом обеспечивающая конституционные права граждан в соответствую-

ющих административно-правовых режимах. При этом, с одной стороны, система уполномоченных государственных органов в соответствии с требованиями административной реформы должна быть оптимизирована, а с другой стороны, сама деятельность не может сводиться к разнообразным формам контроля, надзора, учета, регистрации, лицензирования, аккредитации и т.п. Соответственно, дискуссии о том, какой государственный орган будет концентрировать руководство контрольно-надзорной деятельностью[5], не ведут непосредственно к решению выявленных проблем. И действительно, при всей важности указанных процессов можно констатировать, что непосредственно в производственной среде работник чаще ощущает именно контроль за собой, например, в виде допуска к работе, контроль за работодателем, а не заботу о здоровье работника и стремление к преобразованиям, направленным на кардинальное преобразование условий для созидательного труда. Так, работник фактически не обретает никаких благ, услуг и улучшений в результате реализации административной ответственности, применяемой к работодателю в рассматриваемой сфере. В этом аспекте нам представляется, что современное активное продвижение механизмов бизнес-менеджмента во всех его проявлениях пока во многом затмевает внимание собственно к человеку труда, к сохранению «трудоспособной нации» в широком и высоком смысле этого термина.

Современная модель административной деятельности государственных органов в исследуемой сфере выстраивается в совокупности нескольких составляющих: 1) оптимальная группа уполномоченных органов с оптимальным распределением функций; 2) распределение функций, (правильно воспринятых в современных условиях обеспечения национальной безопасности (нормотворчество, контроль и надзор, государственные услуги, управление государственными активами, правоохранительная деятельность). Не вызывает сомнений, что ослабление внимания хотя бы к одной из приведенных функций может инициировать нежелательную деформацию всей системы управления здравоохранением и охраны здоровья (управления здоровьем) самых разных групп населения.

В современных исследованиях уделяется внимание классификации административных действий государственных органов, направленных на эффективную реализацию модели. Соответственно, необходимо устанавливать связь понятий профилактика, контроль, надзор, меры административного реагирования в данной сфере. Мы развиваем подход, в соответствии с которым профилактика может включать принудительные и непринудительные меры [2]. Непринудительные меры могут носить характер государственных услуг, а также государственно-частного партнерства.

Полагаем, что государственно-частное партнерство в исследуемой сфере представляет перспективное направление и правовой механизм

реализации важнейших Национальных проектов. Однако для успеха, как нам представляется, следует отказаться, с одной стороны, от нормативного понимания договоров государственно-частного партнерства как гражданско-правовых договоров, а с другой стороны, от характеристики государственно-частного партнерства как сделки.

В рамках указанной проблематики упоминается сделка, которая должна быть направлена на решение вопросов охраны здоровья трудоспособного населения, является либо гражданско-правовой или административно-правовой (административным соглашением). При этом утверждаем, что подмена понятия «административно – правовое соглашение (договор)» понятием «административная сделка» ведет к резкому повышению конституционных рисков метаморфозы конституционного государства в коррупционное [10], которое интересуется не конституционной охраной здоровья граждан, а восполнением «рабочей силы» для реализации прибыльных проектов.

Все, изложенное выше, не претендует на «истину в последней инстанции», является лишь скромным критическим экономико-правовым очерком обобщения современных ситуационных проблем в исследуемой сфере, но служит перспективному концептуальному осмыслению актуальных вопросов на изучаемой площади национальных проектов в целях их эффективного разрешения на благо человека и гражданина, что объявлено высшей ценностью в Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля (с изменениями на 13 июля 2020 года)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч.1. Ст. 6249.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ч.1. Ст. 3851.
3. Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 23. Ст. 2927.
4. Арямов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ: монография / А.А. Арямов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010.– 208 с.
5. Воронкова С.В. Государственный контроль и надзор в сфере охраны здоровья трудоспособного населения: административно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020.– 30 с.
6. Воронкова С.В. Управление деятельностью в сфере охраны здоровья работающих на основе государственного регулирования [Текст] / С.В. Воронкова// Вестник Евразийской академии административных наук.– 2016.– № 4 (37). – С. 69–76.
7. Воронкова С.В., Лахгайм Б. Глобальное управление здоровьем работников в современном мире: опыт Российской Федерации и ФРГ [Текст] / С.В. Воронкова, Б. Лахгайм // Научные труды Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС. Том *. Выпуск 1 (28). Материалы Второй международной научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения» (28 февраля 2017 г.) в двух томах: Том 1 / под ред.д.э.н. проф. А.И. Балашова. – СПб: СЗИУ –филиал РАНХиГС, 2017. – С. 26–33.
8. Глущенко А.Н. Административно-правовое регулирование охраны здоровья граждан в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016.– 23 с.
9. Новиков А.Б. Риск-менеджмент и государственный контроль: опыт таможенного регулирования. Научно-практическое пособие. – СПб.: Инфо-Да, 2007.– 122 с.
10. Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Исполнительная деятельность в конституционной концепции правового государства // Вопросы российского и международного права. – Том 8, № 10А, 2018. – Издательство «Аналитика Родис». – С. 84–89.
11. Тимофеев И.В. Право и медицина: конституционно-правовые. Организационные вопросы доступности и качества медицинской помощи: учебное пособие для врачей и юристов. – СПб.: Изд-во ДНК, 2017.– 448 с.
12. Тимофеев И.В. Доступность и качество медицинской помощи: конституционно-правовое измерение / И.В. Тимофеев. . – СПб.: Изд-во ДНК, 2019.– 360 с.
13. Шилюк Т.О. Административно-правовое регулирование в области здравоохранения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.– 232 с.

TO THE SAFEGUARDING OF THE WORKING POPULATION'S HEALTH

Novikov A.B., Dorohova A.Y.

St.-P. State University of Economics, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

In the article there are considered the elements of a concept of safeguarding of the working population's health and a modern model of administrative activity of the state bodies in this sphere. It is indicated a difference between notions safeguarding of national health of a population, safeguarding of a working population, management of a workers' health. There is given a characteristic of a working population and medicine of a working process. There is clarified a classification of administrative actions of a state bodies. There is stated a connection between notions of prevention measures, control, monitoring, measures of administrative actions in this sphere. There is asserted that preventing measures may include voluntary and involuntary measures. Involuntary measures may have a character of the state services and a state private partnership. The problems of the health safeguarding measures of the subjects leading the eco-

conomic activity are considered on the basis of national security maintenance and minimization of threats. There is given a characteristic of risk management in that sphere. There is shown a correlation of «management of a public health service», «management of the workers health», «protection of labor». There is represented a role of the modern trends of administrative reforms for optimization of administrative influence of state in this sphere. It is shown that the safeguarding of working population's health – an important part of administrative regime of the business activity with the help of the hired staff.

Keywords: safeguarding of health, working population, concept and model of safeguarding, medicine of working process, prevention measures, control, measures of administrative action.

References

1. Federal Law of December 26, 2008, No. 294-FZ "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control (as amended on July 13, 2020)" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Part I. Art. 6249.
2. Federal Law of 23.06.2016, No. 182-FZ "On the Foundations of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26. Part I. Art. 3851.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 06.06.2019 No. 254 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the Period until 2025" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 23. Art. 2927.
4. Aryamov A.A. General theory of risk: legal, economic and psychological analysis: monograph / A.A. Aryamov. 2nd ed., Rev. and add. – M.: RAP; Walters Clover, 2010.– 208 p.
5. Voronkova S.V. State control and supervision in the field of health protection of the working population: administrative and legal aspects: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2020.– 30 p.
6. Voronkova S.V. Management of activities in the field of health protection of workers on the basis of state regulation [Text] / S.V. Voronkova // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences.– 2016. – No. 4 (37). – P. 69–76.
7. Voronkova SV, Lakhheim B. Global management of workers' health in the modern world: experience of the Russian Federation and Germany [Text] / SV. Voronkova, B. Lakhheim // Scientific works of the North-West Institute of Management – a branch of RANEPA. Volume *. Issue 1 (28). Materials of the Second International Scientific and Practical Conference on Public Administration and Social Development "Gorchakov Readings" (February 28, 2017) in two volumes: Volume 1 / ed. Dan. prof. A.I. Balashov. – SPb: SZIU – RANEPA branch, 2017. – pp. 26–33.
8. Glushchenko A.N. Administrative and legal regulation of public health protection in the Russian Federation: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Voronezh, 2016.– 23 p.
9. Novikov A.B. Risk management and state control: experience of customs regulation. Scientific and practical guide. – SPb.: Info-Yes, 2007.– 122 p.
10. Novikov A.B., Ragozina N.A. Executive activity in the constitutional concept of a legal state // Issues of Russian and international law. – Volume 8, No. 10A, 2018. – Publishing house "Analytics Rodis". – S. 84–89.
11. Timofeev I.V. Law and medicine: constitutional and legal. Organizational issues of accessibility and quality of medical care: a scholarly guide for doctors and lawyers. – SPb.: Publishing house of DNA, 2017.– 448 p.
12. Timofeev I.V. Availability and quality of medical care: constitutional and legal dimension / I.V. Timofeev. ... – SPb.: Publishing house of DNA, 2019.– 360 p.
13. Shilyuk T.O. Administrative and legal regulation in the field of healthcare: dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2010.– 232 p.

Право на тайну связи абонента и пользователя

Изотова Анжелика Николаевна,

аспирант кафедры информационного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: anzheliki@rambler.ru

С развитием цифровых технологий большое значение приобретает проблема защиты различного рода данных, относящихся к информации ограниченного доступа, в том числе к тайне связи. В статье рассматривается право на тайну связи абонента (лица, которое заключает договор с оператором связи) и пользователя услуг связи. Примерами таких правоотношений являются отношения по поводу тайны переписки и телефонных переговоров между работодателем и работником, а также родителем и ребенком. Из взаимоотношений субъектов тайны связи между собой данный вид представляется наиболее сложным и наименее урегулированным. Поэтому автором предпринята попытка разграничения права абонента и пользователя. В результате исследования автором сделан вывод о конфликте права на тайну связи абонента и права на тайну связи и неприкосновенность частной жизни пользователя. Также освещена подходы к разрешению такого конфликта, в том числе с учетом практики Европейского союза.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительный методы, метод аналогии.

Ключевые слова: тайна связи, тайна переписки, частная жизнь, конфиденциальность, работник, несовершеннолетний.

Одним из актуальных вопросов является неприкосновенность частной жизни и защита тайны коммуникаций, гарантированные ст. 23 Конституции России. Несмотря на то, что эти основные права признаны достаточно давно за каждым, остается спорным вопрос о тайне связи, когда в отношении с оператором связи вступает одно лицо, а фактически пользуется услугами связи – другое.

Организации довольно часто предоставляют своим сотрудникам корпоративные средства связи (мобильную связь, электронную почту и т.п.). Заключение договора с оператором связи, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, выступают в отношениях в качестве абонента. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи», а также утвержденные постановлениями Правительства РФ правила оказания соответствующих услуг связи обязывают оператора связи предоставлять абонентам информацию об оказанных услугах связи, включая детализированные отчеты об оказанных услугах, содержащие информацию о входящих вызовах и номерах, а абонент вправе требовать предоставления такой информации. Иными словами, в части права абонента на доступ к сведениям о соединениях, совершенных пользователями, сложностей, как правило, не возникает. Основной спорный момент лежит в плоскости содержания соединения (сообщения).

В организациях в целях обеспечения коммерческой тайны и контроля эффективности работы сотрудников зачастую ведется мониторинг разных каналов связи. На рынке предлагается огромное количество услуг, обеспечивающих проведение такого мониторинга, включая мониторинг электронной почты, пользования мобильными приложениями, посещения сайтов.

Как водится, мнения о законности мониторинга коммуникаций сотрудников работодателем разнятся в научной литературе. Сторонники законности мониторинга заявляют о том, что тайна таких коммуникаций принадлежит работодателю, т.е. абоненту. Кроме того, средства коммуникаций предоставлены работнику в целях выполнения им трудовой функции. Другие же полагают, что данные аргументы не выдерживают критики. Ведь и в служебной переписке возможен обмен личной информацией, в том числе и между коллегами. Поэтому сообщения в служебных коммуникациях должны охраняться как тайна связи работника [1]. В качестве решения конфликта прав работника и работодателя предлагается получе-

ние согласия работника на контроль соединений по служебным каналам связи, предоставленным работодателем, либо уведомление работников об этом, в том числе посредством включения соответствующих положений в локальные нормативные акты работодателя [2, с. 109]. Однако, на наш взгляд, уведомление работника о том, что канал связи контролируется со стороны работодателя, не является достаточным основанием для такого контроля. Как справедливо указал А.В. Юшкевич, решение данного вопроса заключается во включении в трудовой договор согласия работника на то, что в рабочее время его коммуникации не являются конфиденциальными для работодателя. Это условие будет иметь правовое значение ввиду того, что трудовой договор является соглашением, т.е. проявлением свободного волеизъявления сторон [3, с. 27]. Но и такие предложения подвергаются критике, поскольку в современных реалиях работник имеет зависимое положение от работодателя и вынужден соглашаться с условиями трудового договора, предложенного ему работодателем, что позволяет говорить об ограничении свободы в реализации личных прав работника [4, с. 62].

Российское законодательство в области защиты конфиденциальности коммуникаций во многом развивается в тенденциях европейского права. Поэтому следует отметить влияние решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на формирование правовых позиций в России.

При рассмотрении спора «Копланд (Copland) против Соединенного Королевства» [5] ЕСПЧ встал на сторону работника, который обратился за защитой своего права на уважение частной жизни и тайну коммуникаций и которое было нарушено действиями работодателя по контролю телефонных переговоров, электронной переписки и Интернета. Позиция суда была в большей части определена отсутствием законодательного и локального регулирования этого вопроса.

В деле «Барбулеску (Barbulescu) против Румынии» [6] ЕСПЧ также признал мониторинг работодателем переписки работника по электронной почте, предназначенной для выполнения трудовых обязанностей, нарушением права на неприкосновенность частной жизни и корреспонденции (ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод). При этом важное значение данного дела обусловлено тем, что ЕСПЧ выведены критерии, способствующие балансу прав работника. Суд указал, что «должно учитываться: был ли работник информирован о мерах контроля корреспонденции; степень контроля (особый акцент суд сделал на разнице между контролем за характером переписки и ее содержанием); была ли возможность использовать менее жесткие методы контроля и др.» [7, с. 166]. При этом, важно отличать мониторинг содержания переписки и контроль за ее характером. Вместе с тем, по мнению ЕСПЧ, объявление работодателем общего запрета на использование предоставленных им каналов и средств коммуни-

каций служит достаточным основанием для контроля сообщений работника, что было «расценено как шаг назад в обеспечении права работника на частную жизнь» [8, с. 10].

В указанных решениях ЕСПЧ продемонстрировано применение свойственной европейскому праву доктрины «разумного ожидания», которая предполагает, что лицо не вправе рассчитывать на конфиденциальность его коммуникаций, если у него не было и не могло быть разумного ожидания такой конфиденциальности. Применение доктрины включает оценку фактического ожидания человеком конфиденциальности и оценку объективной (разумной) конфиденциальности в конкретной ситуации. Иными словами, сотрудник, уведомленный о проведении мониторинга в отношении его служебных коммуникаций, не имеет разумного ожидания конфиденциальности его личных данных от работодателя, поэтому нельзя считать такой мониторинг нарушением со стороны работодателя. Другое дело, что и мониторинг как деятельность работодателя, ограничивающая права работника на тайну его частной жизни и коммуникаций, должен осуществляться только в целях защиты прав работодателя и в пределах, необходимых для этого.

В российской судебной практике также начали появляться споры, в которых затрагиваются вопросы мониторинга работодателем коммуникаций работника. Так, в постановлении от 26.10.2017 № 25-П по жалобе А.И. Сушкова Конституционный суд РФ сослался на упомянутые постановления ЕСПЧ и согласился с его выводами о том, что работодатель обоснованно проводил мониторинг электронной переписки работника с использованием почтового ящика, предоставленного ему для осуществления трудовых обязанностей. Примечательно, что в указанном постановлении Конституционный суд указал на необходимость совершенствования законодательного регулирования юридической ответственности за нарушение прав и законных интересов обладателя информации, учитывая при этом потребности развития информационного общества. При этом Конституционный суд РФ, в отличие от ЕСПЧ, не дал правовой оценки правомерности мониторинга почты работника [9, с. 144].

Таким образом, в научной литературе и судебной практике проблема тайны связи работника часто рассматривается скорее не как нарушение тайны связи работника, а в контексте возможного нарушения его права на частную жизнь, предусмотренного ч. 1. ст. 23 Конституции России. При этом при соблюдении условий, выведенных из указанных судебных precedентов, ограничение прав работника работодателем признается допустимым.

Рассматривая отношения родителей (иных законных представителей) и детей по поводу тайны коммуникаций ребенка, можно заметить, что законодатель практически не касается этого конкретного вопроса, оставляя такие отношения на усмотрение семьи.

Современные цифровые технологии, виртуальная среда общения не только открывают большие коммуникационные возможности перед детьми, но и создают угрозы, что требует усиленной защиты детей.

Ребенок в силу ч. 2. ст. 23 Конституции РФ имеет такое же право на тайну связи, что и взрослый. Это признается и на уровне международных актов. В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года закреплены гарантии защиты детей от произвольного или незаконного вмешательства в его право на тайну корреспонденции. Норма п. 4 ст. 63 Федерального закона «О связи» позволяет получать информацию о сообщениях, а также сами сообщения отправителям и получателям, а также их уполномоченным представителям. Следовательно, родители (либо лица, их замещающие), являясь законными представителями детей согласно ст. 64 Семейного кодекса РФ, вправе обратиться к оператору за информацией о соединениях их ребенка.

При этом в литературе встречаются позиции отдельных авторов об ущемлении прав детей на тайну связи их родителями. В жизни зачастую родители ограничивают право ребенка на неприкосновенность частной жизни и тайну корреспонденции. Конечно, учитывая статус ребенка, его интересы во многом определяются родителями или заменяющими их лицами. И степень вмешательства законодательно определить здесь невозможно [10]. Как указывает А.Н. Тарасенкова, «вряд ли есть какая-либо законная возможность запретить родителям контролировать детей» [11, с. 86]. Это противоречило бы нормам закона о возложении на родителей обязанности по воспитанию детей.

Вместе с тем, Семейный кодекс РФ содержит общие положения, направленные на защиту прав ребенка. В частности, ребенку предоставлено право самостоятельно обращаться за защитой своих прав в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд. Это относится и к случаям, когда имеет место злоупотреблении родительскими правами. В дополнение к этому ст. 64 СК РФ указывает, что родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. Однако реализация указанных мер ребенком скорее исключительная мера, не всегда ребенок пойдет против своих родителей [12, с. 38].

Несмотря на значительные шаги, предпринятые в направлении защиты детей, проблемы регулирования и осуществления права несовершеннолетних на частную жизнь и на тайну коммуникаций остаются в ряду особо актуальных [13]. В текущих правовых условиях ограничение права на тайну связи ребенка со стороны родителей можно назвать необходимым условием, пока не доказано, что родитель злоупотребляет своим правом и действует в разрез с интересами ребенка.

Итак, проблема тайны коммуникаций абонента и фактического пользователя (участника комму-

никаций), до сих пор остается и вызывает массу споров.

Правоприменительная и судебная практика придерживаются подхода о допустимости контроля за коммуникациями работников, использующих средства связи работодателя. При этом контроль должен быть гласным и осуществляться с согласия работника и в пределах, обусловленных трудовой деятельностью работника.

В отношении тайны связи детей их интересы призваны защищать родители (лица, их заменяющие). Однако в контексте противоречия между интересами ребенка и его законных представителей практическая защита права ребенка на тайну связи осложняется. Законодательство содержит общий механизм защиты детей от злоупотреблений родителей, закрепленный в Семейном кодексе РФ.

Литература

1. Дворецкий В.Р. Прослушивание работодателями телефонных переговоров работников: законно ли это? // Трудовые споры. 2006. № 5 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
2. Джавахян Р.М., Ястребова А.И. Конституционно-правовый аспекты защиты права на неприкосновенность частной жизни работника в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 106–111.
3. Юшкевич А.В. Актуальные вопросы соблюдения тайны связи // Правовые вопросы связи. 2008. № 1. С. 26–28.
4. Осипова О.О. Правовое регулирование прослушивания работодателем служебных переговоров работника // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 62–65.
5. Copland v. the United Kingdom. Judgment the European Court of Human Rights dated April 03, 2007. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22:%5B%22001-79996%22%5D%7D> (дата обращения: 02.07.2020).
6. Barbulescu v. Romania: Judgement of the European Court of Human Rights dated September 05, 2017. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22:%5B%22001-159906%22%5D%7D> (дата обращения: 02.07.2020).
7. Антопольский А.А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 159–185.
8. Сыченко Е.В. Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 1. С. 4–13.
9. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117–150.
10. Ювенальное право: Учебник для вузов / А.А. Анисимов, С.А. Буданов, В.Ф. Воробьев

и др.; под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ. 2005. 320 с. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

11. Тарасенкова А.Н. Труд детей и подростков: что говорит закон. М.: Редакция «Российской газеты». 2015. Вып. 21. С. 86.
12. Жилыева С.К., Рудакова Ю.С. Правовая характеристика личных неимущественных прав детей и проблемы их реализации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 35–39.
13. Сыротюк М.В. Содержание права ребенка на частную жизнь и личную тайну в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-prava-rebenka-na-chastnuyu-zhizn-i-na-lichnuyu-taynu-v-rossii> (дата обращения: 26.07.2020).

THE RIGHT TO PRIVACY OF COMMUNICATION THE SUBSCRIBER AND HIS USER

Izotova A.N.

National Research University Higher School of Economics

With the development of digital technologies, the problem of protecting various kinds of data related to information of limited access, including the privacy of communication, becomes of great importance. The article discusses the right to privacy of communication of a subscriber (a person who enters into an agreement with a communication operator) and a user of communication services. Examples of such legal relationships are the relationship over privacy of correspondence and telephone conversations between an employer and an employee, as well as a parent and a child. Of the interrelationships between the subjects of the privacy of communication between themselves, this type seems to be the most complex and least regulated. Therefore, the author made an attempt to differentiate the rights of the subscriber and the user. As a result of the study, the author concluded that there is a conflict between the right to privacy of the subscriber's communication and the right to privacy of communication and the inviolability of the user's private life. It also highlights approaches to resolving such a conflict, including taking into account the practice of the European Union.

The research methodology is represented by formal-legal, comparative methods and analogy method.

Key words: ePrivacy, communication privacy, privacy, confidentiality, employee, minor.

References

1. Butler V.R. Employers 'wiretapping of workers' telephone conversations: is it legal? // Labor disputes. 2006. № 5 // Reference and legal system "ConsultantPlus".
2. Javakhyan R.M., Yastrebova A.I. Constitutional and legal aspects of protecting the right to privacy of an employee in the Russian Federation // Theory and practice of social development. 2015. No. 11. S. 106–111.
3. Yushkevich A.V. Topical issues of maintaining the secrecy of communications // Legal issues of communications. 2008. No. 1. S. 26–28.
4. Osipova O.O. Legal regulation of the employer's listening to the employee's official negotiations // Legislation and Economics. 2014. No. 12. S. 62–65.
5. Copland v. the United Kingdom. Judgment the European Court of Human Rights dated April 03, 2007. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%2001-79996%22> (date accessed: 02.07.2020).
6. Barbulescu v. Romania: Judgment of the European Court of Human Rights dated September 05, 2017. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%22itemid%22:%2001-159906%22> (date accessed: 02.07.2020).
7. Antopolsky A.A. Human rights and the Internet: the practice of the European Court of Human Rights // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 2. S. 159–185.
8. Sychenko E.V. Practice of the European Court of Human Rights in the field of protection of labor rights // Precedents of the European Court of Human Rights. 2017. No. 1. S. 4–13.
9. Talapina E.V. Personal data protection in the digital age: Russian law in the European context // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 5. S. 117–150.
10. Juvenile law: Textbook for universities / A.A. Anisimov, S.A. Budanov, V.F. Vorobiev and others; ed. A.V. Zaryayeva, V.D. Malkov. M.: Justicinform. 2005.320 s. // Reference and legal system "ConsultantPlus".
11. Tarasenkova A.N. Labor of children and adolescents: what the law says. M.: Editorial office of the "Russian newspaper". 2015. Issue. 21, p. 86.
12. Zhilyaeva S.K., Rudakova Yu.S. Legal characteristics of personal non-property rights of children and problems of their realization // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina. 2018.No. 3.P. 35–39.
13. Syrotyuk M.V. Content of the child's right to privacy and personal secret in Russia // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-prava-rebenka-na-chastnuyu-zhizn-i-na-lichnuyu-taynu-v-rossii> (date of access: 07/26/2020).

Оценка качества регламентации области обеспечения безопасности дорожного движения в разные временные периоды

Вершинина Екатерина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: Ver_es@mail.ru

Николаев Владимир Борисович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: nikolaev52@yandex.ru

Работа посвящена анализу результатов двух социологических исследований, проведенных с интервалом в 10 лет, нацеленных на изучение регламентации области обеспечения безопасности дорожного движения, а именно, Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения. В ходе проведенных исследований, проведя оценку качества регламента в разные временные периоды, было обнаружено, что многие критерии качества регламента изменились в положительную или негативную стороны. В целом, сделан вывод, что произошло привыкание к новому явлению как регламент, и в этом видится стабильность правоприменения. Сотрудники критически оценивают регламент, появившаяся самокритика поможет развитию данного феномена.

Ключевые слова: регламент, регулирование, регламентирование, ГИБДД, качество регламента, анкетирование.

Юридической науке и практике известно не так уж много фактов быстрого формирования и широкого распространения новых форм права. Одним из таких редких случаев является правовой регламент. Данный феномен затронул почти все сферы нашей жизнедеятельности. Правоохранительная деятельность, а, в частности, деятельность органов внутренних дел, не стала исключением.

От того, насколько качественно подготовлен регламент, зависит и качество регламентации той или иной сферы деятельности. В этой связи представляет интерес изучение такого вопроса как качество правового регламента. Еще более интересным видится изучение изменения качества регламента во времени.

В своей статье мы будем говорить о двух административных регламентах, действующих в различные периоды времени, определяющие порядок одной и той же деятельности. Эта деятельность – обеспечение безопасности дорожного движения. Мы захватим временной интервал в 10 лет и посмотрим, изменилось ли качество самого регламента, качество его внедрение, отношение сотрудников к нему. Тем более, что и качество сотрудников принципиально поменялось, и мы будем говорить о бывших сотрудниках милиции и ныне действующих сотрудниках полиции.

Итак, представляем вам два социологических исследования с интервалом проведения в 10 лет.

В 2010 году в рамках диссертационного исследования [1, с. 55–56] с целью выявления дефектов тогда действующего Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 года № 185 [2] было проведено экспертное анкетирование среди инспекторского состава сотрудников ГИБДД ГУ МВД России по Нижегородской области в период с 12 по 22 апреля 2010 года. В анкетировании приняло участие 200 человек.

В 2020 году нами было проведено подобное исследование, касающееся действия нового Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения,

утвержденного 23 августа 2017 года Приказом МВД России № 664 [3]. Данное исследование было проведено примерно в тех же временных рамках с июня по июль 2020 года. Количество респондентов было определено также 200 человек [4, с. 25]. Фактически приняли участие 204 человека среди сотрудников ГИБДД. География исследования была расширена и затронула не только Нижегородскую область, а всю Российскую Федерацию (см. диаграмму 1).

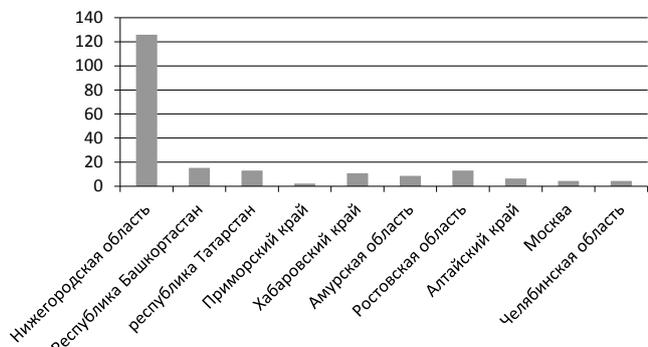

Диаграмма 1. Сведения о количестве респондентов, принявших участие в различных регионах нашей страны

Говоря о качественной характеристике респондентов, можно отметить, что 82% опрошенных проходят службу в городах областного (республиканского, краевого) подчинения, 18% – в сельской местности.

Должностное распределение представлено следующим образом (см. диаграмму 2).

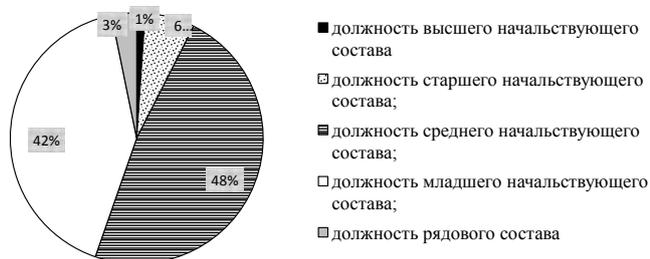

Диаграмма 2. Занимаемые должности респондентов

В самом начале исследования мы задали вопрос о соотношении понятий «регулирование» и «регламентация». Следует отметить, что полученные ответы были крайне неоднозначны.

Социологическое исследование, проведенное в 2010 году, показало, что 13,5% респондентов данные понятия полностью отождествляли; 29% – считали, что понятие «регулирование» шире, чем понятие «регламентация», 16,5% – наоборот; 41% респондентов полагали, что данные понятия не могут быть соотнесены.

В настоящее время картина существенно изменилась. Минимальное количество сотрудников высказали точку зрения, что данные понятия отождествляются (13%) или не могут быть соотнесены (16%). Наибольшее количество процентов (42%) набрал ответ, что понятие «регулирование» шире, чем понятие «регламентация», и 29% – наоборот (см. диаграмму 3).

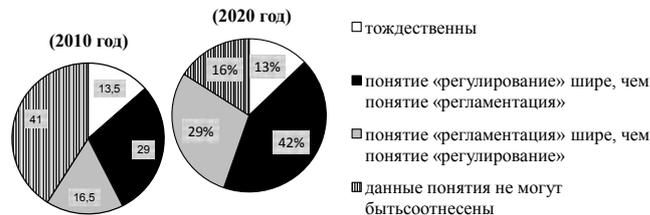

Диаграмма 3. Как соотносятся понятия «регулирование» и «регламентация»?

На наш взгляд, понятие регламентация рассматривается в качестве одной из стадий процесса регулирования, а именно той, на которой осуществляется установление правил и подчинение им адресатов [1, с. 22]. В 2010 году нашу позицию поддержали 29% респондентов, в 2020 – уже 42%. Как видим, с развитием регламентации различных сфер жизнедеятельности, появилось и большее понимание данного процесса.

Проведенные анкетирования высветили ряд дефектов административных регламентов. По некоторым из них ситуация к настоящему времени улучшилась, а по остальным, наоборот, усугубилась.

Так, в 2010 году 9% опрошенных считали предписания регламента *необязательными*. Если обратиться к настоящим результатам исследования, то результаты по данному вопросу однозначно радуют и данный показатель снизился до 1% (см. диаграмму 4).

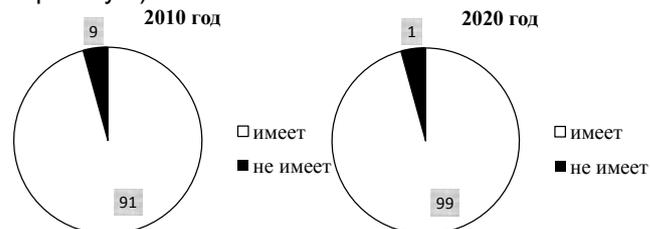

Диаграмма 4. Являются ли положения Административного регламента обязательными к исполнению?

Данное положение можно объяснить тем, что сегодня большинство респондентов (96%) говорит о *нормативной природе* регламента.

По вопросу о *структуре* регламента также есть улучшения, в 2010 году 35% опрошенных ее считали несовершенной, сегодня – 21%.

Что касается негативной динамики, то, если ранее 39% – полагали, что положения регламента *дублируют полностью или частично* положения иных правовых актов, то на сегодняшний день эта ситуация усугубилась и уже 57% респондентов придерживаются такой позиции (см. диаграмму 5). При этом большинство опрошенных указывают на дублирование положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Правил дорожного движения Российской Федерации.

На наличие *пробелов* в регламенте в 2010 году указали 32% респондентов, в 2020 году – 42,5%. При ответе на данный вопрос, сотрудники сообщали, что регламент содержит много размытых фраз и понятий, однако, конкретизация этого не приво-

дилась. Некоторые отметили отсутствие норм, касающихся защищенность сотрудника ГИБДД, кроме того, была затронута необходимость упрощения процедуры проверки документов; проработки вопроса извлечения водителя, заблокировавшегося в автомобиле, не выполняющего требования сотрудников ГИБДД (полиции).

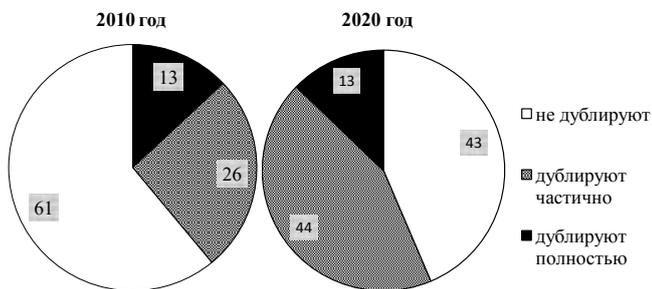

Диаграмма 5. Не дублируют ли положения Административного регламента положения других нормативно-правовых актов?

Анализ анкетирования показал, что некоторые результаты опроса остались неизменными.

Так, например, существенных изменений за 10 лет не произошло в рамках вопроса *реального действия* положений регламента. Как тогда, так и сейчас порядка 50% опрошенных сотрудников считают, что некоторые положения Административного регламента не работают и нуждаются в доработке. При этом многие респонденты ответили, что доработке нуждаются вопросы подачи и рассмотрения жалоб и вопросы медицинского освидетельствования, а 10% отметили необходимость проработки вопроса о запрете на видеосъемку сотрудников ГИБДД.

При ответе на вопрос о выявлении противоречащих Административному регламенту нормативных правовых актов, как сейчас, так и 10 лет назад 12,5% респондентов указывали на наличие таких *противоречий*. Только тогда сотрудники ГИБДД отметили, что положениям Административного регламента противоречат такие нормативно-правовые акты как: Правила дорожного движения Российской Федерации, Закон «О милиции» (статьи 10,11), Закон «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации». В настоящее время в этот список попал Федеральный закон «О полиции». Кроме того, один из сотрудников указал на несоответствие п. 244 Административного регламента (выявление транспортного средства, находящегося в розыске) Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях.

Кроме того, за 10 лет не изменился процент опрошенных, желающих *внести изменения* в положения Административного регламента. Данный показатель достигает высокого уровня и составляет 36%. Более того, в 2020 году появилось 2% сотрудников, высказывающих мнение о необходимости отменить действующий регламент.

Качество регламента может быть измерено на всех этапах его жизненного цикла, в связи с этим в рамках социологических исследований

нами были заданы вопросы, касающиеся процессов внедрения и реализации.

При организации внедрения ранее указанного регламента были выявлены такие негативные моменты. Так, на вопрос анкеты, организовано ли изучение положений Административного регламента сотрудниками, 4% респондентов ответили отрицательно. Причем этот показатель держится стабильно. На вопрос, проводятся ли зачеты по проверке знаний положений Административного регламента среди сотрудников, отрицательный ответ дали 6% респондентов в 2010 году и 2% – в 2020 году.

Одним из этапов внедрения административных регламентов, является деятельность по изготовлению бланков документации им предусмотренных, и оснащению ими строевых подразделений ГИБДД. При оценке данного этапа в 2020 году 35% опрошенных сотрудников ответили, что такая работа проводится, но частично, и только 1% отметил, что такая работа не проводится вовсе, против 18% – в 2010 году.

В полной мере регламент проявляет себя лишь в процессе функционирования.

Подробное, четкое, однозначное регулирование, которое является характерной чертой регламентов, позволяет ограничить возможности злоупотребления властными полномочиями и предупредить коррупцию, что уже выступает одной из функций регламента [1, с. 134].

Регламент реально может устранить коррупцию или хотя бы снизить ее уровень, хотя верят в это далеко не все. Так, проведенный нами в 2010 году анкетный опрос показал, что 44% опрошенных не верят в то, что регламент способен снизить уровень коррупции в ГИБДД. В 2020 году этот показатель вырос до 50%.

Что касается еще моментов реализации, то социологические исследования показали следующее:

В 2010 году 4% опрошенных заявили, что в своей деятельности положениями Административного регламента не руководствуются, к настоящему времени данный показатель снизился на половину процента.

На вопрос, какую роль играет регламент в вашей трудовой деятельности, в 2010 году 6% сотрудников ответили, что никакой. В 2020 году этот показатель достиг нуля (см. диаграмму 6).

В заключение хочется отметить, что качество правового регламента может измеряться на всех этапах его жизненного пути. Проведенные нами социологические исследования показали, что в настоящее время у сотрудников органов внутренних дел стало больше понимания в вопросе разграничения понятий «регулирование» и «регламентирование».

Меньшее количество опрошенных сотрудников стали считать положения регламента необязательными, а его структуру несовершенной. Большинство респондентов ответили, что регламенты обладают нормативным характером. Из положительных моментов также можно указать, что почти все сотрудники ответили, что проводятся зачеты на знание по-

ложений Административного регламента, а также организована работа по изготовлению бланков необходимой документации. Достиг нуля процент сотрудников, заявляющих, что Административный регламент не играет в их деятельности никакой роли и считающих его второстепенным документом.

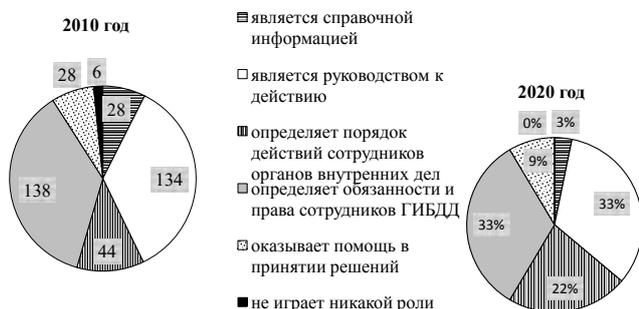

Диаграмма 6. Какую роль играет Административный регламент в Вашей трудовой деятельности?

В части ответа на вопрос о том, является ли Административный регламент второстепенным документом, регламентирующим деятельность Службы ГИБДД, то здесь мы видим существенные улучшения (см. диаграмму 7).

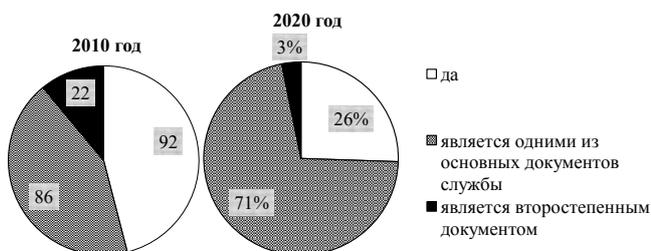

Диаграмма 7. Является ли Административный регламент основным документом, регулирующим деятельность службы?

Повысился процент ответов о том, что положения Административного регламента содержит в себе пробелы и дублируют положения других нормативно-правовых актов. Негативно выглядит тот факт, что увеличилось количество сотрудников, не верящих в способность регламента снизить коррупцию.

Неизменными остались ответы среди опрошенных сотрудников о реальном действии регламента, наличии противоречий другим нормативным правовым актам, необходимости внесения изменений и организации изучения положений регламента.

В целом, на наш взгляд, изучив результаты социологических исследований, можно сделать вывод, что произошло привыкание к новому явлению как регламент, и в этом видится стабильность правоприменения. Сотрудники критически оценивают регламент, появившаяся самокритика поможет развитию данного феномена.

Литература

1. Вершинина Е.С. Регламент как общеправовой феномен: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.– 224 с.
2. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации ис-

полнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: Приказ МВД России от 2 марта 2009 года № 185 // Российская газета. 2009. 7 июля.

3. Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденного Приказом МВД России от 23 августа 2017 года № 664 // Российская газета. 2017. 13 октября.
4. Осянин А.Н., Вершинина Е.С. Организация и порядок исследования общественного мнения о деятельности ОВД методом анкетирования: монография / А.Н. Осянин, Е.С. Вершинина. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017.– 68 с.

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF REGULATION IN THE FIELD OF ROAD SAFETY IN DIFFERENT TIME PERIODS

Vershinina E.S., Nikolaev V.B.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The work is devoted to the analysis of the results of two sociological studies carried out with an interval of 10 years, aimed at studying the regulation of the field of road safety, namely, the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the execution of the state function of monitoring and overseeing compliance by road users with requirements in the field ensuring road safety. In the course of the studies conducted, after assessing the quality of the regulation in different time periods, it was found that many criteria for the quality of the regulation changed in a positive or negative direction. In general, it was concluded that there was an addiction to the new phenomenon as a regulation, and this is seen as the stability of law enforcement. Employees critically evaluate the regulations, the emerging self-criticism will help the development of this phenomenon.

Keywords: regulations, regulation, regulation, traffic police, quality of regulations, questionnaire.

References

1. Vershinina E.S. Regulation as a general legal phenomenon: dis... Cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2010.– 224 p.
2. Administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the execution of the state function of control and supervision over compliance by road users with road safety requirements: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 2, 2009 No. 185 // Rossiyskaya Gazeta. 2009.7 July.
3. Administrative regulations for the execution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function of federal state supervision over compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety, approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 // Rossiyskaya Gazeta. 2017.13 October.
4. Osyanin A. N., Vershinina E.S. Organization and procedure for researching public opinion about the activities of the police department by the method of questioning: monograph / A.N. Osyanin, E.S. Vershinin. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.– 68 p.

Проблемы защиты авторских прав в цифровой среде

Исмаилов Руслан Акиф оглы,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
E-mail: Ruslik957@mail.ru

На сегодняшний день отмечается проблематика, находящая свою актуальность в области защиты авторских прав как в целом, так и в цифровой среде, в частности. Основной вопрос состоит в том, что на сегодняшний день, несмотря на законодательное регулирование данного вопроса, отсутствует достаточно прогрессивный правовой механизм защиты авторских прав, в сети интернет. На практике защита авторского права, особенно в сфере цифровых технологий, носит фрагментарный и хаотичный характер, в то время как механизм защиты этих прав не вполне понятен. Данный аспект лег в основу статьи, поскольку, при расширении и непрерывном развитии цифровой среды проблематика защиты авторских прав обостряется все больше и приобретает массовый характер.

Ключевые слова: авторское право, защита авторских прав, авторские права в Интернете, интеллектуальная собственность, исключительное право.

Введение

На сегодняшний день стало очевидным, что цифровая среда – это актуальная и, более того, прогрессивное средство создания, демонстрации и использования продуктов интеллектуальной деятельности, причем, чужой. Информационные отношения регулируются современным законодательством, однако достаточность этого регулирования необходимо обсуждать. Один из важных для цифровой среды документов – «Антипиратский закон» [3], который изначально включал ограничение доступа к некоторым сайтам за фактическое нарушение авторского права. По сути, проблема авторского права в цифровой среде – одна из основных, поскольку, учитывая колоссальные объемы информации и анонимность, авторство может затеряться или же не быть представленным вообще.

Обсуждение

Ярким примером масштабности проблемы, касающейся нарушения авторских прав, является медиа «ВКонтакте». Это анонимная платформа (можно подписаться любым именем), позволяющая загружать и распространять контент, который является авторским, причем, без указания автора – незаконно. Из этого следует, что способы нарушения авторского права в цифровом пространстве схожи с нарушением авторских прав как таковых, закрепленных еще в Бернской Конвенции 1886 года [1], актуальной до сих пор, поскольку здесь происходят и обсуждаются аналогичные процессы: незаконные копирование, распространение и плагиат. Так, в соответствии с Бернской конвенцией, авторское право возникает в режиме автоматического наделяния и подлежит независимой охране. Кроме того, на основании Гражданского Кодекса, ч. 4 от 18 декабря 2006 года [4] авторство подлежит бессрочной охране, даже после смерти автора (либо по на основании воли его наследников). На практике же это практически никак не регулируется, что подтверждается активным распространением многочисленной музыки, видеоматериалов с вирусным эффектом, то есть, найти автора в цифровой среде, если это не общепопулярный продукт, практически невозможно без его указания.

Наиболее часто в цифровом пространстве происходит незаконное распространение видеоматериалов любого характера; музыкальных произведений, поскольку в настоящее время в Интернете успешно работают файлообменники и сайты, на которых можно бесплатно и без упоминания автора скачать тот или иной объект авторского права. Любые процессы незаконного распростра-

нения и пользования осуществляются методом свободного копирования. Таким образом в цифровом пространстве закрепляется понятие интернет-нигилизма – отрицания существования авторских прав как таковых в цифровой среде – здесь все принадлежит общему пользованию и является достоянием сети – таковой является современная позиция интернет-пользователей.

Основа проблематики нами просматривается в том, что защита авторских прав во времена активного развития цифровых технологий осложнена потребностью в производстве быстрой информации, которое сложно удовлетворить законными способами ввиду дороговизны объектов авторского плава или их недоступности. Именно отсюда берут свое начало систематические нарушения авторских прав в цифровой среде – пользователи ограничены в пользовании продуктами чужой интеллектуальной деятельности, и следование жесткому законодательству в данном случае лишает пользователя возможности без ограничений и по своему усмотрению проводить свой досуг, который касается прослушивания музыки, просмотра фильмов и так далее.

На территории Российской Федерации защиту авторского права регулируют следующие законы: Гражданский Кодекс, Гражданско-правовой Кодекс, КоАП, а также прочие законодательные акты. В частности, в ранее упомянутый «Антипиратский» закон изначально была заложена система защиты авторов и правообладателей, причем, преимущественно, видеофильмов. Другие объекты авторского права защите не подлежали, что дезорганизовывало созданную систему. Поэтому Закон был пересмотрен в 2015 году, на основании чего вступили в силу поправки, которые непосредственно гарантировали защиту практически всем продуктам авторского права. Изменения не коснулись только объектов фотографической деятельности.

Статья 15.7 Закона об информации [2] содержит в себе описание того, как должен реализовываться процесс досудебного урегулирования споров по защите авторского права. Сюда подходят и продукты авторского права, которые размещены в цифровом пространстве без согласия автора. Причем, с такой инициативной должен выступать сам автор или его доверенное лицо, в то время как адресат – это всегда владелец сайта с запрещенным к распространению продуктом авторской деятельности [7, с. 336]. Сайты и социальные сети, дорожающие своей репутацией, оперативно реагируют на такие заявления и удаляют незаконный контент. Однако, при отсутствии реакции и ввиду нечистоплотности владельца сайта, следующим шагом является обращение в суд. Причем, в соответствии со статьями 22 и 26 ГПК РФ [4] споры по авторскому праву, инициированные стороной автора, должны рассматриваться в судах общей юрисдикции. Дела с участием организаций, управляющих авторскими и смежными правами, рассматриваются, в свою очередь, уже арбитраж-

ными судами. Наиболее часто на практике защита авторских прав реализуется при помощи блокировки информационных ресурсов, на которых незаконно размещаются продукты авторского права – мера радикальная, по сути не решающая проблемы защиты авторского права, а пресекающая функционирование самого ресурса в целом. При этом процедура блокировки подобных ресурсов описана в приказе Роскомнадзора от 12 августа 2013 г. № 912 [6].

В 2017 году были подготовлены поправки в Закон об информации, которые касались аспектов блокирования ресурсов с запрещенной информацией. По проекту Роспотребнадзор самостоятельно определял список соответствующих сайтов. Проблема в данном случае заключается в том, что блокировка происходила по IP, отчего недоступными оставалась в том числе и сайты, которые работали в рамках правового поля. Поэтому можно полагать, что внесенные изменения имели агрессивный характер, но их целесообразность устанавливалась поиском равновесия между правообладателями и законопослушными гражданами, чей IP попадал под блокировку случайно, по порядковому списку адресов.

Сегодня в целях защиты авторских прав разрабатывается масса технологий для исключения или минимизации нелегального контента. В частности, система Content ID YouTube, имеющая базу данных правообладателей и сравнивающая с ней весь загружаемый материал. Итог оказывается следующим: отключается аудиодорожка; блокируется видеоролик. По сути, пользователи, которые загружают и пользуются незаконным контентом в цифровом пространстве, становятся нарушителями закона. При этом пользователя привлечь к ответственности очень сложно. Поэтому деятельность по защите авторского права ориентирована на ресурсы, размещаемые контент.

Заключение

На основании вышеизложенного вырисовывается ряд проблем защиты авторского права. В частности, первым пунктом следует отметить слабую законодательную защищенность объектов авторского права в цифровой среде. Кроме того, по причине отсутствия спецификации и учета объектов авторского права (кроме видеохостинга YouTube), присутствует нецелесообразность обращения к защите авторских прав. Законодательство в своем несовершенстве показывает, что отсутствуют как таковые законы, которые могут четко регулировать отношения, связанные с защитой авторского плава, в цифровой среде.

Вследствие этого отмечается также то, что широкая судебная практика по защите авторского права сегодня отсутствует, причиной чего является страх автора акцентировать внимание на проблеме [8, с. 75]. В целом же следует отметить, что сегодня культура уважительного отношения к продуктам авторского права в цифровой среде только

начинает зарождаться, отсюда и несовершенство его защиты.

Литература

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ.– 2006.– № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12.03.2014 N35-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160073/.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
6. Приказ Роскомнадзора от 12.08.2013 N912 (ред. от 13.05.2015) «О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155083/.
7. Ваклирный С.С. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в интернет-среде // BUSINESS. EDUCATION. LAW. BULLETIN OF VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE.– 2018.– № 3. – С. 335–339.
8. Гайсин Ф.Ф. Проблема защиты авторских прав // Вестник Марийского государственного

университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки».– 2017.– № 3 (11). – С. 73–79.

PROBLEMS OF COPYRIGHT PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Ismailov R.A.

Saint Petersburg State University of Economics

Today, there are issues that are relevant in the field of copyright protection, both in general and in the digital environment. The main issue is that today, despite legislative regulation of this issue there is no sufficiently progressive mechanism for protecting copyrights on the Internet. In practice, copyright protection, especially in the field of digital technologies, is fragmented and chaotic, while the mechanism for protecting these rights is not fully understood. This aspect formed the basis of the article, since, with the expansion and continuous development of the digital environment, the problem of copyright protection is becoming more acute and becomes widespread.

Keywords: copyright, copyright protection, intellectual property, exclusive right, copyright on the Internet.

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 09.28.1979) // Digital source – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
2. Federal Law of 27.07.2006 N149-FZ (as amended on 25.11.2017) “On information, information technologies and information protection”// legislation of the Russian Federation.– 2006. – No. 31 (1 hour). – ART. 3448).
3. Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 12.03.2014 N35-FZ (last edition) [digital source] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160073/.
4. Civil Code of the Russian Federation, Part 4 (Civil Code of the Russian Federation, Part 4) [digital source] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N138-FZ (as amended on July 31, 2020) [digital source]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
6. Roskomnadzor order of 12.08.2013 N912 (as amended on 13.05.2015) “On the procedure for the functioning of the Information Interaction System” [digital source] -URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155083/.
7. Vaklirny S.S. Actual problems of protection of copyright and related rights in the Internet environment // BUSINESS. EDUCATION. LAW. BULLETIN OF VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE.– 2018.– № 3. – P. 335–339.
8. Gaisin F.F. The problem of copyright protection // Bulletin of the Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal Sciences” – 2017.– № 3 (11). –P. 73–79.

Художественно-стилевые особенности как новый объект интеллектуальной собственности в сфере народных художественных промыслов

Медведев Валерий Николаевич,

управляющий партнер, юридическая фирма «Городисский и партнеры»

E-mail: Medvedev@gorodissky.ru

В настоящее время актуальным становится понимание на доктринальном уровне индивидуальных авторских способов и приемов изготовления изделий народных художественных промыслов (НХП), их роли в понимании тематического содержания изделий, оценке их аутентичности и художественной ценности, а также системы взглядов и духовных ценностей автора. Такой категорией является понятие «художественно-стилевые особенности» (ХСО). Как художественное произведение, изделие НХП представляет собой длящийся во времени феномен традиционной культуры. А художественные стилиевые приемы позволяют выявлять идеальные установки автора и тем самым выступают как способ их воплощения в тех или иных материалах и средствах изготовления, реализуемых в определенных художественных формах произведения НХП. При этом стилиевые приемы в сфере НХП характеризуются тем, что, с одной стороны, они связаны с определенным видом промысла и его традициями, а с другой – с личностью мастера и его творческой индивидуальностью. Сделан вывод, что художественно-стилевые особенности должны обрести нормативное закрепление в качестве объекта интеллектуальной собственности и как один из основополагающих признаков идентификации истинности изделий НХП, обеспечивающих их признание в качестве произведения искусства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, народные художественные промыслы, художественно-стилевые особенности, объекты интеллектуальных прав, правовая защита.

Понятие «интеллектуальная собственность» относится к любому оригинальному творению человеческого интеллекта, такому как художественное, литературное, техническое или научное. Право интеллектуальной собственности относится к юридическим правам, предоставленным изобретателю или создателю для защиты его изобретения или творения в течение определенного периода времени. Эти юридические права предоставляются создателю или его правопреемнику исключительное право на использование своего творения.

Очень хорошо известно, что объекты интеллектуальной собственности играют жизненно важную роль в современной экономике. Право интеллектуальной собственности является мощным инструментом защиты инвестиций, времени, усилий, вложенных ее создателем в свое творение. Таким образом, право интеллектуальной собственности способствует экономическому развитию государства, здоровой конкуренции и стимулирует промышленное развитие.

Смысл термина «интеллектуальная собственность» впервые был сформулирован в Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольмская конвенция, 1967). В соответствии со ст. 2 Конвенции, «интеллектуальная собственность включает в себя все права, относящиеся к результатам творчества в производственной, научной, литературной и художественной сферах и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий». Исходя из этого можно говорить о том, что понятие интеллектуальной собственности «используется в собирательном смысле» [11]. Конвенция не стремится дать определение интеллектуальной собственности, но дает следующий перечень объектов, защищенных правами интеллектуальной собственности: литературные, художественные и научные труды; выступления артистов и исполнителей, фонограммы и радиопередачи; изобретения во всех областях человеческой деятельности; научные открытия; промышленные образцы; товарные знаки, знаки обслуживания, коммерческие обозначения и фирменные наименования и др.

В общем виде понятие интеллектуальной собственности трактуется как совокупность исключительных прав личного и имущественного характера на результаты интеллектуальной деятельности, а также на иные объекты, приравненные к ним, конкретный перечень которых устанавливается законодательством государства. Так, с принятием части IV Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)

в российском законодательстве было закреплено данное понятие. Исходя из содержания ст. 1225 и 1226 ГК РФ, следует, что в основе интеллектуальной собственности лежит исключительное право, которое представляет собой имущественное право, а в определенных случаях – личные неимущественные и иные права (право следования, право доступа и другие). Учитывая творческий характер создания и изготовления изделий народных художественных промыслов, нормативное регулирование в сфере интеллектуальной собственности относится и к данным изделиям.

Народные художественные промыслы (далее – НХП) требуют специализированных и традиционных методов, навыков и знаний, которые часто были получены в течение долгого периода времени и передаются по наследству из поколения в поколение. В этой связи изделия НХП обладают такими отличиями, как их внешний вид и стиль, а также могут требовать определенных знаний, выраженный в навыках, используемых для их производства.

Однако традиционные приемы – дизайн, репутация и стиль, связанные с ремеслами, уязвимы для подражания и незаконного присвоения. Слишком часто случаются попытки изготовления подделок под изделия НХП с заимствованием художественно-стилевых особенностей наиболее известных российских НХП, таких как семеновская хохлома, гжель, федоскинская миниатюра, ростовская финифть, жостовская роспись и другие, самое главное – вне их мест традиционного бытования.

При этом дешевые имитации снижают продажи изделий традиционных ремесел, а также подрывают репутацию качества подлинных продуктов. Нередко наблюдаются искажения и упрощения традиционных приемов художественного мастерства, ручной труд художников и мастеров часто подменяется механическим воспроизведением элементов декоративной отделки, снижается художественный уровень и качество продукции. Все это дискредитирует их как на внутреннем, так и на внешнем рынках и превращает их из художественных произведений, из изделий НХП просто в дешевый ширпотреб. В этой связи актуальной становится необходимость понимания на доктринальном уровне индивидуальных авторских способов и приемов изготовления изделий НХП, их роли в осознании тематического содержания изделий, оценке их аутентичности и художественной ценности, а также системы взглядов и духовных ценностей автора. Категорией, способной это отразить, являются «художественно-стилевые особенности».

Понятие «художественно-стилевые особенности народного художественного промысла» введено в Федеральный закон «О народных художественных промыслах» только 25 декабря 2012 г. [2], то есть практически через тринадцать лет после принятия Федерального закона № 7-ФЗ [1]. Этот промежуток времени фактически использо-

вался для массового производства подделок различных изделий НХП.

Согласно закону, художественно-стилевые особенности народного художественного промысла – это совокупность средств художественной выразительности, приемов мастерства и традиционной технологии изготовления изделий народного художественного промысла, исторически сложившихся под влиянием культурных, социальных и природных факторов места его традиционного бытования [2]. Таким образом, содержательно понятие «художественно-стилевые особенности» (далее – ХСО) включает в себя ряд элементов: во-первых, средства художественной выразительности, во-вторых, приемы мастерства; в-третьих, традиционные технологии изготовления изделий НХП. Кроме того, эти три элемента должны соответствовать критерию «историзма» в их формировании в рамках «места традиционного бытования» промысла.

Следует отметить, что на региональном уровне в определении данного понятия сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, в региональных законах было введено определение ХСО, идентичное определению, данному в федеральном законе (например, закон Кабардино-Балкарской Республики от 7 марта 2013 г. № 24-РЗ, закон Нижегородской области от 29 января 2001 г. № 165-З «О народных художественных промыслах»), с другой – региональные законодатели дали свое определение этого понятия. В качестве примера можно привести определение, данное в законе Московской области от 17 ноября 2000 г. 377/200-ОЗ «О народных художественных промыслах в Московской области» [4]: «устойчивый комплекс исторически сложившихся или формирующихся художественно-выразительных средств, художественно-технических приемов обработки определенных видов материалов, традиционной технологии изготовления и декорирования изделий...».

Объективный характер ХСО изделий НХП подтверждается, в том числе нормативными актами регионального уровня. В частности, согласно «Положению о мастере народных художественных промыслов Республики Татарстан», одним из требований к присвоению этого звания выступает сохранение мастером в своих изделиях «художественно-стилевых особенностей, традиционных образных и художественно-выразительных средств», а также сохранение «в своем мастерстве художественно-технических приемов, технологий, материалов, типов изделий и их форм, характерных для вида промысла».

В этом контексте необходимо привести определение понятия, которое есть в региональном законе Кабардино-Балкарской Республики «О народных художественных промыслах» [3], но отсутствует в федеральном законодательстве, – «традиции народного художественного промысла». Под ними понимается «освоение, развитие и передача от поколения к поколению исторически формиру-

ющегося: а) художественного опыта, б) технологических приемов, в) навыков, которые принадлежат мастерам народного художественного промысла». Эти три элемента позволяют, по мнению законодателей, обеспечивать «устойчивость и жизнеспособность основных художественно-стилевых особенностей» конкретного промысла. Полагаем, что это определение, даже в таком виде, является серьезным моментом для признания ХСО объектом интеллектуальной собственности.

После введения в российское законодательство понятия «художественно-стилевые особенности» актуальной проблемой стало практическое применение этого положения. В частности, еще в 2018 году депутат Государственной думы А. Кавинов говорил о том, что разрабатывается инициатива «по защите элементов стиля народно-художественных промыслов. Идея заключается в том, чтобы узаконить художественно-стилевые особенности каждого промысла. Правообладателем на производство оригинальных товаров станет государство и делегирует свои права непосредственно фабрикам. ... Это не борьба вокруг одного патента, а создание и защита общего бренда, основанного на стиле. И бороться против нарушения своих прав будет уже не каждое предприятие в отдельности, а государство» [15]. Однако для надлежащей защиты прав на ХСО следует определить, что же они представляют собой как объект интеллектуальной собственности.

ХСО выделяются в рамках каждого самостоятельного вида изделий НХП. Например, продукция Гжельского фарфорового завода обладает своим оригинальным стилем, основу которого составляют «декоративность, нарядность, эстетическая и функциональная выразительность, а также разнообразие форм» [16]. Уточняющими особенностями здесь выступает тот факт, что «ропись изделий отличается яркостью и контрастом кобальтовой краски с белым фоном благодаря использованию ручной подглазурной росписи кобальтом по утилю». Мастерами НХП было заявлено о собственном лице искусства Гжели и в ассортименте, и в формах, и в росписи, и даже в технологии: «сочетание орнаментальности изысканных разделок с живописно легким мазком, сгущающимся в темно-синее пятно, полновесная округлость народных форм с выразительно живописной, размашисто-быстрой росписью, строящейся на переходах от темно-синего густого мазка к легкости прозрачно-голубого, где имеет значение система тонких орнаментально-линейных привязок» [16].

Актуальность вопроса о ХСО возникла в ситуации, когда обнаружилось серьезное противоречие между, с одной стороны, стремлениями к национальному самовыражению, а с другой – стремлениями к трансформации культуры, воспринимаемой как глобальный феномен и поиска современных оснований национального самоопределения. В этой связи актуальным становится и понимание определенной «культурной эпохи», о содержании которой в работе «Открытое производство»

упоминает итальянский мыслитель У. Эко. Для него это понятие состоит из «образовательных традиций», «культурных влияний», неотделимых от «определенных технических предпосылок», и «способов формообразования», которые создаются творцом в сочетании с прочими составляющими «культурной эпохи». По идее У. Эко, именно здесь оказываются неразрывно взаимосвязаны тенденция, «свойственная всей культуре этого периода в целом», и «художественная воля», то есть художественно-стилевая манера автора. Все это создает «модели культуры», существующие в определенный исторический момент [14: 35, 39].

В художественном произведении автор формирует своеобразие того или иного изделия, которая опирается на принятую им эстетическую концепцию и, что особенно важно для НХП, жанровую структуру произведения, позволяя ему сформировать «диалектическую целостность общезначимого и индивидуально неповторимого “смысла”, обладающую подлинной эстетической ценностью». На этой основе и можно говорить о формировании стиля. Категория «стиль» представляет собой «совокупность идейно-художественных особенностей определенной творческой группы, школы или творчества отдельного художника, отличающегося яркими, индивидуальными чертами и имеющего широкое влияние» [12: 159].

Именно стиль, выступая как историческая и эстетическая категория, позволяет отразить наличие взаимосвязей между формой и содержанием произведения. Форма выступает той объединяющей конструкцией, в состав которой входят ее принципы, композиционные приемы, элементы жанра и специфика вида произведения. При этом сущность стиля можно проследить через содержание или по взаимосвязи содержания и формы. Исходя из этого, можно говорить о наличии или отсутствии стиливых признаков, позволяющих дифференцировать произведения.

В философском словаре можно найти определение стиля в искусстве, данное В. Айзенштейном, раскрывающее данный феномен следующим образом: «исторически сложившаяся, устойчивая общность образной системы, средств и приемов художественной выразительности, обусловленная единством идейно-эстетического и общественно-исторического содержания» [7]. По мнению автора, в стиле находят отражение как социально-экономические условия жизни общества, так и особенности и традиции того или иного народа.

Понятие «художественный стиль», выступающее как основа ХСО, имеет свою многовековую историю и связано с именами Гёте, Шиллера, Гегеля и др. Художественный стиль – это почерк, то есть отличительные, характерные черты, проявляющиеся в самом произведении, в его организации, в отборе средств художественной выразительности. Так, например, Гёте отмечал: «...Каждый художник будет по-своему видеть мир, вдумчиво или легкомысленно схватывать его явления, основательнее или поверхностнее их воспроизво-

дить» [10: 400]. В свою очередь Шеллинг формулирует философские основы стиля: «Искусство может обнаруживаться только в индивидууме. С этой точки зрения стиль всегда необходимо составляет истинную форму. Стиль абсолютен, манера относительна» [13: 72]. Следовательно, стиль у него – обобщающая категория целостности художественного творчества. Для Гегеля есть завершающий, объединяющий все элементы художественной деятельности момент художественного творения: «Под стилем подразумевается своеобразие данного субъекта, которое полностью выявляется в его способе выражения» [9: 305].

Художественный стиль отличается от других функциональных стилей многообразной стилиевой окраской используемых художественных средств. Применительно к сфере НХП можно сказать, что художественный стиль – это единство художественных приемов, которое характерно для определенной группы произведений народных промыслов или определенного вида НХП, сформированных в местах традиционного бытования. Этот стиль обладает характерными признаками, которые могут быть выявлены или визуально, или с использованием письменных документов или могут быть указаны мастером или экспертом в этой сфере.

Однако основной функцией определенной разновидности промыслов, отличающей ее от других произведений, является эстетическая функция (художественная, образно-художественная, функция эмоционально-образного воздействия на зрителя), которая в других произведениях или изделиях если и может проявляться, то она не является главной. Данная функция основывается на уникальности произведения искусства и реализуется в образности произведения. Это во многом определяет художественный стиль, обладающий индивидуальными признаками.

Как художественное произведение, изделие НХП представляет собой длящийся во времени феномен традиционной культуры. Практически не меняя свою основу, оно все же меняется исторически исходя из жизненного и художественного опыта лиц, осуществляющих его производство, приобретая при этом новые смыслы, ценностные параметры и новое «прочтение» художественного смысла, выступая как наиболее яркая форма идеального и реального, индивидуального и общего. В этой связи следует исходить из того, что каждый НХП создает собственный тип художественного произведения, в основе которого лежит определенная модель мира, выражающая объективную художественную концепцию, реализуемую мастером. Как отмечал Гегель, искусство «...при изображении ... живой действительности совершенно меняет нашу точку зрения на него, обрывая все те же практические переплетения, которые обычно связывают нас с предметом, и противопоставляет его нам в безусловно теоретическом аспекте» [8: 261].

Таким образом, художественные стилиевые приемы позволяют выявлять идеальные установки

автора и тем самым выступают как способ их воплощения в тех или иных материалах и средствах изготовления, реализуемых в определенных художественных формах произведения НХП. При этом стилиевые приемы в сфере НХП характеризуются тем, что, с одной стороны, они связаны с определенным видом промысла и его традициями, а с другой – с личностью мастера и его творческой индивидуальностью.

Однако возникает вопрос выявления тех или иных особенностей, позволяющих установить определенный художественный стиль в изделии НХП. В этом случае актуальной становится оценка стилистических и технологических особенностей, использованных при производстве изделия НХП. Следует также учитывать и художественный уровень при высоком техническом качестве изготовления этого изделия. В этом случае можно сослаться на приказ Департамента культуры [6] одного из субъектов РФ, в котором достаточно четко определен ряд оценок стилистических способов (традиций) изготовления изделий: соответствие изделия художественно-стилевой направленности промысла; целостность художественного решения изделия; функциональная обусловленность художественного решения изделия; техническое качество изделия; исполнительное мастерство. Полагаем, что данные показатели могут быть положены в основу выделения тех или иных ХСО в изделии определенного вида НХП.

Следует отметить, что в соответствии с Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 18 февраля 2019 г. № 451 [5] в «Положении о регистрации Министерством промышленности и торговли Российской Федерации образцов изделий народных художественных промыслов признанного художественного достоинства» установлены ряд требований к изделиям НХП, которые подлежат регистрации в качестве образцов таких изделий.

С точки зрения выделения ХСО как самостоятельного объекта интеллектуальной собственности значимыми являются следующие требования-признаки изделий НХП: «изделия являются художественными изделиями утилитарного и (или) декоративного назначения, изготовленными в соответствии с традициями данного промысла; изделия изготовлены в соответствии с художественно-стилевыми особенностями заявленного народного художественного промысла в месте традиционного бытования промысла (далее – МТБ) и не содержат художественно-стилевые особенности НХП, характерные для другого МТБ; изделия по своему художественному решению и художественному уровню соответствуют традициям искусства НХП, исторически сложившимся в соответствующей местности заявленного НХП на территории в границах субъекта Российской Федерации; технология изготовления представленных изделий предусматривает возможности творческого труда мастеров НХП, занятых художественной отделкой изделий с применением

творческого варьирования; представленные изделия не имеют сходства до степени смешения с образцами изделий НХП признанного художественного достоинства, произведенными иным изготовителем» [5].

Таким образом, необходимо отметить тот факт, что ХСО должны обрести нормативное закрепление в качестве объекта интеллектуальной собственности как один из основополагающих критериев идентификации истинности изделий НХП, обеспечивающих их признание в качестве произведения искусства.

Литература

1. Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 06.01.1999 № 7-ФЗ // Российская газета. – № 7. – 15.01.1999.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 25.12.2012 № 256-ФЗ // Российская газета. – № 301. – 28.12.2012.
3. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О народных художественных промыслах» от 07.03.2018 № 4-РЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/802054099>.
4. Закон Московской области «О народных художественных промыслах в Московской области» от 17.11.2000 № 377/200-ОЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/5804891>.
5. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 18 февраля 2019 г. № 451 «Об утверждении положения о регистрации Министерством промышленности и торговли Российской Федерации образцов изделий народных художественных промыслов признанного художественного достоинства по представлению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.07.2019 № 55314) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329521/.
6. Требования по классификации стилизованных особенностей, характеризующих совокупность средств художественной выразительности, приемов мастерства и традиционной технологии изготовления изделий народных художественных промыслов, изготавливаемых в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Утверждены приказом Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 38-П-277 от 13 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adm.gov86.org/files/2018/econom/prikaz-obutverzhdenii-trebovaniy-po-klassifikatsii-stilevykh-osobennostey-izdeliy-nkhp-3.pdf>.
7. Айзенштейн, А.К. Стиль в искусстве / А.К. Айзенштейн. – М.: Высшая школа, 2006. – 198 с.

8. Гегель, Г. В.Ф. Эстетика: в 4-х т. / Г. В.Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – Т. 3, 1971. – 621 с.
9. Гегель, Г. В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель, Г. Собрание сочинений: В 14 тт. Т. 12. – М.: СОЦЭКИЗ, 1938. – 496 с.
10. Гёте, И. Простое подражание, манера, стиль // Гёте, И. Собрание сочинений: В 13 тт. – М.: Художественная литература, 1937. Т. 10. С. 399–403.
11. Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность: Учебное пособие / С.П. Гришаев. М.: Юрист, 2004. – 480 с.
12. Краткий словарь терминов изобразительного искусства / под ред. Г.Г. Обухова. – М.: Советский художник, 1965. – 192 с.
13. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
14. Эко, У. Открытое произведение. Форма и неопределенность / У. Эко. – СПб.: Symposium, 2006. – 408 с.
15. «Правообладателем на производство оригинальных народных промыслов может стать государство», – Артем Кавинов. URL: <http://voskresenskoe-adm.ru/news/media/2018/4/4/pravoobladatelem-na-proizvodstvo-originalnyih-narodnyih-promyislov-mozhet-stat-gosudarstvo-artem/>
16. Особенности народного художественного промысла Гжель. URL: https://farforgzhel.ru/info/o_zavode/muzej_zavoda/osobennosti_narodnogo_hudozhestvennogo_promysla_gzhel/

ARTISTIC AND STYLISTIC FEATURES AS A NEW ITEM OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE FIELD OF FOLK-ART CRAFTS

Medvedev V.N.

Law Firm "Gorodissky & Partners" Ltd.

Currently, it is important to understand at the doctrinal level the individual author's methods and techniques for making folk arts and crafts, their role in understanding the thematic content of products, assessing their authenticity and artistic value, as well as the author's system of views and spiritual values. This category is the concept of "artistic and stylistic features" (ASF). As a work of art, the folk arts and crafts product represents a phenomenon of traditional culture that lasts over time. And artistic style techniques allow you to identify the ideal settings of the author and thus act as a way to embody them in certain materials and means of production, implemented in certain artistic forms of the work of folk arts and crafts. At the same time, stylistic techniques in the field of folk arts and crafts are characterized by the fact that, on the one hand, they are associated with a certain type of craft and its traditions, and on the other – with the personality of the master and his creative personality. It is concluded that artistic and stylistic features should gain normative consolidation as an object of intellectual property and as one of the fundamental signs of identifying the truth of products of folk arts and crafts, ensuring their recognition as a work of art.

Keywords: intellectual property, art crafts, artistic and stylistic features, objects of intellectual rights, legal protection.

References

1. Federal Law "On folk arts and crafts" dated 06.01.1999 No. 7-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – No. 7. – 15.01.1999.
2. Federal Law "On Amendments to the Federal Law" On Folk Arts and Crafts "dated 25.12.2012 No. 256-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – No. 301. – 28.12.2012.

3. Law of the Kabardino-Balkarian Republic "On folk arts and crafts" dated 03/07/2018 No. 4-RZ [Electronic resource]. – Access mode <http://docs.cntd.ru/document/802054099>.
4. Law of the Moscow region "On folk arts and crafts in the Moscow region" dated 17.11.2000 № 377 / 200-OZ [Electronic resource]. – Access mode <http://docs.cntd.ru/document/5804891>.
5. Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of February 18, 2019 No. 451 "On approval of the regulation on the registration by the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of samples of folk art products of recognized artistic merit on the proposal of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice Russia 07/19/2019 No. 55314) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329521/.
6. Requirements for the classification of style features that characterize the totality of means of artistic expression, techniques of craftsmanship and traditional manufacturing technology of folk arts and crafts, manufactured in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. Approved by order of the Department of Culture of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra No. 38-P-277 dated November 13, 2018 [Electronic resource]. – Access mode: <https://adm.gov86.org/files/2018/econom/prikaz-ob-utverzhdenii-trebovaniy-po-klassifikatsii-stilevykh-osobnostey-izdeliy-nkhp-3.pdf>.
7. Aizenstein, A.K. Style in art / A.K. Eisenstein. – M.: Higher school, 2006.– 198 p.
8. Hegel, GWF Aesthetics: in 4 volumes / GWF Hegel. – M.: Art, 1968. – T. 3, 1971.– 621 p.
9. Hegel, GWF Lectures on aesthetics // Hegel, G. Collected works: In 14 vols. T. 12. – Moscow: SOTSEKGIZ, 1938.– 496 p.
10. Goethe, I. Simple imitation, manner, style // Goethe, I. Collected works: 13 vols. – M.: Fiction, 1937. T. 10. S. 399–403.
11. Grishaev, S.P. Intellectual property: a textbook / S.P. Grishaev. M.: Jurist, 2004.– 480 p.
12. A short dictionary of fine art terms / ed. G.G. Obukhov. – M.: Soviet artist, 1965.– 192 p.
13. Schelling, F. Philosophy of Art / F. Schelling. – M.: Mysl, 1966.– 496 p.
14. Eco, W. Open work. Form and uncertainty / U. Eco. – SPb.: Symposium, 2006.– 408 p.
15. "The state may become the right holder for the production of original folk crafts," – Artem Kavinov. URL: <http://voskresenskoe-adm.ru/news/media/2018/4/4/pravoobladelem-na-proizvodstvo-originalnyih-narodnyih-promyislov-mozhet-stat-gosudarstvo-arterm/>
16. Features of the folk art craft Gzhel. URL: https://farforgzhel.ru/info/o_zavode/muzej_zavoda/osobennosti_narodnogo_hudozhestvennogo_promysla_gzhel/.

Усольцева Наталья Андреевна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет»
E-mail: netali77@list.ru

Усольцев Юрий Михайлович,

доцент кафедры уголовного права и процесса, БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет»
E-mail: yusoltsev@mail.ru

В статье рассматриваются правовые вопросы внедрения и использования чат-ботов в практиках современных компаний. Анализируются вопросы классификации чат-ботов, использования чат-ботов, в том числе в юридической сфере, вопросы ответственности за ошибки, совершенные чат-ботом при оказании услуг, а также возможные перспективы использования чат-ботов. Авторы анализируют юридические риски, с которыми сталкиваются компании при привлечении чат-ботов к оказанию услуг, а также те проблемы, которые уже показали себя при использовании чат-ботов, особенно при работе с персональными данными и конфиденциальными сведениями. В статье представлен перечень известных чат-ботов, работающих по юридическому направлению, которые положительно зарекомендовали себя на рынке профессиональных услуг. В процессе исследования были применены методы дедуктивного и индуктивного логического анализа, описательного метода, сравнительного анализа.

Ключевые слова: чат-боты, искусственный интеллект, субъект права, ответственность.

Изменение современного мира, развитие элементов цифровой цивилизации, несомненно, поднимает вопрос о повсеместном внедрении новых технологий в повседневность. Одно из таких внедрений уже произошло и имя ему – чат-боты. Оперативное получение информации в рамках конкретно сформированного запроса минуя разнообразные человеческие факторы – это то, что привлекает в использовании чат-ботов современные компании. Оценивая ситуацию с внедрением и использованием чат-ботов в отношении с клиентами и контрагентами, несомненно стоит поднять некоторые юридические вопросы, нормативно закреплённого ответа на которые просто нет. Исследование такой темы, как чат-боты, предполагает использование дедуктивного и индуктивного методов, метода логического анализа, описательного метода, сравнительного анализа и прочих методов, позволяющих выявить необходимую информацию и получить практику общения с чат-ботами.

Чат-бот (от англ. – chat-bot) – это компьютерная программа, которая ведёт разговор с помощью слуховых или текстовых методов. Чат-боты, или виртуальные собеседники, используются в диалоговых системах для различных практических целей, включая обслуживание клиентов или сбор информации [1, с. 2–3].

В связи с отсутствием единообразного закреплённого понятия чат-ботов и единых требований к самой технологии чат-ботов, их преимущественными задачами являются анализ информации контекстного спектра, обработка информации с использованием специальных платформ или открытых ресурсов интернета. При этом обязательным можно признать уточнение запросов путем переговоров чат-бота с заказчиком (клиентом, контрагентом) либо загрузка конкретного документа. Итогом работы чат-бота может быть, как личная консультация, так и составленный или переработанный документ. Исходя из названного функционала чат-ботов можно определить следующим: распознавание текстов и голоса на разных языках; анализ устных и письменных сообщений; размещения и сообщения общей и индивидуальной информации для клиентов; работа с общими ресурсами интернета или с индивидуальными платформами и ресурсами (в том числе заказчика или клиента).

Говоря о классификации чат-ботов, основная масса исследователей предлагает деление на простые и сложные. Слепцова Ю.Н. предлагает характеризовать простые чат-боты тем, что они действуют по определенному алгоритму, который включает процессы из списка, в зависимости от запланированного поведения пользователя. Сложные боты базируются на искусственном ин-

теллекте. Их программы способны самостоятельно обучаться в процессе общения. Поэтому сложные боты могут выполнять больше задач, связанных не только с распознаванием смысла текста, но и фото, видео и аудио файлов [2, с. 38–40].

Дополнительно в литературе выделяют два вида классификации: бизнес-классификация чат-бот приложений (разговорные чат-боты; чат-боты ассистенты; чат-боты questions and answers) и классификация чат-бот приложений по техническому типу (чат-боты, основанные на бизнес-правилах; чат-боты, основанные на искусственном интеллекте; гибридные чат-боты) [3, с. 30–33].

К сожалению данное определение и классификация чат-ботов существует исключительно в теории, в нормативном регулировании понятие чат-бота и иные правовые вопросы их использования в правоотношениях не закреплены.

Направления применения чат-ботов в современной практике могут быть весьма разнообразными, существует позиция (уже подтвержденная практикой), что чат-боты могут выполнять даже часть функционала юристов.

Сейчас уже существуют чат-боты, выполняющие функционал работы юридической службы. Сегодня крупные IT-компании, финансовые, страховые и юридические фирмы, альтернативные юридические консультанты, применяют чат-ботов для повышения скорости работы, особенно по простым алгоритмизированным ситуациям, в том числе как механизмы поддержки клиентов. По юридическому направлению чат-боты предлагают юридические консультации, предоставляют конкретные решения для спорных ситуаций, осуществляют работу с юридическими документами. Например, Docubot (создает юридические документы; работает через юридические сайты для поиска и анализа всей информации, которая может потребоваться для генерации документа); LawBot (анализирует юридическую документацию на содержание, смысл и ошибки); RentersUnion (чат-бот для жителей Лондона по аренде жилья); Legalibot (составляет и анализирует юридические документы); Lexi (составляет юридическую документацию) [4]; Visabot (чат-бот, ориентированный на помощь иммигрантам в получении разрешений на въезд в США); LISA (чат-бот – генератор составления соглашений о неразглашении); COnttract INtelligence (программа сопровождения кредитных договоров); робот-юрист от Doogue O'Brien George (онлайн-сервис по юридическим консультациям, в рамках диалога составляется речь для суда); юрист-компьютер Росс от Baker&Hostetler (искусственный интеллект в качестве юриста, специализация – дела о банкротстве); бот-юрист DoNotPay (программа для помощи людям в мелких юридических вопросах) [5].

Для определения правовой сущности чат-ботов стоит отказаться от восприятия их как субъектов отношений. Суть однозначно сводится к программному продукту (программному обеспечению), то есть к объекту правоотношений. Суще-

ствует интересный правовой вопрос – с кем говорит клиент (заказчик, партнер) – с искусственным интерфейсом-справкой или с виртуальным представителем компании? [6]

Даже если отказаться от идеи, что чат-бот – это субъект отношений, то остается статус представителя юридического лица, особенно если общение с чат-ботом происходит путем переписки. Автоматически возникает вопрос – насколько можно рассматривать ответы чат-бота как официальную позицию компании или ее рекомендации по алгоритму поведения клиента в сложившейся ситуации? И главное – кто будет нести ответственность за рекомендации чат-бота, если они привели к неблагоприятным последствиям?

Чат-боты, основанные на искусственном интеллекте, как более технически сложные чат-боты, способные вести полноценный коммуникационный обмен устно или через переписку, признаются полноценным представителем хозяйствующего субъекта и высказанная позиция или алгоритм воспринимается как официальная. К сожалению, даже следование такой инструкции не защищает контрагента от убытков и негативных последствий. Естественно такая ситуация автоматически создает вопросы и об ответственности юридического лица, чьи интересы и представлял чат-бот. Существует ряд нюансов, которые в такой ситуации должны быть отмечены, а именно:

- чат-бот является объектом интеллектуальной собственности (весьма вероятно компания-разработчика);

- при определении степени ответственности юридического лица должна быть определена техническая и функциональная характеристика чат-бота (чем проще чат-бот, тем меньше шансов на привлечение юридического лица к ответственности, так как чат-бот рассматривается исключительно как входящий или справочный интерфейс).

Для полноценного использования чат-ботов в деловых или юридических коммуникациях, компания-пользователь должна разъяснить своим клиентам и контрагентам правила работы с чат-ботами и юридические особенности такой работы. В идеале такая информация должна быть размещена в открытой документации (правила работы с ресурсами, публичная оферта, правила работы с чатом, политика конфиденциальности и др.) [6]. Еще более оптимальным видится использование компанией-пользователем специального инструментария для снятия с себя ответственности при работе с чат-ботом (использование алгоритма уведомления об информационном характере общения или дисклеймера при условии его доступности).

Использование юридических чат-ботов может создавать дополнительные риски, а именно ошибочно сгенерированный документ или ошибочную консультацию, которые могут привести к проигрышу дела, отказу суда в принятии иска, пропуске срока исковой давности, привлечении к административной или уголовной ответственности. При

этом пользование такими сервисами чат-бота для внешних клиентов зачастую является платным. Кто будет отвечать в такой ситуации перед пострадавшей стороной? Варианта представляется два: компания-владелец чат-бота (от чьего имени и была предоставлена услуга); компания-разработчик чат-бота (особенно в контексте исключительных прав на объекты, созданные чат-ботом). Однозначно можно указать, что передача соответствующего программного обеспечения и передает права на его результаты компании, которая будет использовать чат-бот для оказания услуг клиентам или контрагентам (эти вопросы лучше решить в базовом соглашении между заказчиком чат-бота и компанией-разработчиком). Так что единственным вариантом остается компания-владелец чат-бота, то есть субъект, оказывающий услуги. Соответственно и алгоритмами защиты остаются те, что были указаны ранее. Оказание юридических услуг третьим лицам (клиентам, контрагентам) только с использованием чат-ботов, даже при условии, что они усложнены искусственным интеллектом, без подстраховки живыми юристами, может носить исключительно информационный характер или статус разработки типового документа или типового алгоритма. Вся деятельность такой компании должна строиться на оповещениях клиентов о статусе информации и документов, и естественно на системе документов об отказе от претензий и ответственности.

Использование юридических чат-ботов для оказания юридических услуг в рамках профессионального сообщества меньше подвержено рискам, так как получателем услуг являются профессиональные юристы, способные выявить ошибки в представленных консультациях и документах и, соответственно, отказаться от их использования.

Данное правило позволяет предложить в качестве одного из способов минимизации рисков от использования чат-ботов со стороны компании, оказывающей услуги, постоянное внутреннее тестирование информации, предлагаемой чат-ботом, профессиональными юристами.

Естественно это не снимет проблем от утечек персональных данных или иной конфиденциальной информации, которая была сообщена чат-боту для решения конкретной ситуации. Но в данном контексте не имеет значение – консультация проводится ботом или живым юристом, риск утечки данных есть всегда и ответственность должна наступать на общих условиях. Если же задача стоит именно минимизация указанного риска, то запросы чат-боту не должны содержать персональных данных или конфиденциальных сведений либо при включении указанных данных бот должен отказываться в обработке запроса [7].

На современном этапе развития чат-ботов и уже имеющегося опыта использования чат-ботов, он не может полноценно заменить человека, особенно при решении задач, требующих творческого подхода, однако для решения аналитических

задач и работы с типовыми документами (шаблонами) чат-боты могут быть использованы весьма успешно. Работа, предполагающая использование в речи фраз и слов, отошедших от шаблона, или создание оригинального документа (не типового), пока слишком сложны для чат-ботов и требуют вмешательства живого специалиста. Совершенствование технологий искусственного интеллекта несомненно сделает технологии чат-ботов более адаптированными к сфере живого общения и позволит более качественно оказывать услуги по работе с документами.

Литература

1. Параскевов А.В., Каденцева А.А., Мороз С.И. Перспективы и особенности разработки чат-ботов // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2017. № 130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-osobennosti-razrabotki-chat-botov> (дата обращения: 28.07.2020)
2. Слепцова Ю.Н. Автоматизация маркетинговых процессов при помощи чат-бота. // Научный журнал. 2020. № 3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-marketingovyh-protsessov-pri-pomoschi-chat-bota> (дата обращения: 30.07.2020).
3. Ураев Д.А. Классификация и методы создания чат-бот приложений // International scientific review. 2019. № LXIV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-metody-sozdaniya-chat-bot-prilozheniy> (дата обращения: 10.08.2020).
4. 5 полезных чат-ботов для юристов. / Сайт Platforma. – URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/5-poleznykh-chat-botov-dlya-yuristov/> (дата обращения: 25.08.2020).
5. Чатботы-юристы: операции в различных отраслях права: Общая информация. / Сайт Чат-бот для сайта, мессенджеров, соц-сетей. Профессиональная чат-бот платформа для бизнеса. – URL: <https://bot.konveier.com/2018/06/22/chatboty-yuristy-operatsii-v-razlichnyh-otraslyah-prava/> (дата обращения: 25.08.2020).
6. Тарасюк А. Чат-боты как участники правоотношений. / Сайт LEGAL IT GROUP. – URL: <https://legalitgroup.com/ru/chat-boty-kak-uchastniki-pravoотношений-2/> (дата обращения: 30.07.2020).
7. Цшайге Х. Как чат-боты экономят юристам время и деньги. / Сайт Право.ру – URL: <https://pravo.ru/news/218282/> (дата обращения: 20.08.2020).

CHATBOT AS AN ELEMENT OF LEGAL REALITY

Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M.
Surgut State University

The article discusses the legal issues of the implementation and use of chat bots in the practices of modern companies. The issues of the classification of chat bots, the use of chat bots, including in the legal sphere, the issues of responsibility for mistakes made by the

chat bot in the provision of services, as well as possible prospects for the use of chat bots are analyzed. The authors analyze the legal risks that companies face when engaging chat bots to provide services, as well as the problems that have already shown themselves when using chat bots, especially when working with personal data and confidential information. The article presents a list of well-known chat bots working in the legal direction, which have positively proven themselves in the professional services market. During the research, the methods of deductive and inductive logical analysis, descriptive method, comparative analysis were applied.

Keywords: chat bots, artificial intelligence, subject of law, responsibility.

References

1. Paraskevov A.V., Kadentseva A.A., Moroz S.I. Prospects and features of chat bots development // Scientific Journal of KubSAU. 2017. No. 130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-osobennosti-razrabotki-chat-botov> (date accessed: 28.07.2020)
2. Sleptsova Yu.N. Automation of marketing processes using a chatbot. // Science Magazine. 2020. No. 3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-marketingovyh-processov-pri-pomoschi-chat-bota> (date of access: 07/30/2020).
3. Uraev D.A. Classification and methods of creating chatbot applications // International scientific review. 2019. No. LX-IV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-metody-sozdaniya-chat-bot-prilozheniy> (date accessed: 08/10/2020).
4. 5 useful chatbots for lawyers. / Platforma website. – URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/5-poleznykh-chat-bot-ov-dlya-yuristov/> (date accessed: 25.08.2020).
5. Chatbots-lawyers: operations in various branches of law: General information. / Website Chatbot for website, messengers, social networks. Professional chatbot platform for business. – URL: <https://bot.konveier.com/2018/06/22/chatboty-yuristy-operatsii-v-razlichnyh-otraslyah-prava/> (date accessed: 25.08.2020).
6. Tarasyuk A. Chatbots as participants in legal relations. / LEGAL IT GROUP website. – URL: <https://legalitygroup.com/ru/chat-boty-kak-uchastniki-pravootnoshenij-2/> (date accessed: 07/30/2020).
7. Tschaige H. How chatbots save lawyers time and money. / Pravo.ru website – URL: <https://pravo.ru/news/218282/> (date accessed: 20.08.2020).

Актуальные проблемы использования современных носителей информации в доказывании

Евдокимова Валерия Александровна,

адъюнкт, кафедра технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: lera635@yandex.ru

Объектом исследования являются электронные носители информации, содержащие криминалистически значимую информацию для расследования преступлений. Цель исследования состоит в анализе проблемы использования современных электронных носителей информации в уголовном процессе. Цель достигается путем решения следующих задач: приведения актуальной классификации носителей информации, формулирование понятия «электронный носитель информации». Методом исследования является анализ теоретических положений о понятии и видах носителей информации из различных областей знаний. Отмечается, что существующая классификация носителей информации не актуальна и требует дополнения, ввиду появления и распространения новых технологий. Рассмотренные носители информации не исключают возможности использования их в преступных целях и могут хранить в себе криминалистически значимую информацию. В результате исследования предлагается определение «электронных носителей информации» и актуальная их классификация.

Ключевые слова: носитель информации, электронный носитель информации, нематериальный носитель, виртуальный носитель информации, видеохостинг, информация, цифровые доказательства, доказательство.

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития нашей страны являются информационные и коммуникационные технологии, информационное пространство [3; п. 22]. В связи с этим разработка, появление и внедрение новых технологий является необходимым инструментом реализации данной стратегии. В повседневной жизни мы все чаще сталкиваемся с новыми или модернизированными устройствами. К сожалению, преступная среда также не обделена возможностью их использования.

Поэтому в УПК РФ вводится такое понятие как электронный носитель информации, а также разъяснение участникам уголовного судопроизводства порядка работы с такими устройствами [Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»]. Законодатель таким образом хотел упорядочить процесс изъятия электронных носителей, копирования информации с них и порядок возвращения владельцу. Однако, на практике следователи сталкиваются с проблемой вариативности толкования введенных норм.

Законом не разъяснено понятие «электронный носитель информации». В сложившейся ситуации используется определение «электронный носитель», приведенное в п 3.1.9. ГОСТ 2.051–2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения».

Электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Исходя из приведенного выше определения, выделим основные признаки:

- 1) материальный носитель. С развитием технологий увеличиваются объемы данных, в связи с чем набирают популярность облачные хранилища, которые не несут в себе материальной природы. Их сервера могут находиться за пределами государства, но они могут хранить в себе криминалистически значимую информацию.
- 2) осуществляет функции записи, хранения и воспроизведения информации;
- 3) информация представлена в цифровом виде.

В ту же очередь в понятие, закрепленном в УПК, уточнено, что это носитель информации. В соответствии с законом, информация – сведе-

ния (сообщения, данные) независимо от формы их представления [2]. Однако, форма представления информации на электронных носителях более конкретная – представлена в бинарном виде.

Электронные носители информации различны и имеют свою классификацию, которая официально не закреплена, но повсеместно используется специалистами.

Электронные носители информации бывают однократной и многократной записи, что позволяет определить степень достоверности имеющийся информации и вероятность внесения изменений [5].

В повседневной жизни мы сталкиваемся с различными носителями информации: магнитные, оптические, полупроводниковые. Магнитные оптические диски теряют свою актуальность, но можно встретить магнитные жесткие диски. Такие устройства основаны на технологии магнитной записи информации. Разделяют два вида жестких дисков: как составляющая персонального компьютера и внешний жесткий диск.

Оптические электронные носители информации также теряют свою актуальность по причине отсутствия разъемов в современных ПК. Представителями данных носителей являются: DVD, CD-ROM, Blu-ray, HD-DVD, Holographic Versatile Disc и SuperRens Disc.

Наиболее популярными в настоящее время являются полупроводниковые носители информации. В эту группу входят: флеш-накопители, SSD-диски. Карты памяти широко используются в электронных устройствах: телефоны, фотоаппараты, видеокамеры, ноутбука, устройства аудио-записи и др.

Использование приведенных выше носителей информации вошло в повсеместное использование каждым человеком. Но прогресс не стоит на месте и появляются более современные устройства и способы хранения цифровой информации. Цели новых носителей могут быть различны, в том числе и иметь преступную направленность. Например, хранение цифровой информации, местоположение которой не отследить.

Архивы в крупных компаниях представлены в виде цифровой информации и хранятся на сервере, который может находиться в другом городе. Такие возможности уже часто можно встретить и у физических лиц: когда один сервер, хранит информацию с нескольких персональных компьютеров, расположенных в разных квартирах. Это делают для удобства хранения файлов и возможность воспроизведения их в любом месте. Следовательно, такие электронные носители информации могут хранить в себе криминалистически значимую информацию, изъятие которой вместе с носителем невозможно. При этом происходит копирование информации на сторонний носитель, к которому предъявляется ряд требований, обеспечивающих допустимость и достоверность полученной информации при доказывании [4].

Наличие большого объема информации в открытых источниках (Интернет) также не исключает возможность содержания криминалистически значимых фактов, событий для раскрытия преступлений. Однако Интернет не имеет материальной природы, характерной для носителя информации в понимании законодателя.

Подводя итог всему вышесказанному, понятие «электронный носитель информации» требует нормативного закрепления. На наш взгляд целесообразно понимать это следующим образом: электронный носитель информации – это материальная или цифровая среда, предназначенная для записи, хранения, воспроизведения и передачи информации, представленной в бинарном виде.

Яркими представителями новых электронных носителей информации являются облачные хранилища и видеохостинги. Общий признак таких носителей – нематериальная природа. Следовательно, на наш взгляд, существующую классификацию носителей информации необходимо дополнить.

Рассмотрим подробнее нематериальные источники информации с процессуальной точки зрения. При обнаружении криминалистически значимой информации на таких источниках возникает необходимость в ее изъятии. Однако сама информация на стороннем носителе не может быть вещественным доказательством, ввиду отсутствия такой нормы в УПК РФ [1]. На практике изъятая информация с виртуальных носителей информации прилагается к протоколу осмотра. Зачастую это осмотр компьютера либо конкретного веб-сайта. Однако, на наш взгляд, выполнение данного следственного действия некорректно. Законодатель в ст. 176 УПК РФ разъясняет объекты осмотра: «Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов...» [1]. Открытые источники информации, облачные хранилища, видеохостинги не являются ни объектом осмотра.

Решение данной проблемы мы видим в нормативно закреплённом понятии электронного носителя информации, включающего в себя нематериальные (виртуальные) носители информации. Вследствие чего изъятая информация будет являться вещественным доказательством по делу.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
4. Рудакова С.В. Цифровое алиби и цифровые доказательства // Юридический вестник Ку-

банского государственного университета. № 1. 2019. С. 54–59.

5. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 4(82). 2018. С. 54–57.

ACTUAL PROBLEMS OF USING MODERN DATA CARRIERS IN PROOF

Evdokimova V.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikot

The object of research is electronic media containing criminally significant information for the investigation of crimes. The purpose of the research is to analyze the problem of using modern electronic media in criminal proceedings. The goal is achieved by solving the following tasks: providing an up-to-date classification of information carriers, formulating the concept of “electronic information carrier”. The research method is the analysis of theoretical statements about the concept and types of information carriers from various fields of knowledge. It is noted that the existing classification of information

carriers is not relevant and requires additions, due to the emergence and spread of new technologies. The considered data carriers do not exclude the possibility of using them for criminal purposes and can store criminally significant information. As a result of the research, the definition of “electronic data carriers” and their current classification are proposed.

Keywords: media, electronic media, physical media, virtual media, cloud storage, video hosting, information, database, digital evidence, evidence.

Reference

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on July 31, 2020).
2. Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection”.
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”.
4. Rudakova S.V. Digital alibi and digital evidence // Legal Bulletin of the Kuban State University. # 1. 2019. P. 54–59.
5. Talyneva Z.Z., Davydova S.R. On the question of the evidentiary value of audio and video recordings in criminal proceedings // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (82). 2018. P. 54–57.

Уголовно-правовые запреты на преступления, совершаемые в сфере профессиональной медицинской деятельности

Идрисов Наиль Талгатович,

кандидат юридических наук, декан юридического факультета Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: nail070@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы оснований уголовной ответственности медицинских работников в Российской Федерации. В работе обоснован вывод о взаимосвязи правового регулирования медицинской деятельности с ее качеством и безопасностью. Приводятся данные Всероссийского центра изучения общественного мнения по данному вопросу. Рассматриваются конструкции составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг. Актуальность исследования определяется через эмпирический подход, впервые в теории уголовного права представлен анализ уголовно-правовых запретов на врачебные преступления. Автор излагает результаты собственного исследования уголовно-правовых запретов, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые врачами, а также анализ правоприменительной практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшим тяжкие последствия. Сделан акцент на истечении сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности. Автором приводятся результаты опроса шестидесяти трех медицинских работников, сотрудников Следственного комитета РФ, студентов юридических и медицинских вузов, а также анализа тридцати четырех уголовных дел, расследование которых окончилось обвинительным приговором в отношении медицинских работников. Анализируется достижение целей наказания, определенных уголовным законом при привлечении медицинского работника к уголовной ответственности на конкретном примере вступившего в силу приговора суда. Изучается позиция медицинского сообщества относительно вопроса назначения наказания для медицинского работника. В статье обосновывается необходимость назначения медицинским работникам наказания, не связанного с лишением свободы. Автор делает выводы о необходимости существования уголовно-правовых запретов на деяния, совершаемые медицинскими работниками.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, медицинский работник, состав преступления, уголовная ответственность, уголовное наказание, медицинские преступления

Введение

Крайне актуальной в условиях современной российской государственности является проблема качества профессиональной медицинской деятельности. Социологические исследования, проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения в октябре 2018 г., показали, что в российском обществе явно сформирован запрос на социальное благополучие и справедливость. 52% респондентов назвали право на бесплатную медицинскую помощь важнейшей социальной гарантией государства, при этом 42% опрошенных определили контроль за компетентностью врачей основной мерой, способной улучшить качество медицинских услуг в стране [1].

Актуальность указанной проблемы обуславливается и позицией профессионального медицинского сообщества. Президент российского общества патологоанатомов Лев Кактурский в своем докладе в Министерстве здравоохранения Российской Федерации в мае 2019 г. сообщил, что каждому двадцатому умершему пациенту был поставлен неправильный диагноз и назначено ошибочное лечение [2].

Однако, по мнению президента Национальной Медицинской палаты Леонида Рошалья, оценка обществом профессиональной медицинской деятельности подвержена субъективным детерминантам, не связанным с реальным качеством медицинской помощи. «Это [увеличение числа жалоб на медицинских работников – И.Н.] происходит из-за постоянно увеличивающихся требований людей. «К хорошему быстро привыкаешь, другое становится более важным, уже забываешь, что было, поэтому, этот вал жалоб неадекватен, с нашей точки зрения», – отметил он. Еще одной причиной жалоб на медиков он назвал меркантильность: «Когда мы провели исследования, они уже опубликованы, то оказалось, что народ не хочет, чтобы врач сидел в тюрьме, а хочет получить деньги» [3].

Безусловно, проблемы «потребительского терроризма» в медицинской сфере являются злободневными, однако, в сфере уголовного правоприменения подтверждаются узкие места государственного управления медициной, провоцирующие недовольство граждан российским здравоохранением.

Степень разработанности темы исследования. Исследованию данной проблемы посвятили свои научные труды такие ученые, как В.И. Акопов, Е.В. Алферова, И.С. Заборских, С.В. Замалева, В.Н. Кудрявцев, В.В. Кривошеев О.Н. Марты-

нов, Н.И. Пикуров, В.Д. Пристансков, Е.К. Сенокосова, Ю.А. Чернышева, И.В. Чурляева и др.

Целесообразность разработки темы исследования состоит в сложности уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с уголовно-правовой охраной здоровья пациентов.

С учетом изложенного **целью** настоящего исследования является анализ вопроса о целесообразности специальных уголовно-правовых запретов на врачебные преступления. Для реализации данной цели предполагается решение следующих **задач**:

- проанализировать существующие уголовно-правовые запреты, предусматривающие уголовную ответственность медицинских работников
- исследовать различные точки зрения относительно целесообразности введения специальных уголовно-правовых запретов на врачебные преступления;
- с учетом изученных позиций, развивая и дополняя их, сформулировать конкретные выводы и предложения относительно вопроса уголовной ответственности медицинских работников.

Научная новизна исследования заключается в том, что в статье анализируются существующие уголовно-правовые запреты, предусматривающие уголовную ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг, а также рассматривается предложение о введении специальных уголовно-правовых запретов на врачебные преступления.

Теоретическая и практическая значимость работы. Опираясь на различные точки зрения, высказанные в теории и практике уголовного права, разработаны конкретные рекомендации об отсутствии правовых и фактических оснований для введения специальных уголовно-правовых запретов, которые будут способствовать решению проблемы эффективности уголовного преследования и наказания, назначаемого и реализуемого в отношении медицинских работников.

Основная часть

В рамках настоящего исследования в ноябре-декабре 2019 г. нами проведен экспертный опрос лиц с медицинскими и юридическими компетенциями. В качестве респондентов выступили медицинские работники, студенты медицинских вузов, следователи Следственного комитета РФ, студенты Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Всего в опросе приняли участие 63 человека.

Мы задали вопрос респондентам: «Является ли для Вас актуальной проблема качества оказания медицинских услуг?». 82,6% респондентов ответили положительно, указав, что данная проблема является крайне актуальной в регионе их проживания.

Результаты опроса подтвердили неудовлетворительное состояние дел в медицинской сфере. На вопрос: «Как вы оцениваете современное состояние отрасли здравоохранения?» 93,5% опрошенных высказали критическое отношение, дав удовлетворительную и неудовлетворительную оценки, высокие отзывы были редки (лишь 6,5% респондентов).

Указанное положение дел в медицине не могло не отразиться на показателях работы правоохранительных органов, прежде всего Следственного комитета России. Согласно данным ведомства, в 2019 г. в следственные органы Следственного комитета поступило 6599 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи. В 2018 году в ведомство поступило 6623 сообщения, в 2017 году 6050 заявлений по ятрогенным преступлениям [такой термин используется в источнике – И.Н.], в 2016 г. поступило 2516 соответствующих сообщений [4, С. 64].

Профессиональное медицинское и юридическое сообщество, безусловно, волнуют вопросы о противоправности разного рода дефектов оказания медицинской помощи, с точки зрения законодательства в сфере охраны здоровья и уголовного законодательства. Поэтому в настоящей статье поставлена задача определения содержания уголовно-правовых норм, применяемых в отношении медицинских работников, с учетом нормативного регулирования профессиональной медицинской деятельности. Данная задача особенно актуальна для решения проблем уголовного преследования, в первую очередь, сквозь призму такого уголовно-правового явления как квалификация преступлений.

Под квалификацией преступления в теории и практике уголовного права обычно понимают процесс, состоящий в установлении тождества между актом общественно-опасного деяния и конкретной уголовно-правовой нормой [5, С. 25].

Правильная квалификация преступлений есть главный залог справедливости и законности уголовного преследования, вопросы наказания вторичны и зависят от качества профессиональной уголовно-правовой квалификации. Квалификация преступления – это основная познавательная и формально-юридическая функция следователя.

Предлагаю «окунуться» в познавательную деятельность следователя и рассмотреть процесс уголовного преследования врача с точки зрения уголовно-правовой оценки события.

Квалификация преступления, по нашему мнению, состоит из двух этапов: познавательного и формально-юридического [5, С. 32].

Этап познания (гносеологический этап) состоит в профессиональном юридическом изучении события, подлежащего уголовно-правовой оценке. На данном этапе перед следователем стоит задача собрать сведения о юридически-значимых признаках происшедшего с учетом принципа полноты и точности квалификации преступлений.

Безусловно, познание в такой специфичной сфере как уголовное преследование, осуществляется не в произвольном, а в установленном законом порядке.

Первичная (но не по значению, а с учетом достоверности и по объему информации) квалификация деяния медицинского работника осуществляется на стадии возбуждения уголовного дела.

Согласно части 2 статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В соответствии со ст. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), преступлением признается виновно совершенное, общественно опасное, противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Таким образом, познание следователя на стадии проверки состоит в обнаружении сведений об общественной опасности и противоправности деяния медицинского работника.

Следственным подразделениям Следственного комитета РФ на основании Решения коллегии от 15 марта 2019 г. даны следующие указания: «Осуществлять в полном объеме проверку сообщений и расследование уголовных дел о ятрогенных преступлениях для выявления всех противоправных деяний, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи гражданам, а также объективного вывода о виновности или невиновности медицинских работников.

Незамедлительно принимать решение о возбуждении уголовного дела при наличии предусмотренных законом оснований, в том числе в случае невозможности установления в ходе процессуальной проверки обстоятельств смерти пострадавшего.

Организовать в безотлагательном порядке изъятие медицинских документов, допросы потерпевших и другие необходимые следственные действия» [4, С. 34].

Системное толкование настоящих указаний позволяет сделать вывод об обязанности следователя возбуждать уголовное дело при наличии признаков общественной опасности и противоправности, а также о том, что смерть пациента должна рассматриваться обстоятельством, свидетельствующим о безусловной общественной опасности деяния.

Инструментарий познания следователя крайне ограничен при возбуждении уголовного дела, как и непосредственно перед этой стадией уголовного процесса, поэтому нельзя считать, что возбуждение уголовного дела является репрессивной мерой, либо направлено на дискредитацию врача или медицинской организации. Напротив, возможности познания на стадии предварительного расследования намного выше, что обеспечивает принятие законного и обоснованного решения уже в рамках возбужденного уголовного дела, в чем заинтересованы все участники процесса.

В этап познания вовлечены все субъекты уголовного процесса на каждой стадии уголовного

процесса: прокурор осуществляет познание для утверждения обвинительного заключения, суд осуществляет познание для целей справедливого правосудия. При этом следует отметить, что весь механизм уголовного преследования «смотрит» на событие в первую очередь «глазами» следователя. Именно поэтому качественное познание, реализованное следователем, есть необходимая и важнейшая предпосылка законности и справедливости всего уголовного процесса по уголовному делу.

Формально-юридический этап квалификации преступления в литературе именуется также как этап уголовно-правовой оценки или этап поиска необходимой уголовно-правовой нормы [6, С. 90].

На данном этапе происходит сопоставление собранной юридически-значимой информации об акте поведения лица с конкретным уголовным запретом, закрепленным в законе, с использованием конструкции состава преступления.

Например, квалификация деяния по ч. 2 ст. 109 УК РФ предполагает, что следователем должны быть установлены следующие признаки:

1. Смерть пациента;
2. Психическое отношение медицинского работника к смерти пациента через призму волевого и интеллектуального моментов в форме неосторожности;
3. Ненадлежащее исполнение медицинским работником профессиональных обязанностей;
4. Психическое отношение медицинского работника к ненадлежащему исполнению им профессиональных обязанностей;
5. Причинно-следственная связь между актом поведения медицинского работника и наступившим последствием;
6. Психическое отношение медицинского работника к причинно-следственной связи между актом его поведения и смертью пациента.

Первый и пятый признаки для целей квалификации устанавливаются на основании выводов профессиональных судебно-медицинских экспертов.

Представляется, что признак «ненадлежащее исполнение лицом профессиональных обязанностей», имеющий особое значение для целей правильной квалификации медицинских преступлений, также не является сугубо уголовно-правовым.

Формирование цельной, подлежащей применению в каждом конкретном случае уголовно-правовой нормы не ограничивается исключительно предписаниями уголовного законодательства. В случае, если содержание уголовно-правовой нормы дополняют предписания иных нормативных правовых актов, такая норма именуется бланкетной.

Применение бланкетной нормы невозможно без учета предписаний специального, профессионального характера. Иными словами, в рамках уголовного закона установлены лишь общие признаки содеянного.

Что же следует понимать под ненадлежащим исполнением медицинским работником профессиональных обязанностей?

Рассуждая на эту тему, автор настоящей статьи ознакомился с рядом обвинительных заключений и судебных приговоров, где определялся данный признак.

В большинстве процессуальных актов нарушение профессиональных обязанностей врача раскрывается путем указания на нарушение тех или иных ведомственных актов.

Например, Октябрьский районный суд города Кирова признал виновной врача-педиатра в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ при следующих обстоятельствах:

В период с 25.05.2015 г. по 29.05.2015 г. в рабочее время, находясь на рабочем месте в кабинете № 37 Детского клинического центра участковый врач-педиатр Н. при оказании медицинской помощи К. не приняла необходимых мер для обследования и назначения лечения К. с целью диагностики патологических изменений со стороны показателей крови и низкой прибавки массы тела. Н. недооценила тяжесть состояния К. по совокупности патологических изменений, не дала рекомендаций по дальнейшему обследованию и коррекции дозы «Конвулекса». Врач-педиатр проигнорировала полученные ей результаты общего анализа крови К., а также не приняла необходимых мер для своевременного и квалифицированного лечения выявленной у К. тромбоцитопении, что вызвало наступление его смерти. 09.06.2015 г. около 14 часов 30 минут в результате вторичной лекарственной тромбоцитопении на фоне «Конвулекса» наступила смерть в реанимационном отделении Областной детской клинической больницы.

Установленные факты бездействия врача необходимо соотнести с признаком объективной стороны деяния – «ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей». Суд далее указывает: «На этапе амбулаторно-поликлинического наблюдения педиатром Н. нарушена своевременность осмотра специалистами и проведение лабораторно-инструментального обследования ребенка декретированного возраста согласно приказу Минздрава РФ № 1346-н от 25.12.2012 г. «О порядке прохождения несовершеннолетними медицинских осмотров, в том числе при поступлении в образовательные учреждения и в период обучения в них».

Таким образом, суд установил правовое предписание, подлежащее применению при квалификации содеянного, данное правовое предписание дополнило уголовно-правовую норму. Образовалась цельная правовая норма, применяемая при квалификации преступлений, установлено тождество между актом поведения лица и соответствующей правовой нормой. Врач признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, назначено наказание в виде 2 лет ограничения свободы с лишением права заниматься врачебной деятельностью сроком на 3 года.

Изучение процессуальных актов показало, что установление признака «ненадлежащее ис-

полнение профессиональных обязанностей» осуществляется исключительно при помощи медицинских ведомственных правовых актов, то есть право формировать содержание правовой нормы и уголовного запрета в этой части принадлежит профессиональному медицинскому сообществу.

Например, в приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 541н от 23.07.2010 г. установлено: «На врача анестезиолога-реаниматолога возложена обязанность по проведению неотложных мероприятий при различных заболеваниях, острых и критических состояниях различного генеза у взрослых и детей, а также проведение неотложных мероприятий при различных формах шока и шоковых состояний» [7].

Иными словами, при квалификации деяния, например по ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» и ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», предписания Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации будут формировать соответствующие запреты.

Казуальное правовое регулирование находится в руках профессионального медицинского сообщества, никогда не изымалось и не подвергалось сомнению со стороны следственных органов. Также как вопросы об установлении смерти и ее причинной связи с определенным действием или бездействием, вопросы о ненадлежащем поведении медицинского работника относятся к профессиональным медицинским компетенциям.

Заключение

Возможен вывод, что современное правовое регулирование медицинской деятельности является недостаточно качественным, поскольку осуществляется многочисленными, разрозненными, имеющими разную юридическую силу правовыми актами, выступающими источниками правовых предписаний, применяемых при квалификации врачебных преступлений. Систематизация законодательства в сфере охраны здоровья необходима, в том числе в целях ясного понимания границ противоправности разного рода дефектов оказания медицинской помощи и предупреждения рассогласований законодательства в сфере охраны здоровья и уголовного законодательства. Но эта не уголовно-правовая задача, и совсем не для следователей.

Представляется, что современного арсенала уголовно-правовых положений вполне достаточно для решения задач уголовно-правового характера.

По нашему мнению, современные проблемы правового регулирования профессиональной медицинской деятельности отнюдь не связаны с несовершенством уголовно-правовых институтов. Современная медицинская отрасль поражена хроническими болезнями, основными причинами которых являются ошибки государственного регули-

рования этой сферы. В данном контексте верным является утверждение, что врач болеет болезнями пациентов. Так и медицина поражена болезнями общества и государства.

Уголовный закон же должен иметь дело лишь с теми проявлениями медицинского непрофессионализма, которые характеризуются повышенной общественной опасностью. Исключительно уголовно-правовыми средствами проблему ненадлежащего оказания медицинских услуг не решить.

Литература

1. <https://wciom.ru/>. Дата обращения 16.08.2020 г.
2. <http://doctorpiter.ru/articles/21960/>. Дата обращения 16.08.2020.
3. <https://doctorpiter.ru/articles/21735/>. Дата обращения 16.08.2020.
4. Информационный материал к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год». М., 2020.
5. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования. Самара, Издательство АСГАРД, 2015.
6. Наумов А.В., Новиченко А.С. Квалификация преступлений как логическая форма юридической оценки // Правоведение. 1981. № 2.
7. <https://base.garant.ru/12178397/> Дата обращения 10.07.2020 г.

CRIMINAL LAW PROHIBITIONS ON CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF PROFESSIONAL MEDICAL ACTIVITY

Idrisov N.T.

St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article deals with the problems of grounds for criminal liability of medical workers in the Russian Federation. The paper substantiates the conclusion about the relationship of legal regulation of medical activity with its quality and safety. The data of the all-Russian center for the study of public opinion on this issue are presented. The article deals with the construction of the elements of crimes that provide for criminal liability for improper provision of medical services. The relevance of the study is determined through an empirical approach. For the first time in the theory of criminal law, the analysis of criminal law prohibitions on medical crimes is presented. The author presents the results of his own research of criminal law prohibitions that provide for liability for crimes committed by doctors, as well as analysis of law enforcement practice of bringing medical workers to criminal responsibility for the facts of improper medical care that caused serious consequences. Emphasis is placed on the expiration of the Statute of limitations for bringing a person to criminal responsibility. The author presents the results of a survey of sixty three employees of the Investigative Committee of the Russian Federation, students of law and medical schools as well as an analysis of thirty-four criminal cases, the investigation of which resulted in a conviction against medical workers. The article analyzes the achievement of the goals of punishment defined by the criminal law when bringing a medical worker to criminal responsibility on a specific example of a court sentence that has entered into force. The position of the medical community on the issue of sentencing a medical professional is being studied. The article substantiates the necessity of assigning a non-custodial sentence to medical workers. The author draws conclusions about the need for criminal law prohibitions on acts committed by medical workers.

Keywords: criminal prohibition, medical worker, crime, criminal liability, criminal punishment, medical crimes

References

1. <https://wciom.ru/>. Date of treatment 08.16.
2. <http://doctorpiter.ru/articles/21960/>. Date of treatment 08/16/2020.
3. <https://doctorpiter.ru/articles/21735/>. Date of treatment 08/16/2020.
4. Information material for the extended meeting of the board of the Investigative Committee of the Russian Federation "On the results of the work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for 2019 and tasks for 2020". M., 2020.
5. Idrisov N.T. Rules for qualifying crimes: concept, types, problems of legal regulation. Samara, ASGAR Publishing House, 2015.
6. Naumov A.V., Novichenko A.S. Qualification of crimes as a logical form of legal assessment // Jurisprudence. 1981. # 2.
7. <https://base.garant.ru/12178397/> Date of treatment 07/10/2020

Коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок

Морозов Руслан Анатольевич,

аспирант «Югорский государственный университет»

E-mail: moroan2017@yandex.ru

Предметом исследования выступают преступления в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, носящие коррупционный характер. Целью работы является комплексная характеристика коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок. Методология анализа заключается в использовании ряда теоретических аналитическо-правовых методов исследования, как общенаучных, так и специальных. Охарактеризована проблема коррупционных проявлений для национальной экономики. Определены основные предпосылки в сфере публичных закупок и ракурсы проявления коррупции. Доказано различие сущности коррупционных злоупотреблений и коррупционных правонарушений. Определена суть заговора как наиболее распространенного на практике правонарушения и определены его основные признаки. Систематизированы риски коррупции по этапам проведения государственных и муниципальных закупок. Охарактеризованы основные коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок и очерчены векторы их нивелирования, что могут быть использованы в законотворческой и исполнительной деятельности соответствующих субъектов власти и хозяйствования.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, коррупция, коррупционные правонарушения, коррупционные злоупотребления, участники торгов.

Сущность коррупции долгое время остается предметом дискуссий среди ученых из различных сфер – экономисты, юристы, политологи, социологи и др. Общий подход рассматривает коррупцию как корыстное использование своего положения в обществе в личных целях.

Актуальность данного вопроса имеет место еще с древних времен. Первое упоминание о коррупции встречается еще в законах царя Хаммурапи: «§ 5. Если судья разобрал дело, вынес решение и изготовил документ с печатью, а затем решение свое изменил, то этого судью следует изобличить в изменении решения, которое он постановил, и исковую сумму, имевшуюся в этом деле, он должен уплатить в двенадцатикратном размере» [8]. Проблема коррупционных проявлений в советское время не исследовалась, более того не признавалось и даже отрицалось ее существование.

Коррупция в контексте государственной закупки, по существу, заключается в мошенничестве лиц, которые занимаются закупочным процессом, что приводит к экономическим убыткам, наносимым государству участниками процесса закупок.

ООН коррупцию определяет как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных интересах, интересах третьих лиц или групп [1].

Словарь иностранных слов определяет коррупцию как «подкупность и продажность государственных, политических и общественных деятелей, должностных лиц» [8].

Синчурина О.В. считает, что термин «коррупционное преступление в сфере государственных закупок» наиболее точно отражает деяние, выражающееся в противоправном нарушении правил государственных, муниципальных закупок и закупок отдельными видами юридических лиц [3].

Тем не менее понятие коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок так и не получило четкого определения до сих пор. Об этом ранее отмечал В. Лунеев: «Существует много определений, но полной понятности и правовой точности нет» [2, с. 78–79].

Основной предпосылкой коррупции считается обмен взаимными услугами, что, как правило, порождает систему незаконных отношений. За оказанную услугу коррупционер получает взятку в денежной или иной форме. Получатель взятки должен быть наделен определенными властными полномочиями. Это позволяет выделить государственную, бюрократическую и политическую коррупцию.

Значительные объемы средств, находящихся в обороте в сфере государственных и муници-

пальных закупок, создают благоприятные предпосылки для коррупционных правонарушений и злоупотреблений.

Данные термины, на наш взгляд, следует различать. Коррупционное правонарушение предполагает преднамеренное деяние, за совершение которого установлена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. Коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок допускаются как со стороны распорядителей государственных средств, так и со стороны участников торгов.

В случаях, когда невозможно довести преднамеренность нарушения законодательства, хотя результаты закупок указывают на признаки коррупционного заговора, речь идет о коррупционных злоупотреблениях. Законодательные нормы могут нарушаться без злого намерения, в результате недостаточной квалификации участников конкурсных торгов, незнания законодательства, нехватки времени на проведение закупок и т.п.

Признаки коррупции в государственных или муниципальных закупках проявляются в трех ракурсах:

- прямые связи участников между собой;
- неформальные связи;
- конфликт интересов (например, конечный бенефициар компании – победителя тендера может быть служебное или должностное лицо заказчика, которое имеет полномочия относительно предоставления указаний членам тендерного комитета).

Для установления формальных и неформальных связей между участниками закупок необходим анализ структуры их собственности с помощью открытых реестров и баз данных. Неформальные связи можно отследить путем выявления наличия одинаковых телефонных номеров, соседних адресов участников, общих служебных лиц. Источниками служат официальные реестры и поисковые системы.

Наиболее распространенным на практике правонарушением при осуществлении государственных и муниципальных закупок является заговор между участниками закупочных процедур с целью получения преимущества одним из них. Суть заговора состоит в договоре конкурентов до начала торгов о том, кто из них сделает предложение для получения контракта. Другие участники либо воздерживаются от предоставления тендерных предложений, либо предоставляют их по завышенным ценам или заниженным качественным показателям. В дальнейшем победитель рассчитывается с участниками заговора долей полученной прибыли или опосредованно через субподряды.

Основными признаками возможного заговора между участниками публичных закупок следует выделить такие:

- неучастие в торгах некоторых участников рынка без объективных причин;
- высокая вероятность формирования предмета закупки под определенного участника;

- непрозрачность допуска к торгам и отклонения предложений;
- некоторые из участников торгов являются связанными лицами.

На каждом из этапов проведения государственных или муниципальных закупок возникают определенные коррупционные риски (табл. 1).

Таблица 1. Риски коррупции по этапам проведения государственных и муниципальных закупок

Этап проведения закупок	Коррупционные риски
Определение потребностей	утверждение лишних, некачественных или завышенных закупок
Подготовка к тендеру	1. формирование технических требований в пользу определенного участника торгов, через корректировку тендерных документов (неточность спецификаций, подгон их под данные одного из участников)
Выбор подрядчика, подписание договора	обмен конфиденциальной или привилегированной информацией с участником в течение процесса предоставления преимущества над другими участниками торгов
Выполнение контракта	низкое качество товара или работ, их несоответствие техническим требованиям. Другими рисками являются утверждения неоправданных изменений к условиям договора, которые изменяют объем обязательств подрядчика или стоимость договора
Оплата и аудит	коррупционные риски связаны с неправильным ведением бухгалтерского учета или нерациональным использованием средств, мошенничеством или дублированием счетов за товары и несоответствием сертификацией завершения проекта.

[Систематизированы автором]

Схожей позиции придерживается и Хлыстова Н.Б. с Дроздовым В.Ю., считая, что коррупционное преступление в сфере государственных закупок можно классифицировать на виды в зависимости от этапа их осуществления [7, с. 257].

Среди основных коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок следует отметить следующие:

- осуществление закупки без применения предусмотренных законодательством процедур;
- отсутствие годового плана закупок;
- отсутствие необходимых документов или их несоответствие установленным законодательством требованиям относительно оформления;
- несоответствие заключенного договора о закупке отчетам о результатах проведения процедуры закупки и годовому плану закупок;
- осуществление процедур закупки при отсутствии комитета по конкурсным торгам;
- подделка документов членами комитетов конкурсных торгов и участниками процедур закупок;
- завышение объемов и стоимости предмета закупки;

- осуществление закупок по завышенным ценам;
- допущение к оценке предложений конкурсных торгов участников, которые являются связанными лицами с другими участниками процедуры закупки;
- установление непрозрачных и нечетких технических и квалификационных требований документации конкурсных торгов;
- нарушение порядка обнародования/опубликования информации о закупке;
- неправомерное отклонение предложений конкурсных торгов участников процедуры закупки;
- неправомерное определение победителя процедуры закупки.

Рассмотренные правонарушения приводят к созданию почвы для коррупционных действий со стороны заказчиков, которые во время проведения процедур государственных и муниципальных закупок проявляются такими способами:

- участник, который должен выиграть, подает конкурсную документацию в конце, раскрытие его ценового предложения происходит последним, что предоставляет возможность сфальсифицировать результаты торгов;
- тесная взаимосвязь государственных предприятий с частными – за счет выигравшего нужного участника обогащаются представители государственной власти;
- заказчику предоставляется право на исправление арифметических ошибок в ценовом предложении.

Эффективным средством решения отмеченных проблем в сфере государственных и муниципальных закупок в определенной мере может стать имплементация эффективного и апробированного мирового опыта организации государственных закупок.

В частности для устранения таких противоправных действий со стороны участников торгов как заговор в законодательстве развитых западных стран мира установлены жесткие санкции ответственности.

Наиболее четко сформулированный запрет заговора между участниками торгов в законодательстве Канады. Так Раздел 47 Закона о конкуренции Канады прямо запрещает мошенничество с заявками в торгах (*bid – rigging*), которое определяется как загодя договоренные заявки или отказ некоторых из потенциальных участников от участия в торгах. Мошенничество с заявками карается заключением сроком до 5 лет и/или штрафом, размер которого определяется судом [9, с. 895].

Аналогичные нормы содержит и европейское право. Статья 85 Римского Соглашения 1957 г. определяет как несовместимые с принципом общего рынка все соглашения, которые прямо или опосредствовано связаны с фиксацией участниками рынка цен продажи, закупочных цен или других торговых условий. Наказание устанавливается отдельно странами-членами ЕС [9, с. 897–898].

Комплекс средств противодействия коррупции осуществляется в двух направлениях:

- создание эффективной системы нормативных правил, которые будут детально регламентировать потенциально коррупционно опасные этапы процедуры государственных и муниципальных закупок;
- создание четких механизмов контроля за точным соблюдением принятых нормативных правил.

В отношении первого направления следует отметить, что в Российской Федерации действовавший Федеральный Закон № 94-ФЗ [5] достаточно детально регламентировал весь процесс размещения государственного и муниципального заказа. В то же время на фоне антикоррупционных позитивных положений в нем также содержались отдельные этапы и элементы процедуры государственных закупок, которые недостаточно четко были прописаны, имели юридически неоднозначное толкование или были направлены на принятие субъективных решений. Эти пробелы закона давали возможность недобросовестным должностным лицам предпринимать попытки получения незаконного дохода. До момента устранения таких неоднозначных пробелов законодательства использовались внутриведомственные регламенты (инструкции). Сменивший его ФЗ № 44 [6] устранил наработанные практикой применения пробелы и неоднозначности, однако не решил в полной мере все правовые проблемы.

Система противодействия коррупции связана с таким принципом, как прозрачность. Соблюдение этого принципа должно быть обдуманно с учетом специфики предмета государственных закупок. Прозрачность и доступность информации относительно проведения государственных и муниципальных закупок влияет на всю их систему, так как обеспечивается привлечение значительного числа участников конкурсов и соответственно ведет к увеличению конкуренции. Кроме этого, принцип прозрачности способствует значительному снижению расходов на проведение мониторинга в сфере государственного заказа.

Таким образом, злоупотребления во время расходования бюджетных средств и отсутствие механизмов контроля общественности за процессом осуществления государственных и муниципальных закупок приводят к неэффективному использованию бюджетных средств, росту расходов бюджета и, как следствие, к деформации механизмов конкуренции в экономике и ухудшению инвестиционного климата в стране. Кроме деморализующих последствий она приводит к чрезмерным расходам, неэффективности и искривлению конкурентной среды, существенно влияя на основные функции государства и общества, в том числе на экономическое развитие. Именно поэтому публичные закупки были и остаются одной из сфер хозяйственной деятельности, которая характеризуется высокими коррупционными рисками, и требуют выработки действенного механизма его нивелирования.

Литература

1. Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях от 16 декабря 1996 г.
2. Лунеев В. Коррупция, учтённая и фактическая // Государство и право.– 1996.– № 8. – С. 78–79.
3. Синчурич О.В. Понятие коррупционных преступлений в сфере закупок и их классификация // Государственная служба и кадры.– 2019.– № 1. – С. 125–129.
4. Словарь иностранных слов / под ред. А.С. Мельничука. – К.: Главная редакция «Украинская советская энциклопедия», 1974.– 776 с.
5. Федеральный Закон «О размещении заказов на поставку товаров, выполнения работ, предоставления услуг для государственных и муниципальных потребностей» от 25 июля в 2005 г. № 94-ФЗ.
6. Федеральный Закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 года N44-ФЗ.
7. Хлыстова Н. Б., Дроздов В.Ю. Коррупционное преступление в сфере государственных закупок: понятие, место в системе должностных преступлений и классификация // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве.*– 2019.– № 1 (8). – С. 250–257.
8. Хрестоматия по истории Древнего Востока. // Т. 1. Перевод В.А. Якобсона в частичной обработке А.А. Немировского. – М., 1980.
9. Church, Jeffrey R. Industrial organization: A strategic approach / Jeffrey Church, Roger Ware. – McGraw Hill, 2000.– 926 p.

CORRUPTION OFFENSES IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Morozov R.A.

Ugra state University

The subject of the research is corruption-related crimes in the field of procurement to meet state and municipal needs. The aim of the work is a comprehensive description of corruption offenses in the field of state and municipal procurement. The methodology of the analysis consists in the use of a number of theoretical analytical and legal research methods, both general scientific and special. The problem of corruption manifestations for the national economy is characterized. The main prerequisites in the field of public procurement and perspectives of manifestation of corruption are determined. The difference between the essence of corruption abuses and corruption offenses is proved. The essence of the conspiracy as the most widespread offense in practice is determined and its main features are determined. The risks of corruption have been systematized by stages of state and municipal procurement. The main corruption offenses in the field of state and municipal procurement are characterized and vectors of their leveling are outlined, which can be used in the legislative and executive activities of the relevant subjects of power and business.

Keywords: public procurement, municipal procurement, corruption, corruption offenses, corruption abuses, bidders.

References

1. United Nations Declaration on the Fight against Corruption and Bribery in International Business Transactions of December 16, 1996.
2. Luneev V. Corruption, considered and factual // State and law.– 1996. – No. 8. – S. 78–79.
3. Sinchurin OV Concept of corruption crimes in the sphere of procurement and their classification // State service and personnel.– 2019. – No. 1. – S. 125–129.
4. Dictionary of foreign words / ed. A.S. Melnichuk. – K.: Main edition of «Ukrainian Soviet Encyclopedia», 1974.– 776 p.
5. Federal Law «On placing orders for the supply of goods, performance of work, provision of services for state and municipal needs» dated July 25, 2005 No. 94-FZ.
6. Federal Law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» dated April 5, 2013 N44-FZ.
7. Khlystova NB, Drozdov V. Yu. Corruption crime in the field of public procurement: concept, place in the system of malfeasance and classification // Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space.– 2019. – No. 1 (8). – S. 250–257.
8. Reader on the history of the Ancient East. // Т. 1. Translation by V.A. Yakobson in partial processing by A.A. Nemirovsky. – М., 1980.
9. Church, Jeffrey R. Industrial organization: A strategic approach / Jeffrey Church, Roger Ware. – McGraw Hill, 2000.– 926 p.

Салмина Светлана Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
экономической теории и регионального развития
Челябинского государственного университета
E-mail: salmina_1969@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем материально-финансового обеспечения органов прокуратуры в первой половине 1920-х годов. Источниковую базу исследования составляют архивные документы начального периода советской истории. На основе анализа архивных документов автором предпринята попытка отражения объективных исторических реалий того времени. В статье исследованы вопросы становления и дальнейшего развития органов прокурорского надзора в советский период. Основное внимание автор уделяет экономическому положению прокуратуры в период ее организационного становления. Проблема материально-финансового обеспечения являлась наиболее актуальной для вновь созданного надзорного органа. В период строительства советской государственной системы финансовые приоритеты отдавались партийному и советскому аппарату, отраслям тяжелой промышленности. Такая ситуация порождала финансирование прокуратуры по остаточному принципу и, как следствие, низкий уровень заработной платы, дефицит квалифицированных кадров, проблему транспортного обеспечения, материально-технической базы.

Ключевые слова: наркомат юстиции, экономическое положение прокуратуры, юстиция, народный суд, органы следствия и дознания.

Попытка всестороннего анализа экономического статуса института прокуратуры в первой половине 1920-х годов представляет несомненный интерес для исследования истории правоохранительных органов. Кропотливая работа с архивными источниками и исторической литературой позволила осветить материальные условия деятельности прокуратуры и воссоздать во многом объективную картину экономической действительности того времени. В целом, формирование института прокуратуры в советский период российской истории тесным образом связано с новой экономической политикой. В условиях многообразия форм собственности прокуратура должна была стать одним из эффективных инструментов государственного контроля над частным сектором экономики. Как известно, дискуссия о путях создания прокуратуры, проходившая с января по май 1922 года, окончилась победой В.И. Ленина, Д.И. Курского, Н.В. Крыленко и их сторонников, выступавших за независимость прокуратуры от органов местной власти [14, с. 34]. 28 июня 1922 года было принято Положение о прокурорском надзоре, согласно которому в составе Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) была учреждена Государственная Прокуратура [4, с. 14].

Материальное положение и условия работы органов прокурорского надзора впервые стали предметом обсуждения на Всероссийском совещании прокуроров, которое состоялось 25 июля 1922 года в Народном Комиссариате Юстиции. В ходе этого исторического совещания «был заложен фундамент прокуратуры, о функциях и формах организации которой было так много суждений», – писал Ежедневник советской юстиции [2, с. 26]. Открывая совещание, нарком юстиции Д.И. Курский назвал прокуроров «первыми застрельщиками в борьбе за законность» [2, с. 26]. В протоколе совещания отмечалось, что обсуждение реализации контрольно-надзорных функций прокуратуры, в частности, необходимости постоянного контроля над всеми органами следствия и дознания, не вызвали у участников никаких сомнений. Пристальное внимание собравшихся было приковано к проблеме создания материальной базы, необходимой для нормального функционирования вновь созданного государственного института. Особенно это интересовало прибывших в столицу представителей региональных органов юстиции [4, с. 36].

Несмотря на то, что наркомат юстиции ставил перед собой задачу сконцентрировать в органах прокуратуры профессиональную юридическую элиту, материально-финансовое положение прокуратуры в ходе совещания характеризовалось как неудовлетворительное. Во многом такой кон-

статации способствовало тяжелое экономическое положение народных судов, о чем прекрасно знали новоиспеченные прокуроры, поскольку в подавляющем большинстве были выходцами из судебной системы.

Это обстоятельство было связано с крайне неблагоприятной социально-экономической обстановкой в стране. Как известно, X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 года, принял решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике, что предполагало ряд преобразований в экономической и социальной сферах.

Материальное положение органов юстиции напрямую зависело от реализации мероприятий нэпа. В свою очередь, успешному проведению в жизнь новой экономической политики препятствовали многие объективные факторы, прежде всего, такие, как экономическая блокада страны и послевоенная хозяйственная разруха. В этих условиях чрезвычайно трудно было противостоять стихийным бедствиям. Летом 1921 года 25 хлебопроизводящих губерний Советской России поразила сильнейшая засуха. Голод в Советской России 1921–1922 годов известен как один из самых опустошительных в мировой истории.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на экономическое положение органов юстиции, включая прокуратуру, явилось то обстоятельство, что при переходе к новой экономической политике был объявлен курс на удешевление государственного аппарата. В целях экономии расходов на содержание государственных учреждений милиция и судебно-следственный аппарат были переведены на средства местных бюджетов. Но местные бюджеты, в свою очередь, располагали столь скудными средствами, что оказались не в состоянии удовлетворить даже самые насущные потребности органов юстиции и милиции.

Судебным деятелям, многие из которых впоследствии пополнили прокурорский корпус, представлялось, что выходом из затруднительного материального положения может стать использование взыскиваемых судом штрафов и сборов для удовлетворения нужд местных органов юстиции и милиции. Но государство категорически запрещало губернским исполнительным комитетам это делать. Всероссийское Совецание прокуроров постановило добиться пересмотра этого решения сначала на уровне наркомата юстиции, впоследствии – в Совнаркоме [2, с. 28].

Таким образом, внедрение в экономику страны рыночных механизмов, повлекшее за собой перевод органов юстиции на местный бюджет, отразилось на работе суда и милиции исключительно негативным образом. Более того, среди государственных чиновников оно породило абсурдное представление о том, что правоохранительная система должна и может существовать за счет самокупаемости.

Между тем, ситуация, когда следователь, работавший не только в удаленной сельской мест-

ности, но и в крупном губернском городе не имел возможности выехать на место совершения преступления из-за отсутствия транспортных средств, представляла собой обыденное явление. Таким образом, соблюдение процессуальных норм, устанавливающих порядок и сроки расследования преступлений, являлось невыполнимой задачей. Поскольку надзор за деятельностью судебно-следственного аппарата был возложен на прокуратуру, ей приходилось разделять с ним ответственность за все имеющиеся недостатки в работе. По свидетельствам современников, надежды на оказание материальной помощи были связаны, в основном, с местными органами власти. Но, как правило, руководящие работники исполкомов весьма неохотно откликались на нужды судебно-следственных аппаратов, поскольку рассматривали их как нечто «выходящее за пределы местных интересов» [11, с. 1192].

Весьма скромная материальная помощь, которую оказывали судам местные органы власти, представляла собой системное явление и стала следствием принципиальной недооценки роли судов вопреки официальной позиции партийных и советских инстанций. Проблемы, связанные с материально-финансовым обеспечением правоохранительной системы в начале 1920-х годов, в силу вышеупомянутых причин приобрели настолько серьезный характер, что многие представители прокурорского и судебного корпуса, а также работники милиции в письменной и устной форме неоднократно высказывали радикальные идеи о тотальном сокращении и даже ликвидации правоохранительных учреждений [7]. Прокуратура с первых дней своего существования была обязана предъявлять строгие требования к эффективности деятельности всех поднадзорных органов, но это, по свидетельствам самих прокуроров, не представлялось возможным именно по причине тяжелого материального положения, в котором они находились.

Тем не менее, в «Общем обзоре деятельности прокуратуры» за 1923 год отмечалось, что прокуратура стала уже «значительно окрепшим, твердо вставшим на ноги государственным органом, занявшим определенное место в государственном аппарате» [11, с. 1192]. Во многом это объяснялось личным энтузиазмом представителей молодого прокурорского корпуса, которые, не считаясь с личным временем и тяжелыми обстоятельствами службы, воплощали в жизнь идею борьбы с преступностью.

Руководители прокуратуры на местах весьма болезненно переживали материальные затруднения подчиненных, о чем свидетельствуют их многочисленные обращения в наркомат юстиции. «Если центр не предпримет в ближайшем будущем шагов, мы столкнемся с массовым желанием уйти из прокуратуры, чтобы не дискредитировать и себя, и учреждение», – сообщал в Отдел Прокуратуры наркомата юстиции Тверской областной прокурор [11, с. 1193]. Аналогичную тенденцию от-

мечали прокуроры Владимирской, Череповецкой и Гомельской областей. Прокурор Ярославской области писал в Москву о том, что рост цен на потребительские товары и минимальные ставки заработной платы, не достигающие прожиточного минимума даже у руководства, вынудили судебных работников организовать артель по погрузке и выгрузке товаров и заготовке дров [11, с. 1193]. Рязанский прокурор описывал случаи, когда один из его помощников истерически рыдал в его кабинете, обращаясь с просьбой уволить его, так как «вечные недоедания при напряженнейшей работе сделали его инвалидом, а второй помощник просил о покупке брюк, не имея возможности посещать службу» [11, с. 1193].

Аналогичные проблемы были характерны не только для центральных и западных регионов страны, но и для Урала и Сибири. Так, прокурор Томской области указывал на деградацию аппарата прокуратуры в связи с отсутствием минимального материального обеспечения. Аналогичные сведения содержались практически во всех донесениях с мест, поступавших в Отдел Прокуратуры наркомата юстиции. Прокуроры на местах сравнивали размеры собственной заработной платы и заработной платы своих подчиненных со ставками, существовавшими в других бюджетных организациях. В то время как обычная ставка губернского прокурора составляла 40–45 золотых рублей, ставки руководителей финансовых, продовольственных, земельных органов, органов РКИ доходили до 100–120–150 рублей [11, с. 1193]. Наркомат юстиции соглашался с тем, что о сравнении заработной платы сотрудников прокуратуры с заработной платой работников хозрасчетных организаций не могло быть и речи. «Конечно, не приходится сравнивать обеспеченность прокурорского надзора и служащих органов, состоящих на хозрасчете, где курьер и машинистка получают вдвое больше помощника прокурора», – констатировал Еженедельник советской юстиции в 1923 году [11, с. 1193].

Однако камень преткновения составлял не только низкий уровень прокурорских зарплат. Проблемы, связанные с недостатком материально-финансового обеспечения, возникали практически каждый день. В частности, необходимо было поддерживать постоянную связь губернских и областных центров с прокурорскими участками, находившимися в уездах. Но наркомат юстиции отмечал, что финансовые средства на транспортные расходы отсутствуют в прокуратурах Калужской, Северо-Двинской и Томской губерний [11, с. 1193]. Тем более, в центре не всегда располагали исчерпывающими сведениями о ситуации на местах. К примеру, та же картина наблюдалась в Челябинской и Вятской губерниях.

Один из работников прокуратуры Вятской губернии позже вспоминал: «Территория каждого уезда была весьма значительной, с многочисленным населением. Расстояние от уездного города до волостных исполкомов было немалым, а доро-

ги были плохими и прокуратуры не имели своего конного транспорта» [12, с. 40]. Прокурор Челябинской губернии Д.Ф. Татаркин, обращаясь с письмом к Прокурору Республики Д.И. Курскому, также сетовал на «скудость средств, дальность расстояния, отсутствие хорошей связи» [10]. Прокурор Новгородской губернии информировал наркомат юстиции о том, что не имеет средств на приобретение новых бухгалтерских книг, стоимость которых вдвое превышала сумму отпущенных на месяц кредитов. Помимо всего прочего, отсутствовала возможность оплаты коммунальных услуг, поэтому прокурорским работникам часто приходилось трудиться без освещения и отопления. По той же причине прокуроры были вынуждены отказываться от выписки газет, периодических изданий, приобретения специальной литературы. Особенно тяжело приходилось работникам низового аппарата – участковым помощникам прокуроров. При всем недостатке профессионализма, которого в то время не хватало буквально всем чиновникам государственного аппарата, именно они поддерживали ту самую «тесную связь с населением» [11, с. 1193], на которой постоянно акцентировал внимание наркомат юстиции.

Принцип социальной справедливости был нарушен по отношению ко всем, без исключения, работникам прокуратуры, что выражалось в неадекватной оценке их труда по сравнению с другими категориями занятого населения. Однако прокурорский корпус, помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей, не только последовательно преодолевал собственные материальные затруднения, но еще и брал на себя заботу о благосостоянии поднадзорных органов. Именно в первые годы нэпа начала складываться практика материального стимулирования наиболее ценных и профессионально подготовленных сотрудников органов внутренних дел.

Приоритет, как правило, отдавался сотрудникам уголовного розыска, которые периодически получали премии либо в виде дополнительных денежных средств (как правило, в губернских городах), либо в виде выдачи продовольствия (в уездах). Однако все эти меры носили паллиативный характер и не могли привести к качественному повышению уровня материально-финансового обеспечения органов внутренних дел. Для достижения этой цели требовался перевод нарсудов, нарследователей и милиции на финансирование из государственного бюджета, что было сделано только в 1928 году.

Таким образом, неблагоприятное материальное положение, связанное с экономическими трудностями страны – последствиями гражданской войны, хозяйственной разрухи, катастрофического по своим масштабам голода 1921–1922 гг., стало одной из главных проблем периода становления прокуратуры в советский период. Тяжелые с материально-финансовой точки зрения условия повседневной работы прокуратуры во многом препятствовали формированию квалифицированного

кадрового состава и не позволяли в сжатые сроки повысить эффективность прокурорского надзора, как этого требовал наркомат юстиции.

Вместе с тем необходимо отметить, что прокуратура находилась в более благоприятных экономических условиях, нежели другие правоохранительные органы, поскольку финансировалась из федерального бюджета. В свою очередь, милиция и судебно-следственный аппарат, полностью материально зависимые от местных властей, преимущественно именно по этой причине оказывались не в состоянии эффективно выполнять свои функции. К тому же, прямая материальная зависимость от местных органов власти не позволяла объективно вершить правосудие в отношении ее представителей. Ситуация изменилась к лучшему лишь в 1928 году, когда органы юстиции, а также милиция были переведены на централизованное финансирование.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов уровень материально-финансового обеспечения сотрудников прокуратуры оставался достаточно низким по сравнению с другими категориями занятого населения страны. Хотя тотальный дефицит самого необходимого – канцелярских принадлежностей, мебели, служебного транспорта и так далее со временем был преодолен, государство не считало целесообразным расходовать значительные средства на содержание органов прокурорского надзора, отдавая финансовые приоритеты отраслям тяжелой промышленности, а также содержанию советского и партийного аппарата. Изучение опыта тех лет позволяет составить объективное представление об экономическом положении прокуратуры в период ее формирования и тех проблемах, которые являлись прямым следствием недостатка финансирования из центра.

Очевидно, что финансирование органов прокуратуры по остаточному принципу во многом препятствовало созданию системы эффективного надзора за законностью в сжатые сроки, как это было задумано правительством. По свидетельствам архивных документов, личный энтузиазм представителей молодого прокурорского корпуса в центре и на местах, их преданность идее борьбы с преступностью и защиты законных прав и интересов граждан позволил прокуратуре завоевать доверие широких слоев населения.

На данном этапе общественного развития материальные трудности прокуратуры остались в прошлом. Но анализ архивных документов показывает, что правозащитные функции, эффективно выполняемые органами российской прокуратуры независимо от их экономического положения в разные периоды российской истории, были заложены в первой половине 1920-х годов.

Литература

1. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995.– 640 с.

2. Вопросы юстиции на Всероссийском совещании прокуроров // Ежедневник советской юстиции.– 1922.– № 29. – С. 26–29.
3. Звягинцев, А.Г., Орлов, Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.– 536 с.
4. История советской прокуратуры в важнейших документах / Под ред. К.А. Мокичева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.– 573 с.
5. Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. Учебник для вузов по специальности «История». – М.: РГГУ, 1994.– 418 с.
6. Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000.– 361 с.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп.1. Д.515. Л.94.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-324. Оп.1. Д.388. Л.176.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1. Оп.1. Д.26. Л.1.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-277. Оп.1. Д.158. Л.102.
11. Общий обзор деятельности прокуратуры в 1923 г. // Ежедневник советской юстиции.– 1923.– № 51. – С. 1192–1196.
12. Палкин, К. Первые шаги // Социалистическая законность.– 1971.– № 9. – С. 40.
13. Салмина, С.Ю. Прокуратура Челябинской области: прошлое и настоящее, 75 лет. – Челябинск: ООО «Авто Граф», ИД «Губерния», 2008.– 304 с.
14. Салмина, С.Ю. Прокуратура Челябинской области: Очерки истории. – Челябинск: Каменный пояс, 2001.– 352 с.
15. Советская прокуратура. История и современность / Под ред. Р.А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1977.– 278 с.
16. Рохлин, В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс», 2003.– 305 с.
17. Щепетев, В.И. История государственного управления в России: Учебник. – СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс», 2004.– 555 с.

ECONOMIC SITUATION OF PROSECUTOR'S OFFICES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Salmina S. Yu.
Chelyabinsk State University

The article deals with the research problems of the Prosecutor's offices material and financial support in the first half of the 1920s. The source base of the study is made up of archival documents from the initial period of Soviet history. The author basing on the analysis of archival documents, is making an attempt to reflect the objective historical realities of that time. The author examines the issues of the formation and further development of prosecutorial supervision bodies in the Soviet period. We pay the main attention to the prosecutor's office economic situation during the period of its organizational formation. For the newly created supervisory authority the problem of material and financial support was the most urgent. Financial priorities were given to the party and Soviet apparatus, to the branches

of heavy industry during the construction of the Soviet state system. This situation caused the financing of the prosecutor's office on a residual principle and resulted in the low wages, the shortage of qualified personnel, the problem of the transport, of the material and technical base.

Keywords: people's Commissariat of justice, economic situation of the Prosecutor's office, justice, people's court, investigation and inquiry bodies.

References

1. Vladimirovsky-Budanov, M.F. Review of the history of Russian law. – Rostov-on-Don: Publishing house "Phoenix", 1995.– 640 p.
2. Questions of justice at the All-Russian meeting of prosecutors // Weekly Soviet Justice.– 1922. – No. 29. – P. 26–29.
3. Zvyagintsev, A.G., Orlov, Yu.G. Sentenced by time. Russian and Soviet prosecutors. XX century. 1937–1953 – M.: ROSSPEN, 2001.– 536 p.
4. History of the Soviet prosecutor's office in the most important documents / Ed. K.A. Mokicheva. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1952.– 573 p.
5. Korzhikhina, T.P. The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991. Textbook for universities in the specialty "History". – M.: RGGU, 1994.– 418 p.
6. Kudryavtsev, V.N., Trusov, A.I. Political justice in the USSR. – M.: Nauka, 2000.– 361 p.
7. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. P-77. Op. 1. D.515. L.94.
8. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. P-324. Op. 1. D.388. L. 176.
9. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. R-1. Op. 1. D.26. L.1.
10. United State Archives of the Chelyabinsk Region. F. R-277. Op. 1. D.158. L.102.
11. General overview of the activities of the prosecutor's office in 1923 // Weekly Soviet Justice.– 1923. – No. 51. – P. 1192–1196.
12. Palkin, K. First steps // Socialist legality.– 1971. – No. 9. – P. 40.
13. Salmina, S.YU. Prosecutor's Office of the Chelyabinsk Region: past and present, 75 years. – Chelyabinsk: LLC "Auto Graf", Publishing House "Guberniya", 2008.– 304 p.
14. Salmina, S.YU. Prosecutor's Office of the Chelyabinsk Region: Essays on history. – Chelyabinsk: Stone Belt, 2001.– 352 p.
15. Soviet prosecutor's office. History and Modernity / Ed. R.A. Rudenko. – Moscow: Legal Literature, 1977.– 278 p.
16. Rokhlin, V.I. Prosecutor's supervision and state control: history, development, concept, correlation. – SPb.: Publishing house "Legal Center-Press", 2003.– 305 p.
17. Shchepetev, V.I. History of Public Administration in Russia: Textbook. – SPb.: Publishing house "Legal Center-Press", 2004.– 555 p.

Правоохранительная деятельность прокуратуры, по обеспечению защиты хозяйствующих субъектов, в делах о несостоятельности (банкротстве)

Смирнов Артем Иванович,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Saumlaki2000@mail.ru

В работе раскрыты аспекты деятельности прокуратуры по обеспечению защиты хозяйствующих субъектов, в делах о несостоятельности (банкротстве). Обращено внимание на перечни подлежащих защите прав и законных интересов различных субъектов и возможности ее обеспечения в правоохранительной деятельности прокуратуры. Указаны недостатки действующего законодательства, обоснована необходимость законодательно закрепить за прокурорами право участия в рассмотрении дел о несостоятельности (банкротства) для защиты прав граждан и публичных интересов, а равно как, в целях предотвращения правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства), а также сформировать организационно-методические условия совершенствования такой деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность прокуратуры, защита хозяйствующих субъектов, дела о несостоятельности (банкротстве), участие прокурора в арбитражном процессе, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство.

В настоящее время, активный исследовательский интерес вызывает такой аспект прокурорской деятельности, как правоохранительная деятельность по вопросам защиты прав и законных интересов экономических субъектов – субъектов хозяйственной деятельности [1].

В условиях, когда многочисленные нарушения регулярно фиксируются в рамках производства по делам о несостоятельности (банкротстве) хозяйствующих субъектов [2, с. 79–88], вмешательство в них органов прокуратуры может рассматриваться как важнейшее и результативное направление правоохранительной и правозащитной деятельности.

Процедуры несостоятельности (банкротства) в социально-экономических отношениях характеризуются высокой значимостью, поскольку позволяют обеспечить устойчивый характер функционирования предпринимательской среды с максимальным учетом широкого круга заинтересованных сторон, включая работников предприятий, их контрагентов и многих других [3, с. 12–13]. При этом ликвидация предприятий, по замыслу, не является самоцелью инициации процедуры несостоятельности (банкротства) – во всех случаях, если имеется возможность успешной реализации мер по восстановлению платежеспособности субъектов предпринимательской деятельности и возврату к нормальному функционированию бизнеса, а также к его сохранению.

В рамках правоохранительной деятельности по обеспечению защиты хозяйствующих субъектов, в делах о несостоятельности (банкротстве), в современных условиях развития рыночных отношений, органы прокуратуры Российской Федерации призваны обеспечить одновременно защиту и охрану прав и законных интересов следующих субъектов:

– собственников (владельцев) хозяйствующих субъектов, в отношении которых инициирована процедура несостоятельности (банкротства). В первую очередь, следует понимать, что такой инструментарий может быть использован в контексте осуществления недобросовестной конкуренции (для устранения конкурентов), а также в качестве средства осуществления рейдерского захвата бизнеса [4, с. 62–64], что получает широкое распространение в настоящее время. Пользуясь законными и квази-законными основаниями, а также, подчас, отношениями и связями криминального характера, недобросовестные лица имеют возможность возбудить производство по делам о несостоятельности (банкротстве), завершив его в собственных интересах – устранив конкурента или вынудив его

передать право контроля над бизнесом на завещано невыгодных для себя условиях (рейдерский захват). Нарушения интересов собственников могут иметь место также в тех случаях, когда попытка рейдерского захвата является внутренней (например, процедура несостоятельности (банкротства) инициируется по основаниям, в отношении которых имеет место сговор других собственников и менеджеров предприятия и/или третьих лиц). Наконец, при формальном рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) в арбитражных судах, интересы собственников также могут быть нарушены при недостаточном изучении возможности компенсации причиненного вреда со стороны непрофессиональных менеджеров, доведших хозяйствующее лицо до ликвидации по данному основанию (что особенно актуально для крупных публичных лиц, например, с множественностью акционеров). Не лишним будет упомянуть и то обстоятельство, что интересы владельцев могут быть нарушены при необоснованном препятствовании восстановлению нормального функционирования бизнеса в рамках процедур несостоятельности (банкротства), которое может иметь множество причин – от формального отношения уполномоченных лиц к проведению процедуры, некачественной работы конкурсных управляющих, до злоупотреблений со стороны заинтересованных субъектов;

- контрагентов – кредиторов хозяйствующих субъектов, в отношении которых возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). В их отношении может иметь место множество нарушений прав и законных интересов, в том числе проявляющихся в «обычных» условиях, то есть в рамках легальных процедур банкротства, не относящихся ни к случаям криминальной или квазикриминальной конкурентной борьбы, ни к случаям умышленного доведения до банкротства собственниками или менеджментом предприятий. Так, в частности могут иметь место формальные или умышленные нарушения прав; действия собственников по уменьшению конкурсной массы такие как (продажа активов предприятия по заниженной стоимости – производственных линий предприятия (станки, оборудование), имущественного комплекса (земельные участки с объектами недвижимости), списание дебиторской задолженности и т.д.); действия кредиторов, направленных на создание фиктивных требований; отказ от санации бизнеса в пользу признания хозяйствующего субъекта банкротом при наличии возможностей восстановить платежеспособность и заинтересованности в этом фактического кредитора. Интересы таких кредиторов могут аналогично собственникам (владельцам) хозяйствующих субъектов быть затронуты, а права – нарушены, при фиктивных и преднамеренных банкротствах. Однако, в некоторых случаях, напротив, законные интересы кредиторов могут быть нарушены при применении санации

вместо реального банкротства, а также при отказе в возбуждении процедуры несостоятельности (банкротства), в том числе, когда владельцами и/или менеджерами фактически несостоятельных хозяйствующих субъектов удаётся в кратчайшие сроки после этого «вывести» значительную часть имущества, подлежащих обращению в конкурсную массу;

- работников предприятия, проходящего процедуру несостоятельности (банкротства), во всех случаях, когда неблагоприятный исход в виде фактической утраты рабочего места мог быть обратимым, но не стал таковым.

Множество, порой, противоречивых и при этом, защищаемых законом интересов заинтересованных сторон процесса несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов, предопределяет сложность правоохранительной деятельности прокуратуры по защите данных интересов.

Прокуратура современной Российской Федерации располагает значительным потенциалом по содействию в решении данных вопросов, – кадровым обеспечением, возможностями интегративного вмешательства в процедуры и процессы с идентификацией правонарушений, имеющих признаки преступлений. Юридические и подчас, экономические знания компетентных прокурорских работников, в свою очередь, могут успешно способствовать преодолению дефицита соответствующей грамотности у представителей хозяйствующих субъектов, а также у иных лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены при производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц.

Особый случай составляет защита со стороны органов прокуратуры интересов хозяйствующих субъектов как таковых – обезличенных от интересов владельцев и менеджеров, однако представленных широким спектром публичных и частных интересов лиц, заинтересованных в максимально справедливом и законном рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), которые могут не иметь достаточных полномочий для вступления в дело, или не располагают достаточными юридическими познаниями, или же не имеют соответствующих организационных ресурсов. Защита широких публичных – государственных и общественных – интересов также осуществляется предпочтительно силами прокуратуры, выступая в числе важнейших целей ее деятельности [5, с. 67].

Проблематику правоохранительной деятельности прокуратуры по направлению усугубляет то обстоятельство, что обязательное участие прокуроров в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) не предусмотрено ни в соответствии с арбитражно-процессуальным законодательством Российской Федерации, ни в соответствии с федеральным законодательством о несостоятельности (банкротстве), ни в соответствии с законодательством о прокуратуре и прокурорском надзоре.

В литературе высказываются соображения о необходимости участия прокуроров в рассмо-

трени отдельных категорий дел о несостоятельности (банкротстве) [6, с. 76], с которыми представляется целесообразным согласиться:

- многие из представленных выше интересов, возникающие у широкого круга субъектов, относятся к сфере общественных и/или государственных интересов; несовершенства и/или нарушения законодательства в рамках производства по делам о несостоятельности (банкротстве) хозяйствующих субъектов, де-факто, затрагивают права и законы конкретных граждан – собственников предприятий (включая контрагентов – кредиторов), наемных руководителей и работников. Особняком в данной ситуации также выступает и проблематика защиты экономических интересов государства, которые во всех случаях страдают, когда имеет место фиктивное или преднамеренное банкротство, в том числе, в целях рейдерского захвата, а также все случаи несовершенства процедуры несостоятельности (банкротства), когда ее конечные результаты не способствуют достижению целей и задач обеспечения стабильности в функционировании предпринимательской деятельности. В контексте сказанного, представляется исключительно важным подчеркнуть, что защита прав граждан, интересов общества и государства входит в целевую сферу современной правозащитной деятельности российской прокуратуры;
- участие прокурора в производстве по вопросам несостоятельности (банкротства) могло бы способствовать целям предупреждения преступлений и иных правонарушений в данной сфере. В частности, отсутствие фактического участия прокурора в арбитражном процессе по вопросам несостоятельности (банкротства) хозяйствующих субъектов остро диссонирует с карательной, по сути, ролью прокуратуры при реализации мер уголовной и административной ответственности за нарушения действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве).

В соответствии со ст. 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7, с. 687] прокурор обладает полномочием возбуждать дело об административном правонарушении по отдельным составам, перечисленным в КоАП РФ, принимать участие при рассмотрении таких дел и обжаловать принимаемое решение. Кроме того, прокурор вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, предусмотренном КоАП РФ.

Таким образом, хотя прокуроры и наделены правом возбуждения дел об административных правонарушениях по ряду административных составов в данной сфере (в том числе при осуществлении надзора за соблюдением действующего законодательства о банкротстве) ч. 4 статьи 14.13 КоАП РФ [7, с. 311], а также активного участия в уголовном преследовании за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, между тем, они не могут отстаивать публичные интересы и в определенных

случаях – защищать хозяйствующие субъекты по делам о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном процессе что, помимо прочего, могло бы способствовать своевременной идентификации правонарушений в данной сфере, включая те, которые несут признаки преступлений;

- ретроспективное законодательство Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве), законодательство отдельных государств Евразийского Союза (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения) предусматривало – и предусматривает (применительно к упомянутым странам) право прокурора на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом в определенных случаях, прежде всего тех, которые в российской правовой системе рассматриваются как преднамеренное и фиктивное банкротство, признаки сокрытия банкротства и др. [6, с. 78–79; 8, с. 272–273].

В настоящее время, соответствующая защита интересов хозяйствующих субъектов осуществляется в рамках общего надзора (в том числе за законностью в деятельности судов, органов публичной власти и самих хозяйствующих субъектов), правоохранительной деятельности (при пресечении противоправных деяний в экономической сфере, в том числе в рамках производства по делам о несостоятельности (банкротстве), при противодействии рейдерским захватам с применением указанных процедур), а также при рассмотрении заявлений и иных обращений хозяйствующих субъектов.

Между тем, без законодательного закрепления за прокурорами права участия в рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) для защиты прав граждан (работников предприятий), хозяйствующих субъектов и публичных интересов, а также в целях предотвращения правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства), возможности правозащитной деятельности прокуратуры в рассматриваемой сфере, по нашему мнению, в полной мере не будут реализованы.

В пример выше сказанному в рамках законодательной инициативы предлагается внести изменения в действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 года N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [9], а именно:

Статья 34 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) – лица участвующие в деле о банкротстве. Помимо уже указанных участников (должник, конкурсный кредитор, арбитражный управляющий, уполномоченный орган), дополнить – органы прокуратуры.

Статья 35 о несостоятельности (банкротстве) – лица, участвующие в арбитражном процессе по делу о банкротстве. Помимо уже указанных участников дополнить – органы прокуратуры.

Соответствующую работу также следует развивать и на организационно-методическом уровне, развивая методики надзорной и правоохранительной работы прокуратуры в части выявления правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства), при сокрытии банкротства, а так-

же методологию (наставления), связанную с учетом баланса публичных интересов в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве). Важным подспорьем в данных процессах выступила бы инициативная подготовка методологии идентификации и оценки ключевых дополнительных показателей экономического состояния и влияния внешних и внутренних факторов на несостоятельность (банкротство) хозяйствующих субъектов, в целях недопущения злоупотреблений правами и законными интересами в данной сфере.

Таким образом, деятельность по обеспечению защиты хозяйствующих субъектов, в делах о несостоятельности (банкротстве) выступает важным направлением правоохранительной деятельности прокуратуры в экономической сфере, для развития, которого видится необходимым законодательно закрепить за прокурорами право участия в рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), для защиты прав граждан, хозяйствующих субъектов и публичных интересов, а равно как, в целях предотвращения правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства), а также сформировать организационно-методические условия совершенствования такой деятельности.

Литература

1. Карпов К.Н. Цели, задачи и объекты прокурорской деятельности // Закон и право.– 2018.– № . 12. – С. 135–138.
2. Козаев Н. Ш., Бархатова Е.Н. Основные нарушения, допускаемые в ходе процедуры банкротства, и их отличие от уголовно наказуемых деяний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.– 2020.– № . 1 (92). – С. 79–88.
3. Мотькин Р.В. Социальные аспекты развития института арбитражного управления в Российской Федерации // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия.– 2019. – С. 12–16.
4. Трофимов О. В., Кирюченкова В.А. Рейдерство в банкротстве как угроза экономической безопасности бизнеса // На страже экономики.– 2020.– № . 1. – С. 62–65.
5. Ковалев А.А. Защита прокурором публичных интересов в арбитражном процессе // Юридическая наука.– 2019.– № . 4. – С. 67–70.
6. Добrorез И.А. Прокурор в делах о несостоятельности (банкротстве) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.– 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 77–82.
7. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N195-ФЗ (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>) (ред. от 31.07.2020) // СПС Консультант Плюс;

8. Чулкинов К.А. Современные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах // Крымские юридические чтения.– 2016. – С. 271–274.
9. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N43, ст. 4190, «Парламентская газета», N209–210, 02.11.2002, «Российская газета», N209–210, 02.11.2002 // СПС Консультант Плюс;

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE TO ENSURE THE PROTECTION OF BUSINESS ENTITIES IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Smirnov A.I.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The paper reveals aspects of the prosecutor's office activities to ensure the protection of business entities in insolvency (bankruptcy) cases. Attention is drawn to the lists of the rights and legitimate interests of various subjects subject to protection and the possibility of ensuring it in the law enforcement activities of the prosecutor's office. The shortcomings of the current legislation are indicated, the need to legislatively secure for prosecutors the right to participate in the consideration of insolvency (bankruptcy) cases in order to protect the rights of citizens and public interests, as well as, in order to prevent violations in the field of insolvency (bankruptcy), is justified, as well as to form organizational and methodological conditions for improving such activities.

Keywords: law enforcement activities of the prosecutor's office, protection of business entities, insolvency (bankruptcy) cases, participation of the prosecutor in the arbitration process, fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy.

References

1. Karpov K.N. Goals, tasks and objects of prosecutor's activity // Law and law.– 2018.– № . 12. – S. 135–138.
2. Kozhaev N. S., Barkhatova E.N. The main violations committed during the bankruptcy procedure, and their difference from criminal acts // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.– 2020.– № . 1 (92). – S. 79–88.
3. Motkin R.V. Social aspects of the development of the institution of arbitration management in the Russian Federation // Scientific forum: jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy.– 2019. – S. 12–16.
4. Trofimov O.V., Kiryuchenkova V.A. Raiding in bankruptcy as a threat to the economic security of business // On the guard of the economy.– 2020.– № . 1. – S. 62–65.
5. Kovalev A.A. Protection of public interests by the prosecutor in the arbitration process // Legal science.– 2019. – No. 4. – S. 67–70.
6. Dobroroz I.A. Prosecutor in cases of insolvency (bankruptcy) // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences.– 2015 – T. 1 (67). № . 4. – P. 77–82.
7. «Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» dated 30.12.2001 N195-FZ (published on the Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>) (as amended on 31.07.2020) // SPS Consultant Plus.
8. Chuklinov K.A. Modern problems of prosecutorial supervision over the implementation of tax legislation // Crimean legal readings.– 2016. – S. 271–274.
9. Federal Law of 26.10.2002 N127-FZ (as amended on 31.07.2020) «On insolvency (bankruptcy)» // The original text of the document was published in the editions «Collected Legislation of the Russian Federation», 28.10.2002, № 43, Art. 4190, «Parlamentskaya Gazeta», № 209–210, 02.11.2002, «Rossiyskaya Gazeta», № 209–210, 02.11.2002 // SPS Consultant Plus.

Стандарты досудебного освобождения обвиняемых в США: значение и основные идеи

Булыгин Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
E-mail: av_bulygin@mail.ru

Булыгина Юлия Ярославовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, гражданского и арбитражного процессов, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
E-mail: y_bulygina@ugrasu.ru

Бровина Анна Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент гуманитарного института североведения, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
E-mail: a_brovina@ugrasu.ru

Перманентная трансформация российского законодательства невозможна без качественной оценки всех вносимых изменений. Российские и зарубежные законодатели и исследователи находятся в поиске оптимальных моделей досудебного производства в целом и системы мер пресечения, в частности. Особое внимание, в этой связи, необходимо уделить сопоставлению достоинств и недостатков применяемых в самых разных национальных правовых системах принципов и условий решения вопроса об обеспечении надлежащего поведения обвиняемого. В статье предпринята попытка освещения широко применяемых в досудебной практике США стандартов досудебного освобождения, подготовленных Американской ассоциацией адвокатов, в части используемых принципов, ключевых идей и презумпций. Предложенный материал, как представляется, позволит предметнее рассуждать о перспективах совершенствования мер пресечения в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: досудебное освобождение, залог, принципы уголовного процесса, стандарты уголовного правосудия, обвиняемый, задержание.

В Соединенных Штатах Америки пристальное внимание уделяется регулированию и практике досудебного производства в уголовном процессе в целом, и институту досудебного освобождения, в частности. Досудебное освобождение становится предметом исследований самых разных социальных наук с тем, чтобы обеспечить действительное достижение цели максимального освобождения обвиняемого при одновременно максимальном обеспечении его явки в суд, а также общественной безопасности. После проведения в 1964 году Национальной конференции по вопросам залога и уголовного правосудия и принятия в 1966 году закона о реформе системы залога различные организации в США начали выпускать стандарты, предназначенные для решения соответствующих вопросов досудебного освобождения и содержания под стражей на национальном уровне. Результатом такой работы являются формируемые и публикуемые стандарты передовой практики досудебного освобождения и содержания под стражей, которые основаны, с одной стороны, на нормативных требованиях, с другой – на проводимых исследованиях, для разработки конкретных рекомендаций о том, как организовывать процесс досудебного освобождения.

Первооткрывателем в этом вопросе (1968 г.) была Американская ассоциация адвокатов (АВА), за ней последовали Национальный консультативный комитет по уголовному правосудию, Национальная ассоциация окружных прокуроров и, наконец, Национальная ассоциация агентств досудебного производства (NAPSA). Стандарты NAPSA, в частности, содержат важные подробные положения, касающиеся целей и функций досудебных служб.

Особое место среди указанных стандартов занимают стандарты АВА (American Bar Association Standards for Criminal Justice, Pretrial Release, далее – стандарты АВА) [1]. Их превосходство основано, в том числе, на том, что они «отражают консенсус во взглядах представителей всех сегментов системы уголовного правосудия» [2], в которую входят прокуроры, адвокаты, ученые и судьи, а также различные организации, такие как Национальная ассоциация окружных прокуроров, Национальная ассоциация адвокатов по уголовным делам, Национальная ассоциация генеральных прокуроров, Министерство юстиции США, Ин-

ститут управления правосудием. Стандарты АВА были процитированы более чем в 120 заключениях Верховного суда США, примерно в 700 заключениях федеральных окружных судов, в более чем 2400 заключениях верховных судов штатов. К 1979 году большинство штатов пересмотрели свои статуты, чтобы внедрить какую-то часть стандартов, и многие суды использовали эти стандарты для внедрения новых судебных правил [3].

В первую очередь стандарты фиксируют в качестве ключевой цели решения вопроса о досудебном освобождении обеспечение надлежащей правовой процедуры для обвиняемых, поддержание честного судебного процесса путем обеспечения защиты обвиняемых перед судом, а также защиту потерпевших, свидетелей и общества от угроз, опасности или иного вмешательства. Судья по итогам рассмотрения вопроса должен решить, освободить ли обвиняемого под подписку о невыезде или ничем не обеспеченное обязательство о явке, освободить обвиняемого с одним или несколькими условиями, временно задержать обвиняемого или заключить его под стражу в соответствии с процедурами, изложенными в стандартах. Стандарты АВА исходят из идеи о том, что лишение свободы до суда является жесткой мерой, обвиняемым приходится сталкиваться с экономическими и психологическими трудностями, что мешает им защитить себя и во многих случаях лишает их поддержки семьи, поэтому стандарты направлены на ограничение обстоятельств, при которых может быть разрешено досудебное заключение под стражу.

В развитие первого принципа стандартов следует презумпция необходимости освобождения обвиняемых при наименее ограничительных условиях, необходимости рассмотрения возможности участия обвиняемого в программах реабилитации и иных альтернативных вариантов освобождения. При принятии решения о досудебном освобождении судья должен назначить наименее ограничительные условия освобождения, которые разумно обеспечат присутствие обвиняемого в судебных заседаниях и защиту общества, потерпевших, свидетелей или любого другого лица. Такие условия могут включать возложение обязанности лечиться от наркомании, участвовать в программах реабилитации или другие альтернативы до принятия решения судом. Для достижения указанных целей суд должен иметь в своем распоряжении широкий спектр программ или вариантов содействия досудебному освобождению на условиях, обеспечивающих достижение необходимых целей, и должен иметь возможность разрабатывать варианты освобождения, соответствующие рискам и особым потребностям обвиняемых. Когда имеющиеся в распоряжении судьи возможности недостаточны для достижения целей досудебного освобождения, обвиняемые могут быть заключены под стражу с соблюдением установленных процедур. Как отметил судья Ренквист в своем решении по делу «США против Салерно»: «в нашем обществе свобода является нормой, а содержание

под стражей до суда – тщательно ограниченным исключением» [4, с. 755].

Презумпция о том, что обвиняемые должны быть освобождены при наименее ограничительных условиях, необходимых для обеспечения разумной уверенности в том, что они не будут бежать или представлять опасность, тесно связана с презумпцией, благоприятствующей освобождению в целом. Она была кодифицирована в законе о реформе системы залога и законе округа Колумбия об освобождении и предварительном заключении под стражу, а также в законах и судебных регламентах ряда штатов. Презумпция представляет собой принципиальное суждение о том, что ограничение свободы обвиняемых должно осуществляться в ситуациях, когда оно безусловно необходимо и обусловлено обстоятельствами конкретного дела. Кроме того, из этой презумпции вытекает признание того факта, что необоснованное содержание под стражей налагает излишнее финансовое бремя как на общество, так и на обвиняемого.

Презумпция освобождения при наименее ограничительных условиях создает предпосылки реализации третьего принципа – приоритетного использования полицией обязательств о явке или повесток вместо задержания на стадиях, предшествующих первой явке в суд по делам, связанным с незначительными правонарушениями. При определении того, является ли преступление незначительным, учитывается, было ли предполагаемое преступление связано с применением или угрозой применения силы или насилия, владением оружием или нарушением судебного решения, защищающего безопасность людей или имущества.

Пункт 10–1.4 стандартов АВА раскрывает последовательность рассмотрения вопроса об условиях досудебного пребывания обвиняемого. Так, Стандарт предусматривает, что каждая юрисдикция должна разрабатывать процедуры, призванные способствовать освобождению обвиняемых под подписку о невыезде или на условиях необеспеченного залога (*unsecured bond*). Следует оговориться, что в контексте данной статьи под необеспеченным залогом понимается обязательство обвиняемого о явке, которое предусматривает условие о выплате определенной суммы в случае, если он не явится в установленном порядке в суд. Стандарты подчеркивают желательность разработки юрисдикциями методов сбора информации, позволяющих судьям получать сведения, обеспечивающие принятие наиболее взвешенных решений. Когда освобождение под подписку о невыезде является невозможным по причине риска недостижения указанных выше целей, стандарты АВА рекомендуют использовать конституционно допустимые нефинансовые условия освобождения, например, возложение обязанности на обвиняемого по регулярному информированию уполномоченного правоохранительного органа, ограничение передвижения, запреты на посещение определенных террито-

рий или помещений, запреты на владение любым опасным оружием и т.д.

Использование финансовых механизмов досудебного освобождения допустимо только тогда, когда никакие иные условия не гарантируют явку. При принятии решения об использовании залога, суд должен исходить из необходимости его установления на самом низком уровне, необходимом для обеспечения явки обвиняемого, и с учетом финансовых возможностей обвиняемого разместить соответствующую сумму. При этом стандарты АВА прямо оговаривают, что залог не должен использоваться для решения проблем общественной безопасности, а судье не следует устанавливать такие финансовые условия освобождения, которые приводят к заключению обвиняемого под стражу исключительно из-за его неспособности платить.

Стандарты АВА подчеркивают важность мониторинга обстоятельств и статуса обвиняемых. Факторы, которые могли иметь отношение к первоначальному решению о содержании под стражей, могут измениться, например, обвинения могут быть уменьшены или сняты, могут быть улучшены жилищные условия, или станет доступным наблюдение со стороны третьих лиц. Кроме того, стандарт устанавливает правило о приоритете рассмотрения тех дел, обвиняемые по которым находятся под стражей.

Особое внимание в стандарте уделяется характеру предъявленного обвинения как фактору принятия решений на досудебном этапе. Отмечается, в частности, что судья должен проявлять осторожность, чтобы не придавать чрезмерного значения характеру обвинения при принятии решения о досудебном освобождении, за некоторыми исключениями. Так, п. 10–5.8 стандартов АВА предусматривает, что только обвиняемые в опасных или насильственных преступлениях или, в некоторых случаях, в других серьезных преступлениях, могут рассматриваться как подлежащие содержанию под стражей, а для обвиняемого в употреблении или хранении наркотиков, может быть уместно введение требования о тестировании на наркотики или об участии в программе консультирования или лечения наркомании.

Обстоятельства совершения некоторых преступлений (известные люди в качестве потерпевших или обвиняемых, большое количество жертв и т.д.) приводят к серьезному общественному резонансу и давлению на суды в виде требований немедленного заключения под стражу, или, наоборот, освобождению обвиняемых. Стандарты АВА в п. 10–1.8 выражает важный принцип, согласно которому такого рода давление, явное или скрытое, абсолютно недопустимо. Решения суда должны основываться исключительно на фактах и обстоятельствах, позволяющих адекватно оценивать риск неявки обвиняемого и его опасность для общества.

Политика, благоприятствующая досудебному освобождению и избирательному использованию

предварительного заключения, неразрывно связана с явным признанием необходимости безопасного надзора за большим числом обвиняемых в обществе до вынесения решения по их делам. Чтобы быть эффективной, такая политика требует достаточных информационных и организационных ресурсов в виде специализированных досудебных служб.

В штатах досудебные службы могут действовать под эгидой судов, исправительных учреждений или отделов пробации, либо они могут быть отдельными некоммерческими организациями. Они варьируются по размеру от небольших подразделений до крупных департаментов в крупных городах. Независимо от места нахождения учреждения они должны выполнять функции сбора и анализа информации, мониторинга и надзора, оценки рисков и, в соответствии с политикой суда, подготовки рекомендаций в отношении конкретных обвиняемых, для принятия судом решений о досудебном пребывании обвиняемого. При подготовке рекомендаций учитываются возможности реабилитации, лечения или других альтернативных программ. Кроме того, досудебные службы выполняют функции надзора за всеми лицами, освобожденными до вынесения судебного решения, содействуют обвиняемым явке в суд и незамедлительно информируют суд обо всех явных нарушениях условий досудебного освобождения.

Изложенный материал, будучи кратким обзором некоторых стандартов уголовного правосудия в части досудебного освобождения, позволяет сформулировать предложение о необходимости оценки качества и глубины нормативного регулирования и правоприменительной практики избрания мер пресечения в уголовном процессе России посредством обобщения факторов, влияющих на выбор меры пресечения. Думается, что стандартизация факторов и последовательности принятия решений об избрании мер пресечения во многом соответствует духу континентальной системы права, и имплементация даже ее отдельных элементов позволит вывести работу судов, следователей, прокуроров и адвокатов на новый уровень. К тому же, использование отдельных идей, отмеченных в статье, позволит наполнить конкретным содержанием тезис, изложенный в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 7 о том, что «решая вопрос об избрании меры пресечения и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсудить возможность применения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления любой категории иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения».

Литература

1. American Bar Association Standards for Criminal Justice, Pretrial Release, (3rd ed. 2007). [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/>

publications/criminal_justice_standards/pretrial_release.pdf (дата обращения: 20.09.2020 г.);

2. Martin Marcus, The Making of the ABA Criminal Justice Standards, Forty Years of Excellence, 23 Crim. Just. (Winter 2009).
3. Timothy R. Schnacke, Fundamentals of Bail: A Resource Guide for Pretrial Practitioners and a Framework for American Pretrial Reform (NIC2014) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://s3.amazonaws.com/static.nicic.gov/Library/028360.pdf> (дата обращения: 20.09.2020 г.);
4. United States v. Salerno, 481 U.S. 739 (1987).

STANDARDS FOR PRETRIAL RELEASE OF ACCUSED PERSONS IN THE UNITED STATES: MEANING AND BASIC PRINCIPLES OF FORMATION

Bulygin A.V., Bulygina Yu.Y., Brovina A.V.
Yugra State University

Permanent transformation of Russian legislation is impossible without a qualitative assessment of all changes made. Russian and foreign legislators and researchers are searching for optimal models of pre-trial proceedings in General and the system of preventive mea-

asures in particular. In this regard, special attention should be paid to comparing the advantages and disadvantages of the principles and conditions applied in various national legal systems to address the issue of ensuring the proper conduct of the accused. The article attempts to highlight the standards of pre-trial release widely used in the US pre-trial practice, prepared by the American bar Association, in terms of the principles used, key ideas and presumptions. The proposed material, it seems, will allow us to discuss in more detail the prospects for improving preventive measures in the Russian criminal process.

Keywords: pretrial release, bail, principles of criminal procedure, standards for criminal justice, accused, detention.

References

1. American Bar Association Standards for Criminal Justice, Pretrial Release, (3rd ed. 2007). [Electronic resource] – Access mode: URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/criminal_justice_standards/pretrial_release.pdf (date of access: 20.09.2020);
2. Martin Marcus, The Making of the ABA Criminal Justice Standards, Forty Years of Excellence, 23 Crim. Just. (Winter 2009).
3. Timothy R. Schnacke, Fundamentals of Bail: A Resource Guide for Pretrial Practitioners and a Framework for American Pretrial Reform (NIC2014) [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://s3.amazonaws.com/static.nicic.gov/Library/028360.pdf> (date accessed: September 20, 2020);
4. United States v. Salerno, 481 U.S. 739 (1987).

Особенности системы источников права, регулирующих принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам, в странах англо-саксонской правовой семьи

Миняйленко Николай Николаевич,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: minialenko@mail.ru

Зеничев Николай Андреевич,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: nzenichev@gmail.com

В настоящей статье авторами анализируется система источников права, регулирующих принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам в Великобритании, США и Канаде. Анализ производится в целях определения реально существующего уровня различий между романо-германской и англо-саксонской правовыми семьями в сфере гражданского процесса и того, насколько данные различия мешают заимствованию положительного зарубежного опыта в целях совершенствования отечественного законодательства. Проводится авторский анализ сочетания норм прецедентного и статутного права в рамках регулирования исполнения судебных решений по гражданско-правовым спорам с учетом особенностей исторического развития и административно-территориального деления каждой из изучаемых стран. На основе исследования авторы приходят к выводу о высокой степени фрагментарности и разрозненности законодательства в сфере принудительного исполнения судебных решений по гражданско-правовым спорам, в особенности в рамках федеративных государств, но одновременно с этим делается вывод о низкой фактической доли обычного права в данной сфере, что позволяет положительно оценить возможность заимствования позитивного опыта и эффективных правовых институтов из стран англо-саксонской правовой семьи, несмотря на существующие базовые различия.

Ключевые слова: англо-саксонская правовая семья, принудительное исполнение, Правила гражданского судопроизводства, источники права, США, Канада

Несмотря на существующую в последние десятилетия тенденцию на сближение англо-саксонской и романо-германской правовых семей [1, с. 28–32] до настоящего времени отечественные правоведы сдержанно оценивают возможности по заимствованию иностранного юридического опыта и правовых конструкций из стран англо-саксонской правовой семьи для совершенствования российского законодательства в сфере гражданского процесса. При этом в качестве препятствий для эффективного заимствования указывают такие отличительные черты англо-саксонской правовой семьи как слабовыраженное отраслевое деление системы права и выделение в качестве основного источника права судебного прецедента.

В рамках настоящей статьи мы проведем сравнительно-правовое исследование законодательства Великобритании, США и Канады в сфере принудительного исполнения судебных решений по гражданско-правовым спорам в целях изучения реального влияния отличительных черт англо-саксонской правовой семьи на систему источников права в сфере гражданского процесса в данных странах и потенциал заимствования положительного зарубежного опыта.

Начнем с правовой системы Англии и Уэльса как основы англо-саксонской правовой семьи. Что естественно для стран англо-саксонской правовой семьи, в Англии и Уэльсе не существует аналога Гражданского процессуального кодекса в понимании юристов романо-германской правовой семьи. Источников гражданского процессуального законодательства множество, среди которых к основным относятся статуты, издаваемые Парламентом, и судебная практика. При этом следует отметить, что несмотря на глубокие реформы в сфере гражданского процесса отдельные нормы прецедентного права XIX века до сих пор действуют в английском праве.

Подобная ситуация с сильно фрагментированным законодательством к концу XX начала серьезно затрудняла доступ к правосудию. В соответствии с опросом, проведенным в 1995 году Национальным советом потребителей, 3 из 4 опрошенных, которые участвовали в судебных разбирательствах по гражданским делам были не удовлетворены судебной системой [2, р. 331–332]. Правительство поручило Лорду Вулфу, хранителю свитков (председатель Апелляционного суда) изучить состояние дел в сфере гражданского процесса и провести необходимые реформы. В своем докладе Лорд Вулф выделил четы-

ре основных проблемы правосудия по гражданским делам в Англии и Уэльсе: длительные сроки осуществления правосудия, слишком большие затраты на осуществление правосудия, слишком обширное и противоречивое законодательство и ограниченный доступ к правосудию [3]. Подробное изучение реформ, проведенных Лордом Вульфом не представляет интереса в рамках данной статьи, однако, одним из важнейших последствий проведенных реформ стало появление Правил гражданского судопроизводства (Civil Procedure Rules) (далее- ПГС) 1998 года, которые вступили в действие 26 апреля 1999 года, став, по словам отдельных авторов, самым сильным изменением в английском праве за столетие [4, р. 516]. Правила гражданского судопроизводства – достаточно нетипичный документ для английского права, так как в первой же статье он провозглашает: «Настоящие правила являются новым процессуальным кодексом (These Rules are a new procedural code) и действительно в нем собраны нормы, регулирующие процедуру рассмотрения и разрешения дел в Апелляционном суде, Высоком суде и Суде графств» [5]. При этом ПГС состоят из частей, количество которых постоянно увеличивается, изначально в ПГС было 51 часть, но в настоящий момент их количество составляет 89. Большинство частей также содержат в себе практические указания (practice directions), в которых подробно раскрываются конкретные процедуры. В контексте законодательства, регулирующего принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам нас интересуют части ПГС: 40, с 70 по 74, 81, с 83 по 85 и 89 с сопутствующими практическими указаниями, в которых раскрываются вопросы принудительного исполнения судебных решений и приказов, а также конкретные меры принудительного исполнения.

Часть 40 ПГС посвящена общим положениям о судебных решениях и приказах, часть 70 ПГС раскрывает общие правила принудительного исполнения судебных решений и приказов, в частности в ней раскрываются такие понятия как «взыскатель», «должник». Практические указания к части 70 ПГС содержат описание всех основных методов принудительного исполнения и процедуры передачи судебного решения или приказа для принудительного исполнения в суд другого уровня. Часть 71 и практические указания к ней посвящены институту судебного приказа на получение информации от должника. Часть 72 и практические указания к ней содержат положения о судебном приказе об обращении взыскания на права требования. Часть 73 – судебному приказу о наложении ареста. Часть 74 посвящена принудительному исполнению иностранных судебных решений и судебных решений, вынесенных в других юрисдикциях на территории Великобритании. Часть 81 регулирует производства, связанные с институтом неуважения к суду (Contempt of Court), который используется в том числе и в сфере принудительного исполнения судебных решений по граж-

данско-правовым спорам. Часть 83 – судебным приказам в исполнительном производстве, в том числе конкретной процедуре их исполнения, начиная с момента издания исполнительного листа или иного судебного приказа в сфере исполнительного производства. Часть 84 посвящена обращению взыскания на имущество должника. Часть 85 и практические указания к ней регулируют процедуру оспаривания обращения взыскания на имущество должника и порядок определения имущества, на которое запрещено обращать взыскание. 89 часть посвящена вопросам обращения взыскания на заработную плату и иные доходы должника. Основные положения ПГС о принудительном исполнении вступили в силу 25 марта 2002 года. [6, р. 318] Помимо ПГС вопросы принудительного исполнения решений по гражданско-правовым спорам также отражены в Законе о судах графств 1984 года, Законе о трибуналах, судах и принудительном исполнении 2007 года. Помимо законов, в рамках статутного права также действует Положение о Судебных исполнителях Высокого суда 2004 года, изданное Верховным судом Англии и Уэльса. Важным документом является Положение о пошлинах за обращение взыскания 2014 года. Помимо этого, в отдельных случаях сохраняет свое действие Закон о судебных решениях 1838 года и Закон о должниках 1869 года. Таким образом, не смотря на наличие Правил гражданского судопроизводства, статутное законодательство Англии и Уэльса по вопросам принудительного исполнения сохраняет все характерные черты англо-саксонского статутного законодательства такие как фрагментированность, ведь нормы содержатся как в общем акте о гражданском судопроизводстве, так и в актах, посвященных конкретным судам, при этом последующие акты не полностью заменяют предыдущие и те сохраняют свое действие, в отдельных случаях действуют акты середины XIX века, практически все статуты содержат в себе как материальные, так и процессуальные нормы.

Помимо этого, отдельные вопросы исполнительного производства не закреплены статутным правом и регулируются на основании судебных прецедентов, так право лица, осуществляющего принудительное исполнение, войти в незапертую дверь или влезть в открытое окно установлено на основании прецедента 1860 года [7, р.65].

Таким образом, на настоящий момент принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам регулируется в основном нормами статутного права, сконцентрированными в нескольких основных актах, при этом не стоит забывать о высокой степени преемственности в английском законодательстве и также обращать внимания на прецедентное право. При этом следует отметить относительно недавно прошедшие реформы, сильно изменившие в меньшую сторону объем прецедентного права в данной сфере.

В США четко выражено деление законодательства на федеральное законодательство и законо-

дательство штатов. На Федеральном уровне законодательство в США является в достаточной степени кодифицированным, что не совсем типично для стран англо-саксонской правовой семьи. Систематизации законодательства на федеральном уровне США привела к появлению:

- Большого свода законодательства США (United States Statutes at Large) и Кодекса США (United States Code), в которых систематизируются статуты федерального уровня;
- Кодекса федеральных нормативных актов (Code of Federal Regulations), в котором систематизируются нормативные правовые акты исполнительной власти.

При этом вопрос о наличии в этих сводах и кодексах кодификации как способа систематизации остается дискуссионным [8, с. 6–7]. Большой свод законодательства США является официальным источником американского законодательства, принятого Конгрессом США и представляет собой хронологически упорядоченное собрание актов, представленных в изначальном виде и формируется ежегодно Управлением по делам Федерального реестра Национального управления архивов и документации. В связи с тем, что Большой Свод формируется, без учета тематики, актуального статуса законов и внесенных поправок, соответственно поиск в нем крайне затруднен и с практической точки зрения он применяется только в качестве сборника официальных текстов закона, который принимают все суды на территории США.

В связи с этим в 1926 г. был принят и с тех пор регулярно обновляется Кодекс США, в котором федеральное законодательство сгруппировано по тематике, а утратившие силу или измененные нормы исключены или приведены в соответствие с последними действующими законами. При этом в Кодекс включаются только «постоянные законы общего характера» [9]. Разделы кодекса формируются по предметному принципу, каждый из них регулирует определенную группу однородных общественных отношений. Важной особенностью Кодекса США состоит в том, что часть разделов кодекса являются принятыми Конгрессом в качестве действующего, или позитивного права (*positive law titles*), то есть законодательные акты или их статьи, нормы на базе которых создается новый раздел кодекса, признаются Конгрессом утратившими силу и заменяются ими. Соответственно, эти разделы Кодекса США можно считать кодификацией в понимании романо-германской правовой семьи. Однако, остальные разделы Кодекса США (*non positive law titles*) являются переработкой существующих статутов, осуществляемой Службой советника по ревизии законодательства, которые разделяют статуты на отдельные положения, которые распределяют по различным структурным единицам разделов Кодекса США в соответствии с предметным делением. Следовательно, такие разделы являются не кодификацией, а предметной инкорпорацией. Поэтому для судов в США они являются в суде презумпцией существования

правовых норм, в варианте представленном в Кодексе США (*prima facie evidence*). Обычно, в ходе судопроизводства в США ссылки на норму права в том виде, в каком она зафиксированы в Кодексе, принимаются, но они могут быть опровергнуты путем ссылки на Большой свод законодательства США в случае возникновения соответствующего спора, о чем свидетельствует судебная практика.

Кодекс федеральных нормативных актов представляет собой сборник нормативных актов общего применения и постоянного действия президента и органов исполнительной власти, опубликованных в Федеральном Регистре США. Кодекс формируется Управлением по делам Федерального реестра Национального управления архивов и документации на ежегодной основе и разделы данного Кодекса систематизированы по предметно-ведомственному принципу: каждый из разделов посвящен соответствующего федеральному органу исполнительной власти и состоит из частей по областям регулирования. При этом на практике суды в США, включая Верховный суд США рассматривают нормативные акты федеральных органов исполнительной власти как источники права, не уступающие по силе статутам, при условии, что эти нормативные акты адекватно интерпретируют положения федерального законодательства. Критерии адекватной интерпретации положений федерального законодательства были сформулированы Верховным судом США в решении по делу *Chevron U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc* [10]. При этом Кодекс федеральных нормативных актов также имеет силу *prima facie evidence* для судов, источником официальных текстов нормативных актов федеральных органов исполнительной власти является Федеральный Регистр США.

Общие вопросы принудительного исполнения судебных решений федеральных судов регулируют части 5 и 6 раздела 28 Кодекса США, 5 часть собрала в себе общие вопросы судопроизводства в федеральных судах, а 6 часть – по конкретным видам производств. Помимо этого, отдельные вопросы, связанные с принудительным исполнением судебных решений по гражданско-правовым спорам урегулированы в главе 41 раздела 15 Кодекса США, посвященного защите прав получателей потребительского кредита.

Одновременно с разделом 28 Кодекса США на федеральном уровне вопросы гражданского процесса регулируют изданные Верховным Судом США Федеральные правила гражданского процесса (*Federal Rules of Civil Procedure*), которые более подробно раскрывают процедурные вопросы, в том числе и по отдельным вопросам, связанным с принудительным исполнением. Тем не менее, в статье 69 Федеральных правил гражданского процесса содержится важная отсылочная норма, в соответствии с которой любое исполнение судебных решений должно осуществляться на основании правил гражданского судопроизводства конкретного штата. Таким образом, в США во-

просы непосредственно исполнительного производства, даже в отношении юрисдикционных актов федерального уровня регулируются совместно федеральным законодательством и законодательством штатов.

При этом на уровне штатов правовые нормы, регулирующие сферу принудительного исполнения кодифицированы в значительно меньшей степени. Только в 35 штатах из 50 приняты единые кодифицированные акты в сфере гражданского процесса по аналогии с Федеральными правилами гражданского процесса. Стоит отметить, что в части штатов такие «гражданские процессуальные кодексы» приняты законодательными органами штата (Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс), когда как в других они приняты верховными судами штата. При этом следует отметить, что в Конституции США существует «оговорка о признании и доверии» [11], в соответствии с которой суды одного штата обязаны признавать юридическую силу окончательных решений, вынесенных судами других штатов. По общему правилу окончательное решение вынесенное в одном штате требует признания в штате, в котором испрашивается исполнение. В целях упрощения данной процедуры был принят Закон о единообразном приведении в исполнение внешних судебных решений (Enforcement of Foreign Judgments Act), который в настоящий момент действует в большинстве штатов и который позволяет свести процедуру признания

На основе изложенного можно сделать вывод о высоком уровне организации законодательства, в основном с помощью статутного права на федеральном уровне и наличии различных подходов к формированию законодательства о принудительном исполнении на уровне отдельных штатов. При этом на уровне штатов большее влияние имеют нормы прецедентного права. Тем не менее, принадлежность к англо-саксонской правовой семье отражается в низкой степени кодификации законодательства в сфере принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам даже на федеральном уровне и расположению норм во множестве актов, организованных по предметному или ведомственному принципу.

От законодательства США перейдем к изучению законодательства о принудительном исполнении Канады. В Канаде на федеральном уровне отсутствует единое процессуальное законодательство. В связи с этим каждая провинция самостоятельно разрабатывала законодательство в данной сфере. Следует отметить нетипично высокий уровень систематизации и кодификации законодательства. В каждой из провинций нормы регулирующие принудительное исполнение решений по гражданским делам собраны либо в специализированном акте – Закон о гражданском исполнительном производстве в провинции Альберта или Закон об исполнении судебных решений провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, либо в отдельных главах актов, регулирующих гражданское

судопроизводство – Правила гражданского судопроизводства провинции Онтарио, Правила Верховного суда Северо-Западных территорий, Книга VIII Гражданского процессуального кодекса провинции Квебек. При этом в отдельных случаях, как в провинции Онтарио, порядок обращения взыскания на имущество должника закреплен в отдельном нормативном акте – Законе об исполнении. Однако не следует считать, что высокая степень кодифицированности и систематизации внутри каждой из провинций приводит к подобию унифицированной системы законодательства на общегосударственном уровне. Различны не только наименования и количество нормативных актов, регулирующих принудительное исполнение, даже базовые термины и понятия имеют различное содержание в законодательстве различных провинций Канады. Так, например, «судебное решение» в провинции Онтарио определяется как «решение, которое устанавливает итоговые действия по существу поданного заявления и включает в себя решение, вступившие в силу как последствия неявки одной из сторон» [12], в провинции Новая Шотландия используется специальное определение судебного решения для целей исполнительного производства, закрепленное в статье 79 Правил гражданского судопроизводства Новой Шотландии – «судебный приказ или часть приказа, содержащий требование выплаты или возврата денежных средств, включающих в себя судебные расходы» [13]. В провинции Альберта понятие «судебное решение» в целом формально закреплено только в законодательстве, регулирующем принудительное исполнение как «судебный приказ, декрет, постановление или другое признанное судом право, которое может быть исполнено в принудительном порядке» [14]. Помимо этого, во всех провинциях Канады существуют отдельные акты о признании судебных решений, принятых в других провинциях, так как автоматического признания юридической силы окончательных решений, вынесенных судами других провинций не происходит, также нет и аналога действующего в США «Закона о единообразном приведении в исполнение внешних судебных решений».

Таким образом, не смотря на упорядоченность законодательства о принудительном исполнении в рамках конкретной провинции, стремлению законодателя, в отличие от США и Великобритании расположить нормы, относящиеся к сфере принудительного исполнения в нескольких крупных и структурированных актах (здесь в очередной раз видна близость правовой системы провинции Квебек к традициям романо-германской правовой семьи, так как в Квебеке действует Гражданский процессуальный кодекс), это не снимает множества проблем практического характера в связи с необходимостью пройти процедуру признания судебного решения, вынесенного в другой провинции, и учитывать множество особенностей законодательства конкретной провинции, в которой даже базовые термины могут трактоваться иначе.

Отдельные канадские правоведы описывают существующую систему законодательства в сфере принудительного исполнения судебных решений как «архаичную, фрагментированную и неэффективную» [15, р. 3]. В 2003 году в ходе работы Постоянной конференции по унификации права в Канаде, действующей в стране с 1918 года был разработан модельный Акт о принудительном исполнении решений по гражданским делам и часть провинций к настоящему времени обновили свое законодательство, имплементировав часть положений модельного акта. К таким провинциям относятся Альберта, Ньюфаундленд и Лабрадор и Саскачеван. Но в остальной стране процесс внедрения норм модельного акта происходит крайне медленно. Подобное нежелание адаптировать законодательство провинций вызывает негативную реакцию со стороны профессионального сообщества.

Можно отметить такую характерную особенность канадского законодательства как ограниченность попыток унификации законодательства провинций на основе разработанного модельного законодательства федерального уровня, что связано как с наличием провинции Квебек, относящейся к смешанной правовой семье, так и с низкой активностью местных властей большинства провинций.

Итак, проанализировав источники права об исполнительном производстве в Англии и Уэльсе, США, мы пришли к следующим выводам:

1. Для всех исследуемых нами стран характерна фрагментарность и разрозненность законодательства в сфере принудительного исполнения судебных решений по гражданско-правовым спорам, однако, в разной степени. Для правовой системы Англии и Уэльса характерно существование множества статутных актов разных годов принятия, которые были отменены в отдельных частях в связи с принятием новых статутов, однако отдельные нормы действуют непрерывно, начиная с середины XIX века, для статутов всех времен принятия характерно сочетание материальных и процессуальных норм, хотя принятые в 1998 Правила гражданского судопроизводства являются нехарактерным для англо-саксонской правовой семьи процессуальным кодифицированным актом. Для США характерно четкое деление на более кодифицированное федеральное законодательство и менее кодифицированное законодательство на уровне штатов, при этом для обоих уровней свойственно расположение процессуальных норм во множестве актов, организованных по предметному или ведомственному принципу. Правовая система Канады отличается практически полным отсутствием релевантного законодательства на федеральном уровне и систематизированным законодательством на уровне каждой из провинций с учетом исторических каждой из провинций. При этом законодательство провинций в ограниченных объемах подвергается унификации на основе разработанных на федеральном уровне модельных актов.

2. Прецедент как источник право имеет меньшее влияние на сферу принудительного исполнения судебных решений по гражданско-правовым спорам в англо-саксонских странах, чем обычно предполагается. Не смотря на свой статус одного из основных источников права в англо-саксонской правовой семье, в рассматриваемой сфере большинство общественных отношений регулируются статутным правом. Прецедентное право имеет наибольшее значение в правовой системе Англии и Уэльса, где, например, именно прецедентом закреплено право лица, осуществляющего принудительное исполнение войти в незапертую дверь или влезть в открытое окно и на уровне отдельных штатов в США.

3. Различия в правовых системах на уровне административно-территориальных единиц федеративного государства приводят к невозможности автоматического признания и исполнения судебных решений, вынесенных на территории другого штата/провинции, что приводит к необходимости усложнения системы законодательства за счет создания отдельных норм, регулирующих порядок признания судебных решений, вынесенных в других штатах/провинциях. В особенности сложной эта процедура является в отношении провинции Квебек в Канаде, относящейся к смешанной правовой семье.

Литература

1. Мещерякова О.М. Глобализация права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 28–32.
2. Gary Slapper, David Kelly, *The English Legal System: 2011–2012*, Taylor & Francis, 2011, 784 p.
3. *Access to Justice, Final Report*, (London: HMSO, 1996), URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.dca.gov.uk/civil/final/contents.htm> (дата обращения: 20.09.2020).
4. Elliot and Quinn, *The English Legal System* 10th edition, Longman; 744 p.
5. *The Civil Procedure Rules 1998, Rule 1.1*, 1998 No. 3132 (L. 17), URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/1998/3132/part/1/made> (дата обращения: 20.09.2020).
6. *Halsbury's Laws of England Fifth Edition Volume 11, Volume 12*, 2015, 605 p.
7. *Nixon v Freeman (1860) 5 H & N647, Long v Clarke [1894] 1 QB119, CA*.
8. Ваньков А.В. Кодификация статутного права и нормативных правовых актов исполнительной ветви власти в США: сущность и процедуры // *Юридическая наука*. 2016. № 1 С. 4–11.
9. *U.S. Code › Title 1 › Chapter 3 › § 204, Codes and Supplements as evidence of the laws of United States and District of Columbia; citation of Codes and Supplements*, URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/1/204> (дата обращения: 21.09.2020).

10. Chevron U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc., 467 U.S. 837, URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/467/837> (дата обращения: 21.09.2020).
11. U.S. Constitution, Article IV, Section 1, URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articleiv> (дата обращения: 21.08.2020).
12. Rule 1.03 Rules of Civil Procedure. O. Reg. 575/07, s. 6 (1), URL: <https://www.ontario.ca/laws/regulation/900194> (дата обращения: 11.09.2020).
13. Rule 79 Nova Scotia Civil Procedure Rules, URL: http://www.courts.ns.ca/Civil_Procedure_Rules/documents/cpr_consolidated_rules_17_06.pdf (дата обращения: 11.09.2020).
14. Art 1 Interpretation, Civil Enforcement Act, RSA 2000, c C-15, URL: <http://canlii.ca/t/52d7l> (дата обращения: 11.09.2020).
15. Ann McLean, Report on the Uniform Civil Enforcement of Money Judgments Act, British Columbia Law Institute, 2005, // [Электронный ресурс] URL: http://www.bcli.org/sites/default/files/Unif_Civil_Enf_Money_Judgments_Act_Rep.pdf (дата обращения: 11.09.2020).

PROPERTIES OF THE SYSTEM OF SOURCES OF LAW REGULATING THE COMPULSORY EXECUTION OF COURT DECISIONS IN CIVIL DISPUTES IN THE COUNTRIES OF THE ANGLO-SAXON LEGAL FAMILY

Minyaylenko N.N., Zenichev N.A.

Saint-Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice

In this article, the authors analyze the system of sources of law that regulate the enforcement of court decisions in civil disputes in the UK, USA and Canada. The authors carry out an analysis in order to determine the actual level of differences between the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families in the field of civil procedure and the extent to which these differences prevent the borrowing of positive foreign experience in order to improve domestic legislation. The authors also establish the relationship between the norms of case law and statutory law in the framework of regulating the execution of court decisions in civil disputes, taking into account the peculiarities of the historical development and administrative-territorial division of each of the countries under study. Based on the study, the authors come to the conclusion about a high degree of fragmentation of legislation in the field of enforcement of court decisions on

civil disputes, especially within federal states, but at the same time, they conclude that the actual share of customary law in this area is low, which makes it possible to confidently talk about the possibility of borrowing positive experience and effective legal institutions from the countries of the Anglo-Saxon legal family, despite the existing basic differences.

Keywords: Anglo-Saxon Legal Family, Enforcement, Civil Procedure Rules, Sources of Law, USA, Canada

References

1. Meshcheryakova OM Globalization of law: philosophical and legal understanding // Russian journal of legal research. 2015. No. 2 (3). S. 28–32.
2. Gary Slapper, David Kelly, The English Legal System: 2011–2012, Taylor & Francis, 2011, 784 p.
3. Access to Justice, Final Report, (London: HMSO, 1996), URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/http://www.dca.gov.uk/civil/final/contents.htm> (date accessed: 20.09.2020).
4. Elliot and Quinn, The English Legal System 10th edition, Longman; 744 p.
5. The Civil Procedure Rules 1998, Rule 1.1, 1998 No. 3132 (L. 17), URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukSI/1998/3132/part/1/made> (date accessed: 20.09.2020).
6. Halsbury's Laws of England Fifth Edition Volume 11, Volume 12, 2015, 605 p.
7. Nixon v Freeman (1860) 5 H & N647, Long v Clarke [1894] 1 QB119, CA.
8. Vankov A.V. Codification of statutory law and regulatory legal acts of the executive branch of government in the United States: essence and procedures // Legal Science. 2016. No. 1 S. 4–11.
9. U.S. Code ›Title 1› Chapter 3 ›§ 204, Codes and Supplements as evidence of the laws of United States and District of Columbia; citation of Codes and Supplements, URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/1/204> (date accessed: 21.09.2020).
10. Chevron U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc., 467 U.S. 837, URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/467/837> (date accessed: 21.09.2020).
11. U.S. Constitution, Article IV, Section 1, URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articleiv> (date accessed: 21/08/2020).
12. Rule 1.03 Rules of Civil Procedure. O. Reg. 575/07, s. 6 (1), URL: <https://www.ontario.ca/laws/regulation/900194> (date accessed: 09/11/2020).
13. Rule 79 Nova Scotia Civil Procedure Rules, URL: http://www.courts.ns.ca/Civil_Procedure_Rules/documents/cpr_consolidated_rules_17_06.pdf (date accessed: 09/11/2020).
14. Art 1 Interpretation, Civil Enforcement Act, RSA 2000, c C-15, URL: <http://canlii.ca/t/52d7l> (date accessed: 09/11/2020).
15. Ann McLean, Report on the Uniform Civil Enforcement of Money Judgments Act, British Columbia Law Institute, 2005, // [Electronic resource] URL: http://www.bcli.org/sites/default/files/Unif_Civil_Enf_Money_Judgments_Act_Rep.pdf (date of access: 09/11/2020).